

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ПОПУЛЯРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Нурсултан

НАЗАРБАЕВ:

БЕЗ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ

Страницы
автобиографии,
размышления,
позиция...

Ответы
на вопросы
издатель-
ства

Нурсултан

НАЗАРБАЕВ:

БЕЗ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ПОПУЛЯРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛИДЕРА**

Нурсултан

НАЗАРБАЕВ:

БЕЗ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ

Страницы автобиографии, размышления.
позиция...

Ответы на вопросы
издательства

МОСКВА
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1991

ББК 65.9(2К)
Н 19

Диалог с Н. А. Назарбаевым вел
А. П. Житнухин

Н $\frac{0803010200-116}{078(02)-91}$ КБ-018-010-91

ISBN 5-235-01923-7

© «Молодая гвардия»
1991 г.

От издательства

Не так-то просто в наши дни) предложить читателю новую политическую книгу, затрагивающую самые болевые точки нашей жизни. Читатель устал. Но устал он не от обилия информации, что естественно и даже необходимо в любом цивилизованном обществе, а от характера ее. Разрушительный шквал обвинений и разоблачений, призывов к свержению и ломке, накаляющих страсти не только на митинговых площадках, но и в семьях, ежедневный обмен впечатляющими характеристиками (а чаще — просто ярлыками) известных политических лидеров и целых политических группировок... Впрочем, трудно перечислить все то, что способно вывести из нормального состояния любого человека. А наиболее впечатлительные, искренне пытающиеся понять, кто же действительно именуется демократами, либералами, консерваторами или реакционерами, уже давно не в силах отличить, где правая, а где левая сторона.

Усталость — от тревог и разочарований, от чувства безысходности. И симптом рецидива опасного заболевания — упования на сильную руку — исходит не от того, что люди не хотят жить лучше, а от того, что они боятся худшего. Потому что еще немного — и хуже будет некуда. Не пора ли хоть ненадолго остановиться и осмотреться вокруг: где мы и что мы, по-прежнему ли бредем в потемках, натываясь лишь на одни обломки «старого мира», или, быть может, где-то все же забрезжил свет?

Эта потребность — остановиться и осмотреться — и побудила издательство «Молодая гвардия» к созданию книги, несколько необычной по своему замыслу. Перед вами — не автобиографическое повест-

зование и не интервью на заданную тему. Мы просто предложили герою книги рассказать о себе все, что он сочтет необходимым. Но при этом оставили за собой право задать вопросы, которые мы так часто мысленно задаем у экранов телевизоров, читая газету или книгу, но которые, увы, так и остаются без ответа.

Мы бы не хотели преждевременно пояснять, почему из современных политических лидеров страны наш выбор пал на Нурсултана Абишевича Назарбаева. Заметим, однако, что причиной этого явилась не только популярность первого Президента Советского Казахстана, которой он пользуется сейчас и у себя в республике, и в стране, и за рубежом. (Кстати, его высокий рейтинг среди населения и различных политических сил не подрывает и то обстоятельство, что он продолжает совмещать свой государственный пост с должностью первого секретаря ЦК Компартии Казахстана.) Очевидно, что популярность популярности рознь. На наш взгляд, самое страшное, когда она превращается в самоцель. Тогда неизбежно вступает в силу известный закон, по которому цель может оправдывать любые средства. Настоящая же популярность всегда является результатом стремления к иным целям, когда для человека несравненно больший смысл приобретают совершенно другие вещи, нежели его собственное «я». Но, даже познакомившись с Н. А. Назарбаевым значительно ближе, чем большинство из наших читателей, мы считаем себя не вправе навязывать кому-то свои представления о его личных качествах и достоинствах. Надеемся, что на страницах книги каждый найдет для себя серьезную пищу для размышлений и собственных выводов. Учитывая стремительный характер происходящих сейчас процессов в общественной и политической жизни, укажем время, а заодно — и место рождения этой книги: март — апрель 1991 года, город Алма-Ата.

Черный хлеб детства

Признаться, не сразу начал я понимать, что означают слова поэта — «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Может быть, истинные ценители поэзии, а тем паче литературные критики, и не согласятся со мной, но теперь мне кажется, Федор Иванович Тютчев имел в виду то особое озарение, которое позволяет человеку с благодарностью воспринимать не только светлые стороны, но и драматизм, потрясения окружающей его жизни, вознаграждением за которые остается лишь сам высокий и до конца не исповедимый смысл человеческого существования. Может быть, это состояние в чем-то сродни ощущениям путника, который после долгих блужданий в потемках, подобно нам с вами, еще не столько увидел, сколько почувствовал свет в конце тоннеля и осознал, откуда и куда он идет, в чем конечная цель его трудного, сопряженного с огромными лишениями пути.

Похоже, сегодня мы уже не вслепую пытаемся обрести под ногами твердую почву. Но велика опасность и оступиться, вновь сбиться на привычные кривые дорожки. В таких случаях стало почти традиционным напоминать об уроках прошлого. Для меня же прошлое, о котором мы сейчас так много рассуждаем и спорим, — это прежде всего моя собственная судьба, судьбы моих близких.

Для казаха не знать семь поколений своих предков — позор. И сегодня даже в городской квартире совсем не редкость увидеть седоголовую апай — бабушку, истово внушающую малолетним внукам, как

звался и кем был их дед, прадед, отец прадеда и прочие пра, пра, пра... Не сохранилась эта народная традиция, не будь других мощных корней памяти, связывающих казахов с прошлым, вряд ли смогли они противостоять тотальному натиску ассимиляции, которому подверглись в нынешнем веке. Но это разговор особый.

Не случайно, наверное, наша память, особенно в горькие минуты, воскрешает в нас картины далекого детства. Не зря, видно, говорят, что детское, наиболее естественное восприятие мира способно подмечать самые, казалось бы, мелкие, но в то же время очень важные детали. Не поэтому ли мне сейчас так легко зримо представить послевоенную судьбу Казахстана, особенно начало пятидесятых годов, когда я был уже взрослым мальчишкой. И что ни говори, может, и следовало бы начать свои самые ранние воспоминания с описания поразительной красоты хребтов Алатау, но все же сильнее врезалось в сознание другое чувство — постоянное ощущение голода.

...Меня будят перед рассветом, я запрягаю осла и выезжаю из села, чтобы к шести утра успеть к открытию лавки в рабочем поселке (там сейчас Карагалинский суконный комбинат). Встаю в громадную очередь и, если вокруг более-менее спокойно и меня из нее не выбрасывают, к полудню добираюсь до этого хлеба. Хлеб черный, тяжелый, сожмешь его в руке — и вмятины от пальцев остаются на корке. Отстаиваю очередь два, иногда три раза, чтобы привезти домой сразу буханок десять. Хранить такой хлеб долго нельзя. Буханки разрезали и на солнце сушили сухари. Для всех большая радость. Но изредка были и настоящие праздники — когда отеливалась корова. Обычно же спасало молоко от этой коровы. Из него делали айран — казахский кефир, который ели с толченой кукурузой —

«талкан». Если бы не это — просто погибли бы. Так жили все вокруг, не только наша семья.

В последнее время мода кичиться «пролетарским» происхождением неожиданно сменилась другим поветрием: искать и во что бы то ни стало находить у своих предков «голубую» кровь. Не было ее в нашем роду никогда. Я — сын, внук и правнук чабанов, то есть вовсе не из дворян.

Все мои предки жили у подножия Алатау, в селе Чемолган, находящемся ныне в составе Каскеленского района Алма-Атинской области. У казахов было принято фамилию детям давать по имени отца, как, впрочем, и у большинства других народов с незапамятных времен. Кое-где у нас и вообще на Востоке так и сейчас поступают. И быть бы мне не Назарбаевым, а Абишевым, не войди наш обычай в острое противоречие с нормами существующей паспортной системы.

И дед, и весь его род были, по существу, не степняками, а горцами, что уже само по себе необычно для Казахстана. Редко спускались они с горных пастбищ. Бывало, и зимовали в ущельях. Но, когда Назарбай внезапно умер, пришлось семье вернуться в долину, начать оседлую жизнь. Было тогда моему отцу всего три года. А в одиннадцать определили Абиша батраком в зажиточный русский двор. Здесь надо сказать, что село наше уже в те годы было интернациональным. По одну сторону речки Каскеленки жили казахи, по другую — переселенцы из центральной России, с Дона, украинцы. Жили дружно, земли и воды всем хватало...

Попал сирота к исключительно работающим, добрым людям — Никифоровы была их фамилия. Быстро выучился говорить по-русски, освоился в крестьянском хозяйстве, а с годами стал прямо-таки незаменимым работником. Умел отец и сапоги тачать, и землю пахать, и с мельницей управляться, и с прибылью торго-

вать на ярмарке. А еще замечательно пел русские и казахские песни. Под стать себе и жену выбрал — Альжан. Тоже, правда, сироту, но лучше ее никто в селе не пел и не импровизировал. От них и мне малая толика способностей досталась — до сих пор с домброй, как говорится, на «ты».

Конечно, не были те годы идиллией, для песен и плясок редкое время выдавалось. Как говорил отец, работать приходилось до седьмого пота, до кровавых мозолей. Однако по труду и честь. Три сына было в семье хозяина Никифорова, но старшим над ними во всех делах всегда назначался Абиш. Оплата тоже велась по справедливости, никогда отец от русских обиды не знал. Так бы, наверное, и жили в трудах праведных казахские и русские семьи, не наступи роковая весна 29-го года. Впервые услышали тогда чемолганцы это трудно произносимое и не совсем понятное слово: «коллективизация». Не ведали казахи о том, что начинается для них так называемый «переход от феодализма прямо в коммунизм». Впрочем, о чем идет речь, поняли быстро — когда начали рушиться крепкие хозяйства, когда поползли по обе стороны Каскеленки черные слухи о раскулачивании.

Одним из первых ретивые организаторы колхоза подрубили под корень Никифорова. Отца не тронули — батрак, он и есть батрак. Наоборот, даже в комбед зывали, мельницу, конфискованную у хозяина, в награду сулили. Только не соблазнился Абиш чужим добром, лучше других знал, какими трудами оно наживалось. Потянулись из села подводы с обездоленными людьми. Кого из раскулаченных в иные области Казахстана отправляли, кого и подальше — на Север. А в Чемолгане уже появились новые переселенцы — «кулаки» из других мест. Только крестьянствовать им уже не разрешили, заставили кирками да кетменями стро-

ить в горах дороге. Этот серпантин и сейчас, спустя десятки лет, иначе как «арестантским» местные жители не называют. Моему отцу было поручено бригадировать на этой стройке. Здесь среди «арестанток» оч и встретил мою будущую мать.

Страшные времена пришли в казахскую степь. Сегодня мы понимаем, что ни теоретической основы, ни экономических условий для форсированного проведения коллективизации в республике не было. Драматичность ситуации усугубили грубое администрирование, стремление части местных кадров ради собственной выгоды ожесточить классовую борьбу, взвинтить и без того нереальные темпы «ускоренного оседания населения». А ведь еще В. И. Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б), разъясняя некоторым нетерпеливым левакам, что никоим образом нельзя навязывать классовое противоборство народам Востока по образцу центра России: «Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров!» Мы этого сделать не можем... Тут надо дожидаться развития данной нации...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158—159). Однако ждать ультрареволюционеры не хотели.

Одним из таких партийных функционеров был Ф. И. Голощекин, возглавлявший крайком ВКП(б) с 1925 по 1933 год. Любимая поговорка его: «Лучше пересолить, чем недосолить». Именно он стал автором и исполнителем человеконенавистнического призыва «пройтись метлой Октября по казахскому аулу», обернувшегося подлинной трагедией для казахского народа. У кочевника-скотовода отобрали единственное средство его пропитания и жизни — скот. Животные гибли без кормов и ухода в колхозах, а люди — с голода. Если, по данным Всесоюзной переписи 1926 года, в республике численность казахского населения состав-

ляла, по самым приблизительным данным, 3 миллиона 628 тысяч человек, то по переписи 1939 года она едва дотягивала до двух миллионов. Только голод унес сотни тысяч человеческих жизней. За пределы Казахстана откочевали 1,5 миллиона казахов, в том числе около 400 тысяч — безвозвратно.

Отец тоже с семьей подался в горы, вновь стал пасти скот, кочевать. И зарубка в его душе осталась на всю жизнь.

...Помню, в 1962 году я, молодой металлург, делегат комсомольского съезда, вернулся из Москвы домой. Впечатлений, конечно, масса! Буквально захлеб рассказывал отцу и пришедшим в дом соседям о Хрущеве, о его речи перед комсомольцами страны, упирая главным образом на радужные перспективы сельской жизни, на стирание граней между городом и селом. Гордый вниманием старших, долго заливался соловьем, не замечая, что в глазах аксакалов появился насмешливый блеск, а отец давно посматривает на меня с плохо скрытой укоризной. Наконец, когда я совсем распалился и стал почем зря крыть личные подсобные хозяйства и приусадебные участки, мешающие, дескать, нашему движению к светлому будущему, терпение старого Абиша лопнуло.

— Хватит, сынок, этих речей мы и по радио наслушались. Ты вот что лучше скажи неужели в Москве у всех память отшибло? Неужели опять, как в тридцатом году, хотят голодом людей морить? Сельчанин без своего надела, чабан без своего скота — как «перекати-поле» в степи. Не обижайся, Султан (так звали меня дома), но радоваться нечему. плохую новость ты нам принес...

Исправил я свою ошибку спустя много лет, когда удалось донести до земляков «суюнци» — благуу весть. Произошло это тоже после поездки в Москву,

где в самом высоком кремлевском кабинете состоялся очень серьезный и памятный для меня разговор. В беседе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, когда речь зашла о необходимости резкого подъема производства мяса в республике, я высказал крамольную по тем временам мысль, мол, надо не ограничивать, а, наоборот, всемерно поощрять развитие личных крестьянских хозяйств. Хочет сельчанин держать двух коров — пожалуйста, хочет десять — ради Бога! М. С. Горбачев меня поддержал, на свой страх и риск дал «добро» на проведение в республике соответствующего эксперимента. Хочу подчеркнуть, что было это задолго до известного мартовского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, открывшего индивидуальному сектору широкую дорогу. А уж об аренде и фермерстве тогда и вообще речи не было!

Словом, приехал из Москвы, первым делом навестил земляков, которые, кстати, на последних выборах избрали меня народным депутатом СССР. Рассказал о принятом решении. И, глядя на посветлевшие лица, остро пожалел, что нет уже рядом отца. Не дожил мудрый Абиш до новых времен, не услышал слов, которые порадовали бы его крестьянскую душу.

Признаться, результаты нового подхода к делу (хотя нового-то, по сути, ничего придумано и не было) поразили даже меня. Уже к исходу 1987 года производство мяса в Казахстане в расчете на душу населения увеличилось на 5 килограммов и в последующем продолжало расти небывалыми прежде темпами. Если за период с 1975 по 1985 год прибавка составила всего 2 килограмма, то за последнее пятилетие — 12. И все это без каких-либо материальных затрат и капитальных вложений со стороны государства! А ведь мы только приоткрыли небольшую щелочку в наглухо забитой двери, сдерживающей природную инициативу и пред-

приимчивость крестьянина, всего-то и сделали, что в предельно удушливой атмосфере тотального администрирования дали людям глоток свободы...

Какое это счастье — дышать полной грудью, знаю с детства. Отец хоть и вступил в колхоз (другого выбора просто не было), но остался в горах, пас колхозную отару. Казахи знали: когда есть овцы, скот — не пропадешь. Там, на горном джайляу, я и родился. Шел 1940 год.

Тогда же случилась у нас беда — загорелось зимовье. Отец бросился тушить, сильно обгорел. Особенно пострадала рука — несмотря на старания врачей, перестала разгибаться, стала сохнуть. Поэтому, когда через год грянула война, в армию его не взяли. получил отец «белый билет». Но военное лихолетье не обошло семью стороной. Знаю из рассказов старших, что эти годы для нашей семьи слились в одну сплошную зимнюю ночь, голодную и холодную. А самое страшное — волки. Это уже потом, повзрослев, я понял, почему бледнело лицо матери, когда раздавался их тоскливый и жуткий вой. Боялась не волков, знала, если нападут, отец и с одной рукой с ними справится. Страшно другое — вдруг зарежет стая овцу, как перед учетчиком оправдаться? Никаких резонов тогда не признавали: не уберег чабан стадо — иди под суд, получай свой «червонец».

И лишь короткое горное лето было отрадой. Для меня, мальчишки, альпийское разноцветье представляло не только, так сказать, эстетический интерес. Гораздо в большей степени — кулинарный. Сахар, лепешка, чай — все эти «деликатесы» были почти недоступны. Зато в изобилии — сладкие корни, душистые ягоды и прочий «подножный корм», который с помощью матери я довольно быстро научился искать. Тем в основном и жили. Чего было вдоволь — так это синего неба над

снежными вершинами Алатау, яркого солнца и воздуха. Неповторимого горного воздуха моего детства.

...Хорошо помню первые послевоенные годы. Впервые тогда с родителями спустился в Чемолган. Люди праздновали Победу. Столько людей я никогда раньше не видел. Да и матери многое было в диковинку. Она тоже впервые увидела балкарцев, чеченцев, немцев, турков-месхетинцев (тогда они называли себя азербайджанцами). кого только не собрали горькие военные годы в нашем некогда тихом селе! Видимо, сразу после Победы режимные порядки в стране несколько послабли, потому что смогли вернуться в Чемолган и некоторые из тех «кулаков», что были высланы в тридцатые годы. Приехали на отчую землю Никифоровы, правда, лишь сыновья, глава семьи так на чужбине и сгинул.

Вспоминая сейчас те годы, многому удивляешься. Совсем иная жизнь была! Ну, взять, например, языковые проблемы, которые сегодня и в Казахстане, и во многих других республиках столь обострились. Тогда о них никто не задумывался. Вполне естественным было знание двух, а то и нескольких языков. Отец хорошо говорил на языке депортированных балкар, считался среди них своим. Да и как бы я, шестилетний парнишка, практически не слышавший раньше ни одного русского слова, смог жить среди русских, если бы они не знали казахского? Через год и мне не составляло труда заговорить вполне сносно по-русски. Запросто общался с балкарцами, турками, мог понять чеченца и даже с немецкими детьми время от времени словечком на их языке перебрассывался. Сегодня трудно понять, как смогли мы утратить этот драгоценный дар межнационального общения, почему столь небрежно отнеслись к своему языковому богатству. Вот уж истинно: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

...В сентябре 1990 года в одной из смешанных русско-казахских школ Алма-Аты прогремел взрыв, всколыхнувший все население миллионного города. К счастью, обошлось без жертв. Несмотря на усилия, как принято у нас говорить, «компетентных органов», конкретных виновников акции установить не удалось. Кое-кто склонен считать, что это была опасная детская шалость, мне же сдается, не обошлось здесь без участия взрослых «дядей», преследовавших вполне определенные политические цели. И вот почему. Не без основания предполагают, что объектом взрыва была металлическая решетка, разделившая школьное помещение на две части — казахскую и русскую. Установили ее тогда, когда в угоду административным амбициям некоторых чиновников от образования в школе появились два директора, два завуча, два совершенно обособленных коллектива учителей. Понятно, два медведя в одной берлоге никогда не уживутся, вот и началась борьба за «суверенитет», окончившаяся установлением «пограничной зоны». Не правда ли, очень похоже на сепаратистские игры, которые столь модно стало вести в некоторых наших парламентах! И ведь невдомек было учителям, что своими действиями они разделяют детей по национальному признаку, собственными руками закладывают «мину», которая по законам драмы рано или поздно обязательно должна взорваться.

Я вот теперь думаю, сколько бы пришлось ставить решеток в моей маленькой и невзрачной смешанной русско-казахской чемолганской школе, если бы вместо учителей, искреннюю признательность к которым я сохранил и по сегодняшний день, в ней работали нынешние ревнители «национальной чистоты»? Были у нас и русские, и казахские классы, причем и в тех, и в других учились дети разных национальностей. Ничего необычного не было в том, что украинский или чечен-

ский ребенок учился на казахском языке. Я, например, пошел сначала в казахский класс, через шесть лет — в русский, затем, уже в десятом, снова стал учиться на казахском.

Конечно, мальчишки есть мальчишки. Бывало, и дрались «стенка на стенку», улица на улицу. Но никогда команды «бойцов» по национальному признаку не делились. Да и как разделить, если к дому казахской семьи лепился дом турка-месхетинца, а в следующих жили Богдан, Рихард, Олег...

Говорят, с возрастом люди склонны идеализировать прошлое, вспоминать прожитое только в розовой тональности. Возможно, это и так. Но для меня дружба между народами никогда не являлась чем-то абстрактным, она всегда находила выражение в простом человеческом чувстве приязни к людям иной национальности, живущим одной с тобою жизнью, одними мыслями и заботами. И очень жаль, что в последнее время мы стали как-то избегать слова «дружба», подменив его безликим словосочетанием «международные отношения».

Понимаю, сравнивать прошлое и настоящее — дело крайне неблагоприятное. Здесь легко впасть в ностальгию, голый субъективизм. Однако, глядя сегодня на хмурые, неулыбчивые, зачастую озлобленные лица своих соотечественников, я задаю себе вопрос: в чем причина? Неужели нынешняя жизнь настолько хуже прежней? Вроде бы нет. Если даже учесть все негативные явления, поразившие наше общество, включая полупустые полки магазинов и рост преступности, все равно уровень жизни сороковых, пятидесятих годов окажется намного ниже. Видимо, причина общественного пессимизма лежит в моральной плоскости. Люди устали разочаровываться, устали жить лишь надеждами на какое-то иллюзорное светлое будущее, не полу-

чая ничего в настоящем. Они потеряли перспективу, которая, несомненно, была у моего поколения. И главное — разучились трудиться по-настоящему, чему в немалой степени способствовала развращающая обстановка двух десятилетий брежневского правления. На востоке говорят, что если ошибается пророк, то за ним спотыкается весь народ. Ржавчина поголовной уравниловки и безответственности, коррупции и фальшивых лозунгов подточила нравственное здоровье народа намного сильнее, нежели период сталинских репрессий.

То, что мы сейчас называем трудовым воспитанием, над эффективной организацией которого бьются целые педагогические коллективы, в мои школьные годы не являлось проблемой. Если бы в то время кто-то сказал, что надо у детей воспитывать уважение к труду, наверное, его бы просто за сумасшедшего сочли. Ведь не говорим же мы сейчас о необходимости, например, дышать воздухом.

...Послевоенное время, конец сороковых — начало пятидесятых. Мать получала от колхоза на обработку гектар свеклы. Адский труд с весны и почти до первого снега. Представьте, что значит после сеялки прорвать этот гектар вручную, под палящим солнцем, не разгибая спины. Такое запоминается на всю жизнь. А когда наконец свекла созреет, надо большим ножом всю ее очистить, погрузить, сдать и после этого взять в колхозе справку на получение полутора мешков сахара с Бурундайского сахарного завода. Вот и вся плата, деньгами — ни копейки.

Запомнилось, как отцу было поручено на отлогостях гор посеять несколько гектаров пшеницы и сдать урожай колхозу. Когда пшеница созрела, вдвоем с отцом косили ее вручную. Ночами, при свете луны. К косам приделывали грабли, чтобы колосья ложились в

одну сторону. Через два-три часа такой работы в спине начиналась невыносимая ломота. Мы косили, а мать вязала снопы, которые затем везли в центр колхоза мслотить на триере.

Вообще-то главным занятием отца было животноводство. Если бы я сказал, что он трудился с утра до ночи, то и это было бы, наверное, неточно. Я просто не помню, когда он спал или хотя бы присел на минуту, чтобы вот так, ничего не делая, передохнуть то дрова рубит, то корчует, то едет что-то продавать. Поскольку воспитывался отец у русских зажиточных людей, он и земледелие знал прекрасно. Почти безграмотный человек, он умел, например, скрещивать фруктовые деревья. Все приходили к нам в сад и смотрели, как на чудо, на диковинные плоды или на яблоню апорт, с одной стороны которой свисали... груши.

Такие яблоки, какие выращивал отец, мне потом нигде не приходилось видеть. Любимый свой сорт — апорт — он умудрялся сохранять в первозданном виде до самой весны. В марте — апреле их можно было продать на базаре значительно дороже. Но опять вставала целая проблема от Чемолгана до Алма-Аты — 45 километров, по пути могут ограбить, поскольку едешь на лошади, запряженной в бричку.

Уже в июне мы собирали первый урожай картошки — и снова на базар. Перед посадкой отец начинал проращивать семенной картофель еще в феврале, прямо в доме. Помню, что наша хата вся была буквально завалена этой картошкой. И каждый клубень отец разрезал на несколько частей, по числу ростков. Главное, чтобы росток в землю попал.

Еще один доход семье давал клевер, который сеяли после уборки картошки. Клевер здорово ценился как корм и тоже продавался.

К чему я об этом вспоминаю? Да к тому, что в то время как ни крутись, как ни разбивайся в колхозе, но жить, или точнее — выжить можно было только с помощью приусадебного хозяйства. Кажется, только один раз мы получили на трудодни семь неполных мешков пшеницы. Думаю, три-четыре центнера в них было. Везли мы эти мешки из центра колхоза на тележке, гордые (заработали!) и счастливые.

Но пришла пора, и отрезали от нашей приусадебной земли (а было ее полгектара) сначала десять соток, потом еще... Страшно отец любил свою лошадь, но и с ней пришлось расстаться, потому что содержать ее запретили — корма нужны для колхоза. А однажды я глазам своим не поверил: вырубает отец своими собственными руками яблони. Оказалось, чтобы не платить с них налогов. Есть в доме стало почти совсем нечего: лишь чай, иногда кусочек сахара. А от единственной коровы нужно было сдавать колхозу столько масла, что самим оставался только обрат.

Можно, конечно, многое объяснить, но иногда все же в голове не укладывается, когда начинаешь думать: ну как при таком трудолюбии наши люди оказывались в таком положении, черт побери?

Тогда у меня было одно лишь желание: скорее пойти работать, чтобы своим заработком хоть как-то облегчить участь семьи. Ведь я среди детей — старший. А кроме меня, еще трое, да еще племянница отца с нами жила и племянница матери. Была у нас и бабушка, а рядом жил глухонемой двоюродный брат отца, человек просто удивительный — громадная, почти неестественная физическая сила и поразительная нежность к людям, ко всему окружающему...

Хотя и было огромное стремление как-то продолжить образование, но все равно преобладало одно чувство — поскорее хоть чем-то помочь дому. К тому же

мы видели, как жили приезжавшие в нашу деревню студенты, как все они нищенствовали — стипендий как таковых тогда не было.

Учеба тем не менее давалась мне легко. Кстати, когда пошел в первый класс, мои родители еще не имели собственного дома, вели кочевой образ жизни: летом — в горы, потом обратно в степь, на зимовку. Поэтому пришлось мне жить до четвертого класса у дяди, у брата отца. В школу будили утром по петуху — часов не было. Бредешь, еще сонный, по снегу километров шесть-семь, приходишь, а оказывается, еще только пять или шесть часов утра. Хорошо, если сторож добрый, запустит в школу, печку затопит. Возле нее можно было и поспать. Для домашних занятий одно время оставалось — ночь, потому что дел в хозяйстве всегда невпроворот: надо и скотину покормить, и в хлеву убрать, и воды принести, и огород прополоть. Зато время научился ценить на вес золота, успевал и уроки сделать, и выкраивал час-другой для чтения, к которому я сильно пристрастился. Конечно, здесь какая-либо система отсутствовала начисто. Брал все подряд, что в школьной библиотеке под руку попадалось. А она, на мое счастье, оказалась не бедной, удалось прочесть многое из Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Горького, наших казахских классиков — Мусрепова, Муштафина, Ауэзова, Муканова. Но особым спросом у меня и моих сверстников пользоваться фантастика и приключения. Как магнитом притягивал нас совершенно необычный, незнакомый, но такой привлекательный мир героев Дюма, Конан Дойла, Беляева, Хаггарда, Купера. И мы пытались хоть как-то материализовать его в своих играх: были у нас свои чемолганские мушкетеры и Шерлоки Холмсы, краснокожие индейцы и бледнолицые следопыты...

Здесь, пожалуй, следует пояснить, что образы город-

ской и сельско-патриархальной жизни тех лет разительно отличались друг от друга. То, что для мальчишки из города было вполне доступным и реальным, для нас чаще всего оставалось недостижимой мечтой. Проза бытия была к нам ближе, а заботы о хлебе насущном значительно острее. Это и определяло наши довольно скромные притязания к своему будущему, заставляло более трезво оценивать собственные возможности.

Не знаю, уж каким образом возникло у меня желание стать геологом. Может быть, под воздействием газет — в старших классах мы уже читали «Ленинскую смену», «Лениншил жас». Тогда в печати и по радио много говорили о строительстве Казахстанской Магнитки, о будущем этого предприятия и о призыве молодежи. У меня почему-то горное дело, металлургия ассоциировались тогда с геологией. Что такое геолог, отец не знал. Но неожиданно с ним произошел такой случай. Зимой, перегоняя скот с гор в степь, в пески, он наткнулся на геологическую партию. Заблудившиеся геологи погибали. Они лежали в песках уже совсем обессиленные и беспомощные. Лошади у них подошли, верблюд куда-то ушел. Отец накормил их, забрал с собой. Когда вернулся, задал мне только один вопрос: «Вот таким геологом ты хочешь быть?»

Но, как видно, отец все же понимал, что учиться мне надо. И он, и мать хоть только и могли, что немного читать, но людей грамотных уважали. Впрочем, среди казахов человек ученый всегда пользовался особым почетом. Повлияло, видно, и то, что в дом заходили директор школы, учителя — все в один голос твердили о том, что мне надо продолжать образование. Да и другое видел отец: молодежь, что постарше меня, как ни старалась, как ни надрывалась на работе, но так и не могла облегчить участь своих ближних. Не случайно, когда после семилетки встал вопрос продолжать учебу

или идти работать, семейный совет решил однозначно: пусть парень учится. Так впервые я уехал из родного села. Пока недалеко — в районный центр Каскелен, где была десятилетняя школа-интернат.

Уже тогда мне было понятно, что родители идут на серьезные жертвы, отпуская из дома потенциального работника-кормильца. Поэтому, приезжая на выходные дни, каникулы, выкладывался до конца, стараясь помочь в хозяйственных делах. Да и прежде, надо сказать, в летнее время прохлаждаться возможности не было. Сразу же после каждого учебного года шли или на поле, или на сенокос в горы, или пасти скот.

Мое окончание школы совпало еще с одним, если можно так выразиться, «историческим» явлением. К известной ленинской формуле о том, что «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» приплюсовали химизацию. Видно, Н. С. Хрущев посчитал, что поскольку вроде бы Советской власти и электричества уже достаточно, а коммунизм все не наступает, надо срочно найти еще какой-то компонент.

Короче, принял я решение поступить на химический факультет Казахского госуниверситета. На этот раз отец меня сразу же поддержал. Судя по всему, он тоже успел наслушаться о химизации из разговоров и радиопередач. Да и газеты он любил читать, хотя писать не умел. Надо сказать, что нам первым на селе удалось купить радио. Случилось это, кажется, в 1954 году, во время одной из поездок на базар в Алма-Ату. Как сейчас помню, назывался этот ящик «Москвич», и поначалу чуть ли не вся наша улица Подгорная собиралась к нам поглазеть на эту диковинку и послушать «живой голос» в доме.

Может быть, и не следовало бы подробно рассказы-

вать историю моей неудачной попытки поступить в КазГУ. Но она вызвала во мне, забитом парнишке, пожалуй, первые серьезные размышления, оставившие след на долгие годы. Ведь в нашем роду не было ни одного даже самого дальнего родственника с высшим образованием. Не забуду, как отец продал единственного бычка от нашей единственной коровы и деньги — по-старому 2800 рублей — отдал мне. Что значило это для семьи, я слишком хорошо понимал, поэтому решил к ним не прикасаться без крайней надобности.

О том, что существует несправедливость и люди поступают в институт по блату, я услышал от отца лишь накануне, так сказать, вместо напутствия. В комнате общежития нас было шестеро абитуриентов. Трое, включая меня, — простые парни, а трое — дети руководителей. У одного из них отец был секретарем, кажется, Уральского обкома партии, у другого — секретарем одного из райкомов Алма-Атинской области, у третьего — точно не помню, но тоже крупным начальником. Мы, сельские ребята, готовясь к экзаменам, как говорится, упирались день и ночь. Зато наши соседи гуляли круглые сутки, благо денег у них было немало. То они в парке, то на танцах. А между прочим, сразу же стало ясно, что по крайней мере двое из них совершенно ничего не знают.

Думаю, излишне говорить, что вся тройка «гулящих» детей начальства успешно сдала экзамены и была зачислена. Меня же на первом, профилирующем, экзамене гоняли часа полтора. Но все равно по химии получил пятерку. Однако предвзятое отношение сказалось и на других экзаменах. В итоге недобрал до проходной суммы один балл. Не помогло на приемной комиссии и ходатайство профессора химии, который, видимо, за полтора часа смог убедиться, что у меня действительно солидные знания.

Но что удивительно, такого возмущения, как сейчас, в то время у меня эта история все же не вызвала. Видно, так воспитали нас — в покорности. Отец все время твердил не лезь, не трогай, не говори против, не критикуй начальство. Я только теперь начинаю понимать, что он и сам был воспитан в полной покорности — лишь бы жить, лишь бы быть при семье, лишь бы не осудили, не забрали. Его можно понять: перед ним прошли репрессии тридцатых годов. Сказалась и «школа» Турксиба, где ему довелось потаскать на тачках грунт к насыпи. Кстати, был он там ударником, выдавал рекордные кубометры и за это в 36-м получил грамоту, подписанную самим Сталиным.

После неудачи с поступлением в КазГУ жизнь снова было вернулась в обычное русло, но ненадолго. Как я уже говорил, одним из основных источников наших скромных доходов был клевер. Мы его сушили, вязали в снопы, и я с нетерпением ждал того дня, когда отец скажет: завтра на базар! С вечера грузили телегу, а часа в четыре утра — в путь, в Алма-Ату на «Зеленый базар» (так тогда назывался столичный колхозный рынок). Как раз к десяти поспевали на рынок. В торговых рядах я, естественно, не задерживался. Получив от отца на кино заветный рубль в счет будущих доходов от продажи нашего товара, уходил бродить по улицам Алма-Аты, смотреть на необычную и очень мне любопытную жизнь большого города.

И вот иду однажды по улице и вдруг замечаю людей в синей летной форме троих летчиков, возвращающихся с базара с полными сетками алма-атинских огурцов. Внезапно ожила сумасшедшая мечта детства. Ведь кто из нас в мальчишеские годы не мечтал стать летчиком! Долго шел я за ними, не решаясь подойти, наконец, набравшись смелости, тронул одного за рукав

— Извините, агай, можно с вами поговорить?

Наверное, столько волнения и отчаянной решимости было написано на моем лице, что пилоты в первую минуту даже оторопели. А я, путая казахские и русские слова, чего раньше со мной никогда не бывало, стал горячо допытываться, как попасть на курсы летчиков. Где они находятся? Что нужно, чтобы на них поступить? И в подтверждение серьезности своих намерений настойчиво совал им в руки свой аттестат. В то время я с ним почти не расставался, чтобы при случае с гордостью кому-нибудь показать: сплошные пятерки и лишь одна четверочка.

Наконец разобрались. Отойдя в сторонку и сдвинув привычным жестом фуражку на затылок, старший из летчиков углубился в мой документ. Прочитав, удовлетворенно хмыкнул и, подмигнув товарищам, сказал:

— «Козырный» у тебя аттестат, парень! С таким не то что на курсы, и в институт поступать не стыдно! А ну, пошли...

Подхватив авоськи, вместе двинулись на улицу 8 Марта, где в те годы располагалось управление гражданской авиации республики. По дороге выяснилось, что летчики из Киева, через несколько часов улетают обратно, а мне несказанно повезло — как раз в этот день в управлении открывается набор абитуриентов, желающих поступить в Киевский институт гражданской авиации.

Дальше события развивались со сказочной быстротой. Под диктовку новых своих знакомых написал заявление. Изучив аттестат и записав с моих слов паспортные данные, кадровик без особых формальностей вручил направление на прохождение медицинской комиссии — остальные, мол, документы потом принесешь. И я смело пошел по врачебным кабинетам.

К концу дня уже твердо знал — годен. Теперь предстояли экзамены.

Как на крыльях, бежал я к базару. Но чем ближе, тем медленнее и неувереннее становился шаг. А встретившись взглядом с отцом, очень недовольным моим опозданием, и вовсе оробел, решил промолчать. Так ничего в тот день и не сказал. Не говорил и потом, когда всеми правдами и неправдами уезжал в Алма-Ату сдавать экзамены. И только спустя почти месяц, когда собственными глазами увидел в списке принятых свою фамилию, собрался с духом и выложил все родным.

Что было потом, и вспоминать не хочется. Мать, конечно, в слезы, дескать, хочешь уехать на край света в какой-то Киев, да еще летать! Не для того тебя родила, чтобы нашел ты погибель на свою голову! Отец же много говорить не стал, но велел к вечеру обязательно дома быть. А вечером собралась во дворе родня, пришли аксакалы — старейшины Чемолгана. Всех пригласил Абищ, никого не забыл. Стали держать совет.

Не буду пересказывать горьких слов, которые довелось тогда услышать от сельчан. Смысл их сводился к тому, что негоже рвать родные корни, отрываться от земли, вспоившей и вскормившей меня, негоже строить свою судьбу втихомолку, тайком от людей... Очень было обидно, но, может быть, именно тогда я впервые остро почувствовал кровную связь с земляками, понял, как безразличны им моя жизнь и мои заботы. Короче, на другой день скрепя сердце документы из приемной комиссии я забрал.

Наверняка кое-кому из молодых читателей мой поступок покажется малодушным. Что ж, нынешние юноши и девушки более независимы в своих решениях. В принципе это хорошо. Но, откровенно говоря,

нередко замечаю, что далеко не всегда раскрепощенность, самостоятельность молодых людей адекватны их ответственности за свои действия. Зачастую, когда наступает момент нравственного выбора, нравственной оценки предполагаемого поступка, эгоизм молодости берет верх. Конечно, и я мог бы настоять на своем, тем более что прямого запрета не было. Однако уважение к старшим составляло стержень нашего воспитания, и считалось совершенно немыслимым начинать какое-либо дело без благословения родителей. Думаю, это не самая плохая черта моего поколения. Она прививалась нам с малолетства. Отец учил: увидишь старшего — неважно, знаешь ты его или нет, но поздоровайся первым. Помню, как теплели лица взрослых, когда поприветствуешь их: «Ассалау Малейкум!» Обязательно спросят в ответ: «Ты чей сын?» Был еще и такой обычай: если возвращаешься в аул после долгого отсутствия, перед тем как зайти в родной дом, надо обязательно посетить самого старшего жителя села, чтобы поприветствовать его и получить его благословение. Может быть, все это покажется кому-то сейчас мелочами, но эти обычаи предков почитались всеми, и отцы гордились, когда дети следовали их наставлениям.

...А в Казахстане в те дни гремело название нового города Темиртау, где строился один из крупнейших металлургических комбинатов страны. Как-то в попавшемся мне на глаза номере «Ленинской смены» прочитал объявление о комсомольском наборе в Темиртауское ФЗУ, готовящее будущих металлургов. Учиться надо было в течение года на полном государственном обеспечении.

Показал заметку отцу. Прочитав, тот надолго задумался. Потом, глубоко вздохнув, произнес:

— Что ж, сынок, поезжай, посмотри мир, а туго придется — возвращайся, здесь твой дом.

Собраться, получить в райкоме комсомольскую пу-

тевку было делом двух дней. Без долгих проводов сел в поезд и махнул в Темиртау. Уже в вагоне, в разговоре с попутчиками узнал: работа предстоит трудная, но заработки у металлургов высокие. Работы я не боялся, а надежда на то, что смогу помочь семье, еще больше укрепила меня в правильности сделанного выбора.

Нурсултан Абишевич, наверное, наши читатели обратят внимание на то, что в начале своего рассказа Вы коснулись того внутреннего состояния, которое в последние годы испытывает, быть может, большинство людей. Ведь мы с конца концов получили возможность раскрыть собственные глаза, увидеть и осознать, прямо скажем, нелепость и несуразность многих сторон нашей жизни, казавшихся раньше привычными и обыденными. Но не слишком ли поздно пришло к нам прозрение? А может, оно и прежде было, но нам удобнее было заблуждаться, подстраиваться под обстоятельства?

Начнем с того, что время тоталитарного господства командно-административной системы, период застоя отмечен не только стагнацией в экономике. Застой был во всех сферах жизни: и в идеологии, и в отношениях между людьми. Возникла какая-то социальная апатия, которая усиливалась с утверждением в стране культа личности Брежнева, особенно в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов. Формировался этот культ прежде всего в Москве, брежневской плеядой — членами Политбюро, секретарями ЦК КПСС. Болезнь поражала партийно-государственную структуру сверху донизу, и ей неизбежно подвергались руководящие кадры республик и областей. Следует учесть, что Л. И. Брежнев подбирал руководителей республиканских ЦК, а те, в свою очередь, секретарей обкомов пар-

тии исключительно по принципу личной преданности — только своих людей. Да к тому же мощный фильтр в лице аппарата практически сводил к нулю вероятность просчитаться. Посудите сами: чтобы избраться, скажем, первым секретарем обкома, кандидат на этот пост должен был пройти сначала в ЦК Компартии республики, а затем в ЦК КПСС собеседования на всех иерархических ступенях — с инструктором, заведующим сектором, заместителем заведующего и заведующим отделом организационно-партийной работы, с секретарем, ведавшим кадровыми вопросами, двумя-тремя членами Политбюро. Дальше он попадал ко второму лицу в партии, уже затем — к Генеральному секретарю, а после всего этого обсуждался на заседаниях Секретариата и Политбюро ЦК. Никакой демократии на местах не было — рекомендация ЦК КПСС фактически означала окончательное решение вопроса. Пленуму обкома оставалось только проголосовать простым поднятием рук.

Иногда, конечно, такой подход вызывал на местах недоумение, особенно в случаях, когда предлагался человек со стороны, совершенно незнакомый партийному активу. Но существовало своеобразное понимание партийной дисциплины, беспрекословное подчинение вышестоящим органам. При этом вне поля критики были полностью вынесены не только отдельные зоны, но и целые регионы страны, возглавлявшиеся приближенными ее первого руководителя. Вспомним хотя бы то положение дел, которое сложилось в свое время в Казахстане, Узбекистане, на Украине, в целом ряде областей.

После прихода к руководству партией Ю. В. Андропова началось наведение порядка в производственной и социальной сферах. Простые люди восприняли это с одобрением. Но разве можно было добиться чего-ни-

будь существенного, не изменив всю систему взаимоотношений и в руководящих звеньях, и в обществе, тот политический порядок, который существовал в стране, в республиках, областях? Поэтому решения апрельского Пленума ЦК КПСС были восприняты с одобрением и получили большую поддержку. Давайте вспомним тот взрыв энтузиазма, который испытала вся страна в 1985—1986 годах. Люди воспряли, работать стали лучше, и дела поначалу вроде бы пошли на поправку. Я думаю, что народ поверил новому руководству в партии, поверил тому, что в ней есть здоровое ядро, способное изменить жизнь к лучшему.

Все ли партийные руководители в прежние времена подстраивались под обстоятельства? Я лично не могу дать утвердительный ответ на этот вопрос. Сказать категорично «да» — значит согласиться с тем, кто считает, что среди них вообще не было честных людей. Но ведь это далеко не так! Другое дело, что нельзя было не учитывать характера обстоятельств. Действительно, ну кто из нас не испытывал чувства униженности, когда все мы видели, что во главе нашей великой страны стоят пожитые и больные люди, не способные даже вразумительно слово произнести без бумажки? Но приходилось идти и на сознательные компромиссы, иначе идеально отлаженная система попросту выбрасывала любого человека. Безотказно, к примеру, работал механизм партийных взысканий. Думаю, не нужно объяснять, что значило в то время лишиться партбилета.

Конечно, многие считали для себя удобным заблуждаться и закрывать на все глаза и жили при этом безбедно и уютно. Но ведь такие приспособленцы существовали везде и во все времена. В то же время, безусловно, серьезные заблуждения были свойственны и людям порядочным — ведь многие воспринимали

стереотипы, формировавшиеся поколениями, как нечто естественное. Впрочем, ниже я намереваюсь более подробно коснуться этих проблем.

Вы неоднократно касаетесь, казато-бы, еще с недалеком прошлом простых и ясных вопросов, неожиданно обернувшихся сложной, подчас даже трагической проблемой межнациональных отношений. Рассказывая о дружной жизни в республике народов многих национальностей, Вы, однако, упомянули о насильственной ассимиляции, которой подвергся Казахстан в нынешнее время. Нет ли здесь явного противоречия?

Я считаю, что нельзя путать эти два понятия — дружбу народов нашей общей великой Родины и насильственную ассимиляцию, которой, как мы знаем, подверглись в нашей стране не только казахи. Для меня давно существует четкая, непроходимая граница между такими явлениями, как великодержавные амбиции бывших «вождей» и искреннее дружеское чувство к людям любой другой национальности, присущее простому русскому мужику, который всю жизнь землек пахал, или русскому рабочему, стоявшему рядом со мной у доменной печи и помогшему мне выйти в люди. Категорически не согласен с теми, кто утверждает, что между народами СССР никогда не было взаимопонимания. Это или заведомая ложь, или элементарное незнание жизни и истории. Думаю, что едва ли не каждый зрелый человек может на этот счет привести немало примеров из собственного жизненного опыта. Мне пришлось стать свидетелем самых добрых взаимоотношений, существовавших в многонациональных трудовых коллективах Казахстанской Магнитки. Так было и при сооружении Турксиба, Большого Балхаша, Джекказгана.

Всегда были теплыми отношения и между союзными республиками. Конечно, чувствовалось, что некоторые коренные национальности, проживающие в них, считали себя обиженными, в какой-то степени притесненными — не случайно, наверное, у многих возникла тяга к обособленности. Но, во-первых, это никогда всерьез не отражалось на общении между людьми, а во-вторых, просто преступно списывать действительно имевшие место в прошлом ущемления прав наций на русский или любой другой народ.

Исторически сложилось так, что население Казахстана оказалось очень неоднородным по своему этническому составу. Кроме того, с нами соседствуют народы Среднеазиатского региона. Рядом также живут исконно коренные нации Восточной Сибири, а на востоке республика граничит с многонациональным Синьцзян-Уйгурским районом Китая. Особая роль в истории Казахстана принадлежит русскому народу. Я думаю, и казахи, и люди всех других национальностей издавна своим особым чутьем понимали, что они — в самом добром смысле этого слова — обречены на века жить вместе, жить в согласии и дружбе. Без этого чувства понимания им просто было бы невозможно строить свою жизнь. И этот, я бы сказал, внутренний завет передавался и передается из поколения в поколение, от родителей детям, от детей — к внукам. На мой взгляд, это позволило народам всего нашего региона избежать возможных неблагоприятных последствий тех явлений, которые на некоторых этапах истории, скажем откровенно, сеяли в душах людей и определенную неприязнь друг к другу. Об этом мы тоже должны знать, и вопрос этот требует глубокого и беспристрастного исторического анализа. Здесь большое поле деятельности для наших ученых. И если мы хотим избавиться от сорняков, произрастающих время от

времени на благодатной ниве человеческих чувств, то должны понимать, откуда берутся их корни и семена.

А мы до сих пор пытаемся в сфере, как сейчас принято говорить, межнациональных отношений действовать в основном по наитию, даже не зная толком своей истории. Да это и немудрено, если учесть, что в послеоктябрьский период было все сделано для того, чтобы вычеркнуть из памяти того же казахского народа все его прошлое. Ведь что ни говори, но даже в условиях безграмотности в дореволюционном Казахстане на сто человек всегда находились двое-трое, умеющие читать и писать. Веками здесь создавались и письменная история, и богатая литература. Какие можно дать объяснения тому, что в тридцатые годы во всем регионе арабскую письменность заменили сначала латиницей, а затем, еще раз, кириллицей? Думаю, это было сделано сознательно, благо «марксисты» и научное обоснование под это подвели: якобы должно неизбежно произойти стирание всех различий между национальностями. И начали стирать память народа, превращая людей в манкуртов. И стерли в первую очередь самое лучшее — ведь плохое-то прочнее в головах сидит. Не случайно, хотим мы этого или не хотим, но в душе казахского народа сохранилось чувство ущемленности. Иначе и быть не могло в условиях, когда из региона вытеснялись языки, культуры, традиции коренных народов.

Полагаю, что, восстановив подлинную историю и высветив прошлое, мы устраним причины того недопонимания между народами, которое иногда проявляется. Порой ведь просто диву даешься, как советской официальной историографии удалось перевернуть все с ног на голову. Причем касается это не только нашей новейшей истории. Скажем, борьба отрядов Кенесары Касымова с царскими колонизаторами, которая велась

в тридцатых-сороковых годах прошлого столетия, представляется исключительно как националистическое, феодально-байское движение против интересов народа. При этом полностью замалчивается история насильственной колонизации Казахстана, которая особенно активно стала осуществляться в XIX веке. В более близкие к нам времена осуществили коллективизацию, перенесли революционную идею на степняков и кочевников. И это умудрились представить большим благом. А результат был совсем другим: отобрали у людей единственное средство к существованию — скот — и обрекли сотни тысяч на вымирание. Параллельно прошли сталинские репрессии, вырубившие под корень цвет нации — коренную интеллигенцию. В послевоенное время на долю Казахстана выпала нелегкая участь приютить народы, насильственно изгнанные со своих родных земель, — балкарцев, чечен, ингушей, турков-месхетинцев, крымских татар. А ведь нетрудно представить, в каком настроении приезжали эти люди, лишённые крова и родины. Никто не поинтересовался мнением местного населения, когда разворачивали освоение целинных и залежных земель. Бесспорно, экономическая целесообразность этого мероприятия была. Но едва ли не все советские люди были введены в заблуждение, что земли эти — бросовые и никому не нужные. На самом же деле на них жили казахи-скотоводы, которые хорошо понимали толк в земле, берегли ее, постоянно меняли пастбища, не давая им истощиться. И по вековой традиции все пастбищные земли были негласно распределены между скотоводами. Получили еще один печальный результат: не только Казахстан, а вся страна лишилась мощнейшей базы животноводства. Наряду с этим из европейской части Союза в Казахстан переселили еще около двух с половиной миллионов человек — целинников.

Повсюду стали строиться новые большие школы и ликвидироваться местные, в которых преподавание велось на казахском языке. Да и в самом народе постепенно утверждалось мнение, что ни к чему учить детей на родном языке — ведь преподавание во всех без исключения вузах и техникумах осуществлялось на русском. Моему поколению уже сами родители стали внушать: хочешь стать человеком — учись на русском. Полагалось говорить на русском языке даже в тех регионах, где коренное население составляло 90—95 процентов. Теряла под ногами почву местная интеллигенция, особенно писатели, поэты, драматурги. Ведь уже почти не было смысла создавать литературные произведения на родном языке, потому что круг читателей катастрофически снижался. Но любая попытка сказать хотя бы слово в защиту своего народа и его культуры воспринималась как националистическое поползновение. К примеру, можно вспомнить многострадальные судьбы великого Мухтара Ауэзова или крупнейшего советского ученого Каныша Сатпаева.

Приходит на память одно из выступлений Л. И. Брежнева, в котором говорилось, что наши народы расцветают как грани алмаза, каждый — своим цветом, своим языком, своей культурой. Эти слова затем кочевали из доклада в доклад местных руководителей. Много мы слышали таких цветистых речей, не имеющих ничего общего с реальностью. На деле же казахов сознательно превращали в людей второго сорта, и естественно, что в их душах откладывалась обида. Но опять-таки повторяю и еще раз подчеркну: обида эта не распространялась на простого русского человека или людей других национальностей. Простые труженики всегда жили и работали в согласии. Более того, благодаря рабочему классу России в Казахстане воз-

ник большой отряд квалифицированных рабочих коренной национальности. С помощью России подготовлена местная техническая интеллигенция. Через русский язык казахи открыли для себя не только величайшее богатство русской культуры, но и достигли духовных вершин мировой цивилизации.

Мы ясно понимаем, от кого исходили все наши беды, кому нужен был бесчеловечный режим, установленный командно-административной системой. Любой честный человек хорошо себе представляет, что русский народ и русская культура также понесла тяжелейшие потери в годы господства тоталитарных идей. Вот почему мы были и остаемся приверженными принципам интернационализма, выступаем за консолидацию людей всех национальностей, за решительное переустройство и обновление Союза, в котором должны свободно развиваться все нации и народности. Но я бы пока не стал углублять эту тему, поскольку она уже выходит за рамки заданного вопроса и требует особого обстоятельного разговора.

По горькому опыту казахского народа видно, к чему может привести «форсированное решение» не только проблемы «ускоренного строительства населения», но многих других вопросов общественного развития. Насилие над закономерностями социального процесса чаще всего оборачивалось трагическими последствиями. Не кажется ли Вам, что, постоянно подчеркивая «революционный характер» нашей нынешней перестройки, мы не в полной мере учитываем урок истории? Ведь многие издержки рецидивов форсированного подхода уже очевидны...

Что говорить, история учит многому, но мы почему-то не желаем считаться с ее уроками, чтобы не повто-

рять ошибок. В 1985 году нам объявили, что для перестройки экономики нужны два-три года. В принципе правильно определив отправные точки экономических преобразований, руководство партии и государства, как потом выяснилось, и не думало всерьез заниматься реформой политической системы. Провозглашение демократизации и гласности само по себе еще мало чего значило. Никто, видно, и не подозревал, что из двух этих близнецов без радикальных реформ в экономике можно получить такого уродливого монстра. По-моему, поначалу едва ли не всем казалось, что, устранив ряд явлений, раздражавших людей, и допустив плюрализм мнений, можно всю жизнь резко повернуть к лучшему. Но то, с чем искренне начали бороться (к примеру, те же дутые авторитеты, необоснованные привилегии, удушение критики, взяточничество, коррупция — всего и не перечислишь), оказалось лишь верхушкой айсберга, всего лишь следствием более глубоких причин. Поэтому страна ввергнута сейчас в глубокий экономический и политический кризис. Произошло примерно то же, что и с реформами, затевавшимися в пятидесятых, шестидесятых годах. Но уже с более тяжелыми последствиями, так как были допущены грубые ошибки в стратегии.

При этом, конечно, вообще было утопией рассчитывать, что за короткий срок можно повернуть всю нашу экономическую и политическую машину в нужное направление и достичь ощутимых результатов. А ведь если взглянуть на нашу историю последних семи десятилетий, то сколько можно найти примеров утопического подхода к решению сложнейших государственных, социальных и экономических проблем! Немного позднее выяснилось, что и продуманного курса в начале перестройки у нас не существовало. Стали говорить, что мы учимся по ходу нашего движения, что сама жизнь

нас постоянно учит тому-то и тому-то... Очевидно, все же учиться следует не на ходу, а в спокойной обстановке. Тогда бы, может быть, удалось избежать неоправданных экспромтов и экспериментов, на которых я еще намерен остановиться более подробно. Сейчас лишь упомяну, к примеру, о том, как стали разваливать дисциплину и порядок на предприятиях с помощью так называемой демократизации производства, или о том, как, не продумав систему налогообложения, извратили идею возрождения кооперативного сектора и окончательно расстроили денежное обращение. С каждым годом перестройки количество ошибок и просчетов увеличивалось в геометрической прогрессии. Ну а 1990 год в этом смысле стал просто рекордным. Вот теперь и приходится пожинать плачевные итоги очередной попытки предпринять непродуманный рывок. Я вообще не сторонник скачков и форсированных действий. Теперь же всем очевидно, что переход нашего общества в новое качественное состояние потребует длительного времени. Но уже сейчас нужны конкретные шаги вперед, четкие ориентиры и ясные цели, в которые поверил бы народ.

Из Ваших воспоминаний можно сделать вывод, что перелома к лучшему, например, в развитии сельскохозяйственного производства удалось добиться и в условиях «душной атмосферы тотального администрирования» Не означает ли это, что правы те, кто сейчас требует: «Верните нас к 1985 году!»? Или, по крайней мере, нет ли действительно в такой позиции доли истины?

Конечно, можно в чем-то понять людей, выдвигающих такой лозунг. Уровень жизни резко упал темпы производства снижаются, с прилавков все исчезло,

а вдобавок ко всему и социальная обстановка в стране обострилась до предела. Но возврата к прошлому нет. Надо понять главное: мы слишком долго жили беззаботно и бестолково, жили, по существу, в кредит, проедаая свое национальное богатство. Расплата должна была наступить неизбежно — вот она и пришла. Перестройка здесь ни при чем. Сложившееся положение в стране, о чем мы только что говорили выше, — результат не только субъективных просчетов. Старые методы ведения экономики уже давно пробуксовывали, и попытки вернуться к ним могут только углубить кризис и усугубить его последствия.

Поскольку уж мы коснулись проблем сельского хозяйства, поясню состояние дел в этой отрасли. Да, в прошлой пятилетке мы действительно добились существенного увеличения производства практически всех видов сельскохозяйственной продукции. Сделано это было главным образом за счет того, что сняли все ограничения в личном секторе. Но радикально реорганизовать производственные отношения на селе еще не удалось. Остается пока прежней система управления, при которой районное звено держит в кулаке все хозяйства, а директора совхозов держатся за свои привилегии и чаще всего оказывают упорное сопротивление любому новшеству, особенно введению аренды и фермерства. При этом примерно треть сельскохозяйственных предприятий республики остаются убыточными. Но на местах это по-настоящему никого не волнует, потому что государство поддерживает их дотациями. Чем хуже работает совхоз или колхоз, тем большую дотацию он получает, и зарплата у его работников оказывается выше, чем в прибыльных хозяйствах. И наоборот, чем лучше начинает работать хозяйство, тем больше оно загружается планами, тем больше прибыли у него изымается и перераспре-

деляется между отстающими. Ну разве можно всерьез говорить, что при такой парадоксальной системе мы сможем достичь чего-то существенного?

И еще одно важное обстоятельство следует учесть. Психология людей меняется, и меняется она необратимо. Люди все охотнее идут в арендные коллективы, создают фермерские хозяйства, и производительность труда оказывается в них несравненно выше. Сейчас аренда и фермерские хозяйства у нас хорошо приживаются в животноводстве, на поливных землях. В данный момент, учитывая условия Казахстана, мы считаем пока преждевременным продавать землю в частную собственность. Вряд ли кто сможет купить такие огромные массивы, когда одна клетка составляет от шестисот до тысячи гектаров. Да и население нас сейчас не поймет. Но думаю все же, что в скором времени мы должны будем частично приватизировать земельные угодья. Во всяком случае, надо двигаться вперед, другого пути у нас нет.

Вы несколько раз касались тяжелого положения Казахстана в двадцатые-тридцатые годы, отмеченные тяжелой печатью ассимиляции, коллективизации, сталинских репрессий. Но впереди всех ждали новые суровые испытания. Исключительное мужество и героизм проявил казахский народ в Великой Отечественной войне. В подтверждение этому можно было бы привести немало примеров. Достаточно вспомнить боевую славу Панфиловской дивизии или имена Манишук Маметовой, Алии Молдагуловой... За что же, по Вашему мнению, воевали казахи?

Воевали они за то же, что и подавляющее большинство советских людей, — за Родину свою. Я уже под-

черкивал мысль, что казахи никогда не связывали гнет командно-административной системы с интересами русского народа, простых людей любой другой национальности. Ведь от тех же беззаконий тридцатых годов страдали все одинаково. Вспомним хотя бы мой рассказ о судьбе семьи Никифоровых. Скажу даже больше: общие беды сильнее сплачивали народы, заставляли крепче держаться друг за друга. И чувство общей смертельной опасности, нависшей над всей страной, также способствовало единению. Я уверен, что в Великой Отечественной войне дружба народов Советского Союза действительно выдержала испытание на прочность. Другое дело, что не следует искать истоки этой дружбы в «мудрой национальной политике», как нам это твердила десятилетиями официальная пропаганда. Нет, корни у нее совершенно другие, она развивалась и крепла вопреки, в противовес антинародной политике сталинского режима.

Не могу не напомнить о том, что в этом году исполняется пятьдесят лет со дня начала священной войны советского народа с фашистскими захватчиками. Мы все хорошо знаем, какой дорогой ценой заплачено за Победу. И меня, как, наверное, и большинство людей моего поколения, которому по возрасту не довелось участвовать в войне, в последние годы тревожит чувство, что мы так и не смогли обеспечить победителям нормальной человеческой жизни. Тем более мы должны постоянно помнить о своем долге перед этими людьми, у которых, прямо скажем, на склоне лет оказалась подорванной вера во многие идеалы, в справедливость. Нередко сейчас раздается вопрос: «Во имя чего же были такие жертвы?» Я считаю это упреком всем нам. Но при этом нельзя допустить, чтобы в душах людей, особенно молодежи, сеялись сомнения по поводу того, нужна нам была такая Победа

или нет. Лично я убежден в ее глубоком смысле, потому что в той войне было разбито величайшее зло, когда-либо существовавшее в истории мировой цивилизации. И поэтому не случайно одним из моих первых шагов в качестве Президента республики явилось издание специального указа о дополнительных льготах для ветеранов Великой Отечественной войны. Это было с большим удовлетворением воспринято всеми казахстанцами.

Первые наставники

Есть у казахов пословица: «Лучше ехать, чем уповать на Бога». Не хочу сказать, что люди, среди которых я рос, были вовсе лишены суеверий. Но вот не припомню, чтобы они, пусть даже в самые тяжелые минуты жизни, опускали руки и отдавались во власть судьбы. Невольно сравниваешь прошлые годы с нашим временем, когда видишь, как растерянность и пассивность, словно густой туман, окутывают наше общество, в том числе и молодежь. Просто удивляет, что вере в какую-то фатальную неизбежность оказываются подверженными и люди образованные, вроде бы интеллигентные. Да и впрямь, зачем перенапрягать себя и чрезмерно обременяться производственными или семейными заботами, если можно, например, посмотрев в урочный час передачу по первой программе Центрального телевидения, заблаговременно узнать, какие радости и успехи или, наоборот, неприятности и разочарования ожидают тебя на предстоящей неделе. Достаточно только выяснить, под каким созвездием ты родился.

Хотя и были в моей жизни удивительные предсказания и совпадения, но скептического отношения к магам и астрологам они у меня не пошатнули. Если и приходилось сталкиваться с «ясновидением», то было оно совершенно другого свойства.

Когда я учился в Днепродзержинске на металлурга, преподавателями у нас были опытные производственники. Вел нашу группу Дмитрий Изотович Погорелов — человек широчайших познаний и в металлургии, и в жизни. И часто давал он нам простые житей-

ские советы, о которых не только не пишут, но и вообще обычно умалчивают. Как, например, подругу себе подбирать, как знакомиться, что не следует в нашем возрасте кидаться на кого попало. Замечу, что все это было гораздо глубже и серьезнее модных сейчас советов психологов и сексологов.

Мы все привязались к Дмитрию Изотовичу как к своему настоящему старшему товарищу, а привязанность порождает откровенность. Поэтому знал он всех нас как облупленных, мог каждому дать точную характеристику, насквозь видел, кто на что способен. Иногда послушает нашу болтовню, посмотрит на нас пристально и вдруг скажет: «Будешь ты, парень, инженером, начальником цеха, а по тебе тюрьма плачет, ну а тебе (это он уже ко мне обращается) быть премьер-министром».

Когда встречаемся с друзьями юности, не перестаем удивляться, как точно сбылись все его предсказания.

Впрочем, чтобы не быть в чем-то заподозренным, хочу сказать, что ни раньше, ни позднее я на свой счет чрезмерно не обольщался. Не было у меня каких-то сверхъестественных честолюбивых помыслов, просто не до них было — жизнь всегда диктовала свои, чаще прозаические, порой суровые законы. В основном почти всегда приходилось решать одну проблему: выдержать, выстоять.

...Хоть и получил я отцовское благословение на поездку в Темиртау, но, прямо скажем, затея эта родителей не вдохновляла. О Караганде и ее окрестностях, включая Темиртау, ходила в то время дурная слава. В понимании всех моих односельчан это были места лагерей, ссылок и всевозможных сборищ бандитов со всей земли. Да и трудовые армии, которые формировались и направлялись туда в годы войны по мобилизации, не представляли собой идилию в области чело-

веческих взаимоотношений. Кстати, и там не обошлось без своей «Черной кошки», нагонявшей ужас на местных жителей.

Первые впечатления о Темиртау: маленький клочок города посреди огромной строительной площадки. Краны, траншеи, котлованы, груды щебня, песка, горы строительного мусора, палатки, бездорожье. В те дни строились первая доменная печь и электроцентраль. Дня три «прокантовались» мы сначала в каком-то подвале, а затем в общежитии за рекой Нура, в поселке Токаревка. И не успели мы приступить к работе, как собрали из нас всех, имеющих среднее образование, и предложили ехать учиться в Днепродзержинск. Как оказалось, руководство республики, озабоченное подготовкой местных кадров для будущего комбината, в спешном порядке подбирало юношей коренной национальности для учебы в крупнейших металлургических центрах страны. Всего набрали около четырехсот человек. Часть ребят направили на Урал, на северные заводы, ну а нашей группе в сто человек выпало ехать на Украину.

Да, вот и не верь после этого в судьбу! Выходит, так или иначе, но предопределено мне было оказаться на берегах Днепра.

Везли нас в Днепродзержинск через Москву. Что-то вроде потрясения выдержали мы, оказавшись в столице с нашими мешками и чемоданами. А самой чудовищной пыткой оказалась поездка в метро. Кто-то упал на эскалаторе, у кого-то при сходе оторвало каблук, дверьми прищемило чей-то мешок, который так и болтался снаружи вагона до следующей остановки...

Не скрою, на многих «новобранцев» и на меня лично первое посещение Днепродзержинского металлургического завода произвело тягостное впечатление. А

дело в том, что очень мало оказалось среди нас городских жителей, хотя бы в общих чертах догадывающихся, в каких условиях и в каком режиме трудятся рабочие промышленных предприятий. Представьте себе парня-степняка, оказавшегося впервые на металлургическом заводе. Кругом все грохочет, искры сыплются огненным дождем, и кажется, все на тебя летит и падает. Расплавленный чугун течет как вода в арыке — подойти страшно. Сама мысль о том, что в этом аду придется провести всю жизнь, и вовсе выбивала из колеи. А тут еще случился конфуз. Видимо, от нервного перенапряжения или с непривычки наглотавшись газов, один из наших парней сомлел, так что первую ознакомительную экскурсию пришлось срочно прервать. Спустя несколько дней кое-кто запросился домой. Представляю, что стали о нас поговаривать после этого на заводе!

Правда, сами мы обидных слов в свой адрес не слышали. В конце учебы я узнал, что в цехе специально собиралось рабочее собрание, на котором местных острословов строго-настрого предупредили относительно каких-либо шуточек на наш счет. Но шила в мешке не утаишь, и так или иначе, а слухи о «неполноценности» казахской молодежи все-таки до нас доходили. И это стало мощным стимулятором наших самолюбивых устремлений. Вскоре и возможность представилась заметно поднять свое «реноме» в глазах украинских сверстников.

В те годы особой популярностью в Днепропетровске пользовалась вольная борьба. Крепкие рабочие парни с удовольствием ходили заниматься в секции даже после нелегкой трудовой смены. Пришли как-то в спортзал и мы, просто так, посмотреть. А когда увидели возившихся на борцовском ковре ребят, сразу сообразили, что вольная борьба — это наша

родная «казахша-курес», с которой знаком каждый мальчишка в любом ауле. Только вот привычных поясов на спортсменах не было. Однако это обстоятельство нисколько не смутило, и, когда белобрысый, ладно скроенный крепыш предложил помериться силой, я без раздумий разделся и вышел на ковер. Видок у меня, прямо скажем, был далек от спортивного, вместо трико — обычная майка, длинные «семейные» трусы. Весь спортзал буквально покатылся со смеху. А мне хоть бы что. С ходу провел свою любимую «подсечку», которой терпеливо учил меня отец. Смех поутих, зато громко под сводами зала зазвучал азартный, подбадривающий клич моих земляков. Соперник, огорченный первой промашкой, «завелся», стал горячиться. Вот тут-то я его поймал уже основательно мгновенный бросок через бедро, и обе лопатки звонко припечатались к брезенту ковра. Парень только головой помотал: ну, ты и даешь, Казахстан!

Потом мы с ним крепко подружились, с этим замечательным украинским парнем Миколой Литошко. Он даже вместе с нами на Казахстанскую Магнитку поехал. Вместе работали в Темиртау, выпускали первый казахстанский чугуун. После службы в армии он, правда, вернулся на родину, но до сих пор помним друг друга, переписываемся. Да и как не помнить, если для родителей Миколы я стал вторым сыном. Если признаться, то едва не женился на его сестре Наташе — не помню сейчас, уж что там помешало. Жила рабочая семья Литошко в своем доме на окраине Днепро-дзержинска, и ходил я туда чуть ли не каждый вечер, а по воскресеньям — само собой. Бывало, и товарищей своих казахстанских прихватывал. А надо сказать, мама у моего друга большая мастерица была пироги печь. Так вот пироги эти никогда не забуду, кажется, в жизни ничего вкуснее не ел. Особенно выручали они

нас, когда мы отправлялись на каникулы домой. Поезд от Днепродзержинска до Алма-Аты не меньше недели тогда шел, и проблема харчей на всю честную компанию стояла довольно остро. Но брали с собой в путь пирогов, приготовленных заботливой Марьей Ильиничной, и, как говорится, горя не знали.

А после того памятного вечера в спортзале отношение заводчан к будущим металлургам из Казахстана заметно переменялось в лучшую сторону. Не только я, но и многие мои земляки увлеклись вольной борьбой, даже свою команду организовали, которая успешно выступала на заводских и городских соревнованиях. Появились друзья, общие интересы, исчезла былая скованность и обособленность в отношениях. Да и в цехах пообвыклись, перестали шарахаться от каждой искры, от каждого грохочущего механизма. Общение с огнем и металлом — этими спутниками нашей будущей профессии — постепенно становилось естественным и обыденным делом.

...Как-то в одной газете в разделе «Сатира и юмор» вычитал я такую анекдотичную историю. Встречает только что прибывших на завод молодых специалистов мастер и проводит с ними первую беседу: «Здесь вы должны сначала забыть все, чему вас учили в институте, а за несколько месяцев я сделаю из вас настоящих инженеров». Да, пожалуй, никакой вуз не идет в сравнение с тем, что получил я за полтора года в Днепродзержинском училище. Во всяком случае, когда уже позднее обучался металлургическим наукам в институте, для меня почти все было ясно. А если добавить к этому приобретенные практические навыки (в училище мы ежедневно после занятий по четыре часа работали на производстве), то и говорить не о чем.

И конечно, нельзя еще раз не помянуть добрым словом тех металлургов-практиков, которые вводили нас в

самостоятельную трудовую жизнь, вводили, я бы сказал, не «за ручку», а одобрительно и твердо подталкивая в спину. Люди, подобные Д. М. Погорелову, были действительно нашими наставниками. К сожалению, позднее, придав наставничеству, как и многому другому, парадно-показательный вид, мы умудрились «придушить» и это живое дело, являвшееся естественным выражением таланта и творчества кадровых рабочих.

Часто в разговорах приходится слышать: «Мне в жизни повезло (или, наоборот, «не повезло») на хороших людей». Вспоминая свои первые самостоятельные шаги, последующий, уже более солидный жизненный опыт, я твердо пришел к выводу, что сортировать людей на «хороших» и «плохих» — дело совершенно безнадежное. Ведь бывает и так: знаешь человека не один год, кажется, уже пуд соли вместе съели, а потом вдруг лопается весь его благопристойный образ как мыльный пузырь и обнажается черт знает что. Можно и массу обратных примеров привести, когда люди со сложными, тяжелыми характерами проявляли необычайную порядочность в самые критические моменты.

Живем же мы среди тех людей, которых чаще всего выбирать не приходится. Ведь если подумать, даже друзей мы не выбираем, а сходимся с ними по каким-то потаенным жизненным тропам. Недавно вот побывал у меня в гостях мой старый близкий друг Агабек Рыспапов. Бывший металлург, живет он сейчас в Темиртау, на пенсии. А в те давние годы в Днепродзержинске был он у нас первым старостой группы. Ну, естественно, выпили мы с ним немного за встречу, как водится, ударились в воспоминания. И неожиданно произносит он такой монолог:

— А знаешь, Нурсултан, как я тебя ненавижу, когда тебя вместо меня старостой избрали. Сколько раз я те-

бя убить хотел! Хотел тебя с поезда сбросить, когда вместе домой на каникулы ехали, да ты в тамбур не выходил. Не раз на заводе хотел столкнуть тебя с площадки в ковш с металлом.

Признаться, и мне не совсем по себе стало, когда представил, как я лечу в ковш и остается от меня лишь облачко пара. А каково же было жене моей слушать наш непринужденный мужской разговор.

А дело было так. Среди ребят, попавших в Днепро-дзержинск, были и те, кто успел отбыть срок в заключении, в основном за воровство да хулиганство. Один из них, Рыспанов, бывший вор, отличался большой физической силой и вызывал у окружающих почти животный страх. Еще бы — человек сжег, будучи круглой сиротой, даже интернат, в котором жил и учился. Он единственный среди нас прилично одевался и не скрывал, откуда костюмы и модные сорочки: по пути в Днепродзержинск сполсил в поезде инженера, ехавшего с Севера, и прихватил два его чемодана. Ему чистили обувь, ему гладили брюки, ему даже подносили тарелки с едой в столовой.

Но вот постепенно выяснилось, что физически я ему не уступаю. К тому же я совершенно свободно говорил по-русски и учился на круглые пятерки. Поэтому ребята все больше начинали группироваться вокруг меня, а в конце концов и произошла, так сказать, официальная смена лидера. И вот, как выяснилось много лет спустя, затаил на меня Рыспанов смертельную обиду. Но, видно, было у парня здоровое честолюбие, чтобы сделать нужные выводы. Помню, и в учебе он здорово подтянулся. Особенно всех нас поражало, как он, плохо владевший русским, наизусть заучивал из учебников целые страницы текстов, правил и формул, если разобраться в них не хватало смекалки. А кончилось все тем, что через несколько лет мы с женой его

сосватали и женили. Он приехал в Темиртау, кончив Днепропетровский технологический институт, работал начальником смены. Оказался непревзойденным знатоком технологии, ну а трудолюбием своим едва ли не в смятение приводил своих коллег и подчиненных.

Надо сказать, в Днепродзержинске мы каждое сообщение о строительстве Казахстанской Магнитки воспринимали и с радостью, и с тревогой: успеем ли к пуску комбината? Сможем ли поднять на своих плечах эту громадину? Вот такое было ответственное настроение. Недавно перелистал старые газетные подшивки и будто вновь окунулся в напряженную и в то же время праздничную атмосферу тех лет. О Темиртау писали много, причем в бодрых, возвышенных тонах. Журналисты не жалели красок, рассказывая о героях строительства новой, крупнейшей в стране базы черной металлургии. И везде особо подчеркивалось, что комбинат — Всесоюзная комсомольско-молодежная стройка. Надо ли говорить, как возбуждающе действовали на нас эти слова, какую гордость и энтузиазм мы испытывали от сознания своей причастности к большому всенародному делу.

И вдруг в первых числах августа 1959 года по заводу поползли нелепые, страшные слухи. Будто не все спокойно в Темиртау, будто ввели в город войска, есть убитые и раненые, а стройка прекратилась. Это известие свалилось на нас как снег на голову. Сначала и верить не хотели, тем более газеты об этом помалкивали. И только сам факт, что о Казахстанской Магнитке вообще перестали писать, косвенно подтверждал справедливость людской молвы. А слухи обрастали все новыми и новыми подробностями. Помню, одну из них рассказал под большим секретом рабочий нашего цеха, редкий в те годы владелец лампового радиоприемника.

Он случайно поймал передачу радиостанции «Голос Америки». Как раз в те дни Хрущев находился в США, встречался с президентом Эйзенхауэром. И вот между ними состоялся якобы такой разговор. Эйзенхауэр, дескать, спрашивает:

— Что за город у вас новый в Казахстане?

— Темиртау,— говорит Хрущев,— металлургический гигант мы там строим.

— А почему народ бунтует? — снова спрашивает президент США.

— Ничего подобного,— отвечает наш лидер,— никакого бунта в Казахстане нет.

Тут уж мы смекнули: раз на таком уровне разговор о событиях состоялся, значит, слухи верные, дыма без огня не бывает!

Но истина о свершившейся трагедии стала нам известна только тогда, когда, закончив учебу и получив специальность, мы вернулись в республику.

Из училища я вышел с восьмым разрядом, то есть вполне квалифицированным рабочим, особенно если учесть, что в черной металлургии высший разряд — десятый. Теплым апрельским вечером последний раз прогулялись по аллее, в которой в то время стояла скульптура Прометея на высоком постаменте, а рядом горел Вечный огонь. Не знаю, сохранился ли там Прометей, но вот, говорят, памятник Брежневу установлен именно на этой аллее. Кстати, рядом с нашим училищем стояли небольшие двухэтажные домики, и нам рассказывали, что там жила его мать. Он и сам там жил раньше, когда учился в вечернем металлургическом институте. Вообще, такие разговоры были тогда в Днепродзержинске модными — ведь Л. И. Брежнев в то время уже занимал высокие государственные и партийные посты.

Наконец мы снова в Темиртау. Что больше всего

удивило сразу по возвращении — так это обилие продуктов и товаров в магазинах города. После скромного в этом отношении Днепродзержинска буквально глаза разбегались. Сейчас в это вообще трудно поверить, но на прилавках свободно лежали черная и красная икра, балык, сгущенное молоко, коньяки, вина марочные — сколько угодно! Одежда тоже на любой вкус, даже импортная. В диковинку были ондатровые шапки: многие к ним присматривались, но брали редко, как-никак 400 рублей старыми деньгами — дорого!

Все это изобилие появилось в городе после визита Брежнева, приехавшего для наведения порядка. Рассказывали, приехал он туча тучей сразу же после случившихся волнений. Пешком прошел по строительным объектам, но ни с кем из рабочих не разговаривал. Сопровождала его большая свита из местного начальства, понимавшего, что происшедшее в Темиртау так просто с рук не сойдет. И действительно, многих партийных и хозяйственных руководителей как «не оправдавших доверия» вскоре от работы освободили, кое-кого исключили из партии.

Вполне может быть, что и такого наказания не последовало бы, если бы не собрание строителей Казахской Магнитки, на котором выступил Брежнев. А начал он свой разговор довольно круто, прямо обвинив рабочих в саботаже, политической безграмотности, в том, что, дескать, пошли они на поводу антисоветских элементов, льющих воду на мельницу мирового империализма. Особенно напирал на то, что подвели Никиту Сергеевича, а ведь он по-отечески заботился о строительстве металлургического комбината!..

Вот тут и вышла осечка. Не считаясь с рангом выступающего, люди возмутились, заволновались, прямо с мест стали выкрикивать:

— Раз заботится, почему рабочие мяса не видят?

Почему жильё не строится? Почему начальство заворовалось?

И столько этих «почему?» Брежневу «выкатили», что пришлось ему сбавить тон. Вынужден был Леонид Ильич дать обещание, что наведет порядок в Темиртау, накажет виновных в допущенных безобразиях.

Тогда, летом 59-го, стихийно и мощно вырвалось наружу долго сдерживаемое народное недовольство. Приехавшая со всей страны молодежь столкнулась с типичными методами работы командно-административной системы, для которой обычные человеческие нужды и заботы практически ничего не значили. Ударными темпами возводились корпуса цехов, домны и мартены, а люди ютились в палатках, в наспех сколоченных бараках. Зачастую и спецовок-то не на всех хватало. Особенно выматывали душу перебои с водой, которую, как правило, доставляли строителям только к обеду, да и то какую-то мутноватую, с нездоровым специфическим запахом. А уж о продуктах и говорить нечего. Чашу терпения переполнило известие о том, что на базе оorsa сгноили и закопали в земле большое количество мяса, сибирских пельменей, фруктов, о наличии которых на стройке никто и не догадывался. К тому же начались перебои с бетоном, другими строительными материалами, а вынужденные простои оплачивались из рабочего кармана. Дошло до того, что наряды строителям стали закрывать по рублю на день, то есть по 10 копеек в нынешних ценах.

29 июля тысячные толпы бросивших работу каменщиков, бетонщиков, монтажников собрались на площади у здания треста, чтобы выяснить отношения с начальством. Возмущенные строители, убедившись, что никто с ними разговаривать не желает, решили по-своему восстановить справедливость. Полетели замки с продуктовых магазинов, люди самовольно стали «за-

пасаться» овощами, картошкой. Кое-кто добрался и до водки. Под шумок предприимчивые людишки потащили тюки с промтоварами... А ночью в город вошли войска, раздались выстрелы. Начались аресты, и был объявлен комендантский час. Позднее состоялся суд над «зачинщиками» беспорядков.

...А жизнь тем временем постепенно входила в свою обычную колею. К нашему приезду доменную печь еще не пустили, поэтому устроили нас в управлении Доменстрой треста Казметаллургстрой кого где придется. Мне пришлось спешно освоить профессию бетонщика, принимать большой бетон на фундаменты металлургических агрегатов. Посменно работали день и ночь: бетон нужно было принимать только горячим, не допуская хотя бы малейшего перерыва в бетонировании. Условия... впрочем, можно было бы и не вспоминать о том, как из сырого и грязного подвала перевели нас в неотапливаемое общежитие, где мы согревались на панцирных койках по двое, накрывшись матрацами, как негде было даже одежду просушить, и мы оставляли на морозе брезентовые спецовки, потому что их легче надевать заледеневшими, чем сырыми и тяжелыми, как брали утром на работу свои главные инструменты: кувалду да лопату пошире.

Да, можно и не вспоминать об этом, если бы не одно обстоятельство: ведь это была стройка не времен Кузнецкстроя, а нашей современной эпохи. И если как-то еще находят оправдания тем жертвам, которые приносились на алтарь индустриализации в период становления молодого Советского государства, то чем можно объяснить такое безразличие, пренебрежение к людям, скажем, в шестидесятые, последующие годы? Как получилось, что мы перепутали цель и средства, превратили человека в придаток всепожирающей экономической машины, требующей от него все больше и больше, почти ничего не давая взамен? Невольно ду-

маешь, а может быть, и прав был Андрей Платонов, усмотрев еще у истоков «великих строек» тот чудовищный котлован, который мы дружно принялись рыть... для самих себя.

Следует, наверное, упомянуть и еще об одной «особенности», свойственной, пожалуй (будем надеяться, что только в прошлом), многим Всесоюзным ударным комсомольско-молодежным стройкам. Поначалу пришлось работать нам в одной смене с условно осужденными или, как принято было говорить, теми, кого отправляли «на химию». Справедливости ради надо заметить, что мы не только обид от них не знали, но и чувствовали с их стороны какую-то особенную заботу. Скажем, на первых порах здорово удивляли нас их странные перекуры. Пусть по кругу толстую самокрутку, и после этого кто плакать начинает, кто хохотать. Любопытство брало верх, и мы несколько раз просили у них угостить нас этим куревом. Но разговор был всегда коротким: спросят, сколь лет — и привет! Только потом я догадался, что курили они, очевидно, анашу или еще что-то в этом роде.

Многое только сейчас начинаешь понимать. Например, как беззастенчиво порой эксплуатировался искренний порыв, энтузиазм молодежи. Ну а тогда все воспринималось как должное. Помню, в 1962 году я с трибуны XI съезда комсомола Казахстана горячо призывал: приезжайте к нам в Темиртау, ведь разбегаются ребята со стройки, девушек нет. И вызвало мое выступление бурные овации, получило поддержку.

3 июля 1960 года пустили доменную печь — единственную тогда в Средней Азии и Казахстане. Эта дата и вошла в историю как день рождения Казахской Магнитки — Карагандинского металлургического комбината. Отгремели торжественные марши, митинги, речи-рапорты, и тысячи людей, собранные со

всех концов страны, снова окунулись в обычную жизнь. Скажем прямо — в жизнь безрадостную. Жилой поселок находился в стороне, и никто даже толком не подумал, как доставлять людей на работу. Ежедневно часа два уходило только на дорогу. В общежитии холодно, не высыпаясь, держишься только за счет молодости, физической силы. Не говорю уж об отсутствии элементарной воспитательной работы, хоть каких-то условий для организации мало-мальски человеческого досуга. Главное развлечение — массовые драки: Днепропетровск на Одессу, Свердловск на Череповец, Гомель еще на кого-то. Убийства, другие тяжелые ЧП — каждый день.

Такие «университеты» обычно не проходят бесследно. И как знать, могли бы они и иначе повернуть наши, еще не оперившейся молодежи, судьбы, если бы не учили нас уму-разуму наши старшие товарищи. Причем делали они это ненавязчиво, никаких нравочений типа «что такое хорошо, а что такое плохо» не читали. Так пробурчат что-нибудь одобрителное, если заслужил, а все остальное молча — собственным примером показывают.

Никогда не забуду Бориса Васильевича Яговитова. Когда перевели нас работать на печь, был он нашим бригадиром, старшим горновым. Если меня спрашивают, что такое, по моему мнению, настоящий большевик, я всегда его вспоминаю. Его пример отношения к жизни, преданности своему делу и побудил меня вступить в партию. Он мне и рекомендацию дал. Вступал я в партию с полным убеждением, что эта организация несет людям справедливость, представляет собой силу, противостоящую лжи и порокам. Был Б. В. Яговитов, казалось бы, человеком не слишком образованным (всего четыре класса образования, но вот откуда это берется?), а знал металлургический процесс

получше иного инженера. Например, на глаз, по одному виду вытекающего металла с поражающей всех точностью мог определить его химический состав. Приехал он в Темиртау с большой Магнитки — Магнитогорского металлургического комбината, вместе с семьей. Помню, когда кто-то из наших ребят пасовал, он все время подбадривал: это пройдет, станешь ты металлургом!

Конечно, были у кадровых металлургов и такие воспитательные приемы, которые могут сейчас повергнуть в ужас даже поклонников, как это стало принято говорить, нетрадиционной педагогики. Было естественным: первая зарплата — первое посвящение. Какой в те годы город без базара, а базар без пивной? Настал и мой черед — помню, было это после ночной смены — с первого аванса вести всю бригаду, восемь человек, в эту пивную. Надо сказать, что хоть и исполнилось мне уже двадцать лет, но к вину я не прикасался. В деревне, при отце, такая мысль и в голову не могла прийти, в училище подобных традиций тоже не существовало.

Возле пивной разговор короткий:

- Ступай возьми.
- Сколько? — спрашиваю.
- Восемь бутылок. Денег добавить?
- Сам возьму.

Сходил в магазин, притащил в сетке восемь бутылок водки, выставил. Все, напомним, были не спавши, с ночной в горячем цехе. Принесли граненые стаканы, взяли по кружке пива. Когда все уже хорошо выпили, стали меня подначивать:

— Ну, что же ты, такой здоровый, а стоишь смотришь? Надо ведь когда-то начинать.

Налили мне полстакана. Я это дело залпом опрокинул и запил кружкой пива. И все, не помню даже, когда

отключился. Проснулся — лежу на широкой кровати, простыня белая, хрустящая, накрыт одеялом в пододеяльнике, под головой огромная пуховая подушка. Выяснилось, что оказался я в доме у Яговитова, а проспал ровно сутки. Хозяйка, Марья Васильевна, внесла в комнату огромную миску дымящихся пельменей, а Борис Васильевич вытащил бутылку водки.

— Я тебя, парень, понял, заставлять не буду. Но вот маленькую я тебе рекомендую выпить.

...Так из нас делали металлургов.

Рассказывая о своем становлении, Вы с самого начала неоднократно подчеркивали роль семьи, родственных отношений в Вашей судьбе. То, что здоровые семейные традиции являются основой здоровья нации, общества,— возражений, пожалуй, ни у кого не вызывает. В этой связи хотелось бы затронуть извечную проблему отцов и детей, разрыва в преемственности поколений. Не превратится ли трещина в скале в уже непреодолимую пропасть?

Несколько десятилетий мы пытались искусственным путем создавать новые традиции и внедрять их во все сферы общества. Считалось, что едва ли не весь уклад народной жизни, формировавшийся столетиями, только тянет нас назад, противостоит общественному прогрессу. При этом не дай Бог, если какая-то традиция носила еще и религиозный характер! Борясь с «отсталостью и патриархальщиной», мы выкорчевывали национальные корни, нередко допускали непростительное надругательство над вековым опытом поколений. Да и сейчас еще многие политические и общественные деятели, боясь прослыть «консерваторами», поддерживают сомнительные новшества, заполнившие жизнь

молодежи, со скепсисом относятся к таким святым для любого народа понятиям, как уважение к старшим, патриотизм, любовь к Родине.

Я так понимаю: здоровый консерватизм не противоречит прогрессу, скорее даже наоборот — способствует ему. Возьмите, к примеру, Японию, которая осуществила взлет к вершинам научно-технического прогресса, не только сохраняя, но и опираясь на консервативные традиции жизни. Нечто подобное мне довелось собственными глазами наблюдать в Южной Корее.

У казахов издавна сложились свои, по-моему, прекрасные традиции и обычаи. О некоторых из них я уже упомянул, рассказывая о поре своего детства. Нельзя обойти стороной такое качество казахов, как забота о сохранении родственных связей. Радость у человека или горе — всегда собираются все родственники. Я уже говорил, что с детства каждый человек воспитывался в духе уважения взрослых, почтительного отношения к женщине. Старшему сыну в семье полагалось заботиться о младших братьях и сестрах. Для каждой семьи считалось счастьем, если в доме есть старики. Самый младший сын обязательно оставался в доме отца даже после создания собственной семьи. Такой дом — «шанрак», в котором вместе с младшим обычно жили отец, мать, бабушка, дед, — главный для всех других. Что, разве такие традиции не способствуют нормальному формированию любого молодого человека? Думаю также, что нельзя препятствовать и соблюдению религиозных обычаев, если они несут в общество добро и гуманность. А ведь до недавнего времени одно только участие коммуниста в обряде похорон или рождения расценивалось как антипартийный поступок. Вот ведь до каких нелепостей доходило дело! Так что нечего возмущаться, почему молодежь пренебрежительно относится к нашим взглядам, жиз-

ненным принципам да при этом еще нередко снисходительно посмеивается над нами.

Да, разрыв в духовной преемственности поколений налицо. Теперь, чтобы его преодолеть, снова потребуется немало времени — слишком долго мы все разрушали собственными руками. Не хотелось бы повторять банальные вещи о роли семьи, школы, о необходимости создания качественно новой системы воспитания и образования. Этим, естественно, следует сейчас заниматься вплотную. Важно только помнить, что не помогут нам в этой работе ни призывы, ни нравоучения, ни создание новых «моральных кодексов». Думаю, что основной путь к нравственному оздоровлению лежит прежде всего через национальное возрождение народов, рост их здорового национального самосознания. Этот процесс я понимаю в самом широком смысле — речь идет и об экономике, и о культуре, и о политико-государственном устройстве. Перестройка помогла сделать многие хорошие шаги в этом направлении. Так, впервые за все годы Советской власти свобода совести у нас теперь не только декларируется, а стала реальностью. Но в то же время, как мне кажется, новое мышление очень своеобразно понимается многими деятелями культуры. Через телевидение, средства массовой информации и другие каналы мы натащили к себе слишком много сомнительных «ценностей» из западного, «цивилизованного мира». Не берусь рассуждать о проблемах так называемой массовой культуры или молодежной субкультуры. Но все же нельзя без разбора набрасываться на то, что за рубежом находится на задворках или вывозится на свалки. Мне кажется, что многие тревожные явления среди молодежи — индивидуализм, вседозволенность, разного рода распущенность — носят заимствованный, «импортный» характер.

и иногда	и не	я эпизоды,
— и так	зсу	рамы — ж-
	и на	са — ст
	и ч	

Я об этом всерьез как-то не задумывался, но, по-моему, здесь многое и от природы дается. Помните, одно время (да и сейчас это еще принято) во всех бюрократических характеристиках на «номенклатурных» людях обязательно присутствовала такая фраза: «Обладает хорошими организаторскими способностями». Но для того, чтобы стать настоящим лидером, недостаточно иметь талант организатора. Существует еще нечто более глубокое — доверие людей, их признание. В жизни мы часто встречаем, скажем, прекрасных и талантливых специалистов, инженеров, ученых. Но вот стоит их поставить на такую работу, где требуется организовать, сплотить людей, повести их за собой, — и ничего у них не получается.

Если говорить о себе, то я никогда особой страсти к каким-либо руководящим должностям не испытывал. Но с детства было какое-то внутреннее чувство собственного достоинства, не позволявшее оставаться в «середнячках». К примеру, в школе всегда стремился быть первым в учебе. Думаю, что такое чувство вполне естественно для любого уважающего себя человека. А если человек перестает себя уважать, то от него уже никакого серьезного толку в жизни не будет. Ну и так получалось, что постоянно попадал я в какие-то руководящие органы: в старших классах избирался членом ученического комитета школы, всегда в комсомольском активе находился — и в школьном, и в районном. В жизни мне удалось еще одну интересную особенность подметить. Ведь пришлось, как понимаете, общаться с огромным количеством руководящих ра-

ботников разных звеньев и масштабов. И вот что любопытно: очень часто встречались среди них люди, тесно связанные со спортом, физически сильные и ловкие. Не случайно это — ведь в детском, юношеском возрасте огромную роль играет авторитет силы или других особых физических качеств. В той же истории с Рыспановым, о которой я только что рассказывал, именно это сыграло едва ли не решающую роль в борьбе за лидерство в группе.

Нурсултан бишкекчине час
 борьбе за европайа ремя
 внушительна тинта за
 власть, свойственна му
 Западу. Считается что лучше и быстрее
 этого неизбежно займет подобная ее место
 жизни.

Конечно, это не так. Разве мы сейчас не наблюдаем в политической жизни нашего общества открытую, порой даже ожесточенную борьбу? Весь вопрос в том, во имя каких целей она ведется. Если людьми, стремящимися к власти, движут личные амбиции, корыстные интересы, мы обязаны не только противостоять им, но и... бороться с ними. Естественно, только конституционными — парламентскими и политическими — средствами.

Горячий стаж

Что греха таить, встречается среди наших людей зависть к «большим деньгам». По-житейски это можно понять и объяснить, но вот только подобная зависть порой слишком неразборчива. Ведь бывают «большие деньги» двоякого рода: одними безмятежно сорят по кабакам, одурманивая убогое воображение длинноногих кукол, другие бережно хранят, чтобы детей на ноги поставить, престарелым родителям помочь да себе обеспечить сносную жизнь. И происхождение этих денег разное.

Уже через полгода после того, как поставили меня к доменной печи, стал я зарабатывать в месяц четыре с половиной тысячи рублей. По тем временам, в 1960 году, да еще для двадцатилетнего парня — зарплата почти фантастическая! По две тысячи отцу отсылал. Потом, когда узнал, что он из них ни копейки на себя не истратил, у меня даже комок к горлу подкатил — ведь там-то, на родине, по-прежнему влачили почти нищенское существование. Но если что он и расходовал, то только на детей — братьев моих. Зато, когда первый раз от меня получил перевод, всю деревню собрал: смотрите, Султан мой работать начал, деньги зарабатывать! Ну а когда я стал ударником коммунистического труда и моя фотография в «Казахстанской правде» появилась (да я на ней еще в шляпе был!), то отец устроил настоящий пир на все село.

Ну, скажите, разве могут для человека что-нибудь значить какие-то там слава и почести в сравнении с тем горячим, волнующим ощущением, что ты достав-

ляешь радость и покой своим близким?! Это чувство здорово прибавляло сил, которые ох как нужны оказались у доменной печи.

Начал я чугушником, потом меня поставили четвертым горновым. Что такое труд горнового? Это опять-таки тяжелый лом, чтобы скрап разбить, да широкая лопата, чтобы его вытащить. А там, внутри, ад, температура около 2000 градусов. Да еще газ, пыль. Нагрузка на ребят выпала страшная. Режим выпуска металла не оставляет возможности ни жаловаться, ни передохнуть — на себя надейся. Сноровки не хватает: металл часто застывает, авария за аварией. И приходится в асбестовых халатах лезть прямо в пламя, чтобы вытащить оттуда поломавшееся оборудование. За смену выпиваешь полведра соленой воды, и столько же потом из тебя вытекает. После работы полчаса приходишь в себя под холодным душем. Но, если лето — выходишь на улицу, а там тоже жара, 35 градусов. Ребята все время разморенные, мышцы отдыхать не успевают, у многих кровь из носа идет — не все физически одинаковы. Некоторые не выдержали, уезжать начали.

Помню, как приехал ко мне в Темиртау отец, чтобы посмотреть на мою работу. Решил он пойти со мной в ночную смену, а она, как назло, совпала с большой аварией, которую и мне пришлось ликвидировать. Посмотрел он на все это, а наутро стал меня уговаривать: «Что же ты себя так мучаешь? Я сиротой в три года остался, все перенес, но такого ада не видел. Брось все!»

Значительно позже, во время посещения металлургических предприятий в других странах, к моему чувству гордости за свою базовую профессию примешивалась и обида. Особенно, когда в Южной Корее побывал на доменных печах, построенных по японским

проектам. Условия труда с нашими даже сравнивать нельзя — высочайшая механизация всех процессов, чистота, порядок. Еще острее начинаешь воспринимать и понимать возмущение наших металлургов, шахтеров, которые по производству стали и добычи угля вывели страну на первое место в мире, а работают до сих пор при сверхчеловеческих физических и моральных нагрузках.

Тогда рядом с нами были металлурги с большим стажем. Приглашали их с Урала, Украины, с Кузнецкого металлургического завода, приглашали за большие подъемные, сразу квартиры давали. Посмотрят они, как некоторых наших ребят на носилках из цеха уносят, махнут рукой: «Ну, разве таких работать научишь, им только баранов пасти». Скажу честно, задевали меня такие слова сильно. Но обиды я на этих рабочих не держу. Во-первых, грубость такая чаще шла просто от необразованности, у многих за спиной — лишь три-четыре класса. А во-вторых, не было в их словах и оттенка какой-либо национальной неприязни, а звучало в них скорее чувство профессионального превосходства, той простительной профессиональной надменности, свойственной людям сложных или опасных профессий, которые, по их мнению, непостижимы для простых смертных. Позднее только я понял эти-то мужики и сделали нас металлургами.

Но тогда я себе клятву дал: умру я здесь, стору, но таких слов обо мне не скажут! С этой клятвой я и держался. Выстояли со мной и многие мои товарищи, стали высококвалифицированными специалистами, известными металлургами. Среди них Тулеген Юсупов, Булат Каримов и многие другие.

Те, кто остался, постепенно втянулись, пообвыклись. И я не умер — довольно быстро восстановил получен-

ный еще в училище восьмой разряд, а через полгода меня уже вторым горновым поставили. А ведь есть такое железное правило (металлурги мне соврать не дадут) чтобы вести процесс и всю бригаду на горне, требуется минимум лет десять.

И еще об одном умолчать не могу. В смене горновых обычно шесть-восемь человек, и редко приходилось встретить в одной смене хотя бы двух-трех человек одной национальности. В нашей бригаде я один был из казахов, а кроме меня, в ней — татарин, русский, украинец... Достоинства человека определялись не по национальной принадлежности, а совсем по другим качествам, которые работа с металлом очень быстро выявляла. Там сразу видно, кто не прочь при случае в сторонке постоять, а кто не привык ответственность на чужие плечи перекладывать, всегда брал на себя самую тяжелую работу, в любое пекло лез первым. К таким и уважение особое, им мы и старались подражать.

К вступлению в партию меня никто не подталкивал. Это уже значительно позднее приходилось наблюдать, как уговаривали парторги рабочих подавать заявления, в то время как на получение вступительных анкет образовывались живые, порой на несколько лет, очереди итээровцев. Ни о больших перспективах, ни о льготах, ни о выдвижении мыслей не было. Просто, как я уже говорил, были перед нами живые примеры — ведь коммунисты в цехе всегда на виду, и в любых ситуациях они старались не ударить в грязь лицом. К тому же знали все, что парторганизация силу имела большую и могла, если нужно, учинить спрос с начальника цеха или любого другого руководителя.

Сейчас партию, всех коммунистов, так сказать, скопом, нередко призывают к покаянию. Я уже не говорю

о том, что раздаются голоса привлечь их к суду, к ответу, исподволь создается образ новоявленных «врагов народа». Что можно сказать по этому поводу? Думаю прежде всего, что покаяние — дело глубоко личное, зависит от совести человека, и принуждение к нему ничего, кроме фарисейства, породить не может. А во вторых, хочется задать вопрос: в чем виноваты миллионы коммунистов, исповедовавшие идеалы справедливости, свято в них верившие и стремившиеся утвердить их своими делами и поступками, всей собственной жизнью? Почему-то никому в голову не приходит мысль: а что могло бы вообще стать со всеми нами, с нашей историей, не будь в партии этого здорового стержня, мощного хребта, который, я в этом глубоко убежден, не смогли переломить ни сталинские репрессии, ни другие тяжелые испытания? Не будь в партии миллионов таких людей, неизвестно, когда бы получила право на жизнь и идея решительного поворота к новому, перестройки всей нашей жизни.

..Вступал я в партию, твердо зная, что, кроме дополнительной ответственности, мне это ничего не прибавит. Однако, как пришлось убедиться, не все в партии понимали эту ответственность одинаково. Настоящее потрясение пришлось испытать, когда бюро горкома партии вынесло мне строгий выговор с занесением в учетную карточку. Можно представить, что это тогда означало для члена КПСС вообще, а для молодого коммуниста в особенности. По существу, такое взыскание сулило практически несмыслимое пятно на всю оставшуюся жизнь, а она у меня ведь только началась. Поди объясняй потом, что ты «не верблюд», если в каждой анкете, начиная с личного листка по учету кадров, содержится графа: «Когда, кем и за что вынесено партийное взыскание».

В один прекрасный день пригласили меня к первому

секретарю городского комитета партии Лазарю Михайловичу Каткову. К тому времени я уже серьезно втянулся в общественные дела, был делегатом республиканского и всесоюзного съездов комсомола, избран членом ЦК ВЛКСМ, парторгом цеха. Но то, что мне предложат дать согласие сразу на избрание первым секретарем горкома комсомола, я никак не мог ожидать. Не помышлял я в то время менять свой выбор и связывать дальнейшую судьбу с политической карьерой. Изменить профессии металлурга? Да ни за что на свете! Честно сказать, и другие мысли сразу же возникли: зарплата у комсомольского секретаря города раза в три меньше, но главное — придется и «горячий стаж» терять. Хотя в такие годы заботы о далеком пенсионном возрасте, естественно, не очень обременяют — даже сама молодость твоя кажется вечной! — но то, что кадровые металлурги очень тщательно следили за начислением «горячего стажа», на нашей психологии тоже сказывалось. «Горячий стаж» — предмет не только профессиональной гордости. Он и льготы дает немалые, обеспечивает досрочный выход на пенсию. Металлурги постарше хорошо понимали, что такое работа с горячим металлом, и не строили иллюзий по поводу неисчерпаемости своего здоровья. Кстати, набралось у меня такого стажа семь лет.

В горкоме, как понимаете, свои мысли о зарплате и стаже я вслух не высказал (ведь члену партии полагалось жить только «высшими интересами»), но отказ дал категорический. Вот тут-то и пришлось в полной мере прочувствовать, что означала ходившая по Тёмиртау крылатая фраза: «Товарищ Катков шутить не любит!» Для начала дал мне «товарищ Катков» сутки на размышления. Через день разговор повторился примерно в том же духе. Пришлось выслушать и короткую лекцию о партийной дисциплине, и предло-

жение как следует подумать о своем будущем. Нельзя сказать, что я уж совсем не колебался, но даже помимо воли родилось во мне неудержимое противодействие такому беспардонному нажиму. Когда я ответил, что подумал хорошо, секретарь резко встал с кресла: «Имей в виду, третьего приглашения не будет!»

Напрасно я думал, что этим все кончилось. Недели через две секретарем горкома избрали другого человека, а меня вызвали на бюро горкома партии. Заведующий орготделом зачитал заранее заготовленный вердикт: «За отказ... за политическую незрелость... за проявленное малодушие...» Напрасно пытались защитить меня секретарь парткома и директор комбината, которые являлись членами бюро. Товарищ Катков шутить не любил: «Строгий выговор! И с занесением в учетную карточку, чтобы другим неповадно было!»

Не знаю, как уж мне пришла в голову мысль зайти на городской телеграф, который как раз находился через дорогу, напротив горкома, и позвонить первому секретарю ЦК ВЛКСМ Сергею Павловичу Павлову. А через несколько дней состоялось бюро обкома партии, которое не только отменило решение горкома, но и вынесло Каткову взыскание за неправильный подход к подбору кадров. Вот этого он уже никак не мог мне простить. Встретил как-то меня у доменной печи (я стоял тогда на смене старшим газовщиком), отвел в сторонку, к пульту управления, и там уж все высказал: «Заруби себе на носу, я тебе этого никогда не прощу».

Судьба, слава Богу, распорядилась так, что все же не пересеклись больше наши жизненные дороги: перевели Каткова в Джамбулскую область на повышение, вторым секретарем обкома. Но история эта оставила в моей памяти глубокую зарубку. Не то чтобы она поколебала во мне веру в справедливость. Но вот задумать-

ся о том, все ли следует принимать на веру, заставила основательно. Позднее не раз приходилось вступать в противоречия, в открытые столкновения с командным стилем, с той казарменной дисциплиной в партии, еще до недавнего времени воспринимавшейся как нечто обыденное и вполне естественное. И труднее всего бывало что-либо доказать или объяснить людям, которые, улавливая хотя бы малейшее, по их представлениям, несогласие с «генеральным курсом», сразу же начинали видеть в этом недопустимую крамолу. Апелляции же к обычному человеческому рассудку чаще всего пресекались непререкаемой фразой: «Я — солдат партии». Ну а солдату, как известно, не дозволено обсуждать недозволенное. С другой стороны, задумайтесь: уж если самые большие руководители почитали для себя за честь считаться солдатами, то на какое же звание в партии мог претендовать простой коммунист? Мне представляется, что руководители, подобные Каткову, стали жертвами вот такой казарменной, «солдатской» психологии. Не мог он себе даже в мыслях тогда представить, как это коммунист способен отказаться от выполнения такого ответственного поручения горкома партии!

Подобная психология развращала руководящие партийные звенья и нравственно. За внешне строгими рамками своеобразно понимаемой партийной этики нередко процветали ханжество и вседозволенность. Не могу, точнее, даже не имею права утверждать, что такие явления носили массовый характер. Нет, это не так! Большинство, подавляющее большинство партийцев, с которыми приходилось и приходится близко общаться, — беззаветно преданные своему делу, исключительно порядочные люди. Но иногда, причем, как говорится, на высоких уровнях, доводилось сталкиваться с такими уродливыми проявлениями челове-

ческой низости и нечистоплотности, что оставалось только диву даваться: откуда это? Ведь исходит это от людей, облеченных правом вершить судьбы других! Невольно приходят на память тяжелые воспоминания из собственной биографии, когда на меня, например, пытались найти «компромат», принуждая зарвавшихся и просто проворовавшихся руководителей давать ложные показания следствию, когда раздавались у меня телефонные звонки и неизвестные шантажисты угрожали расправами над близкими мне людьми, когда какой-то безжалостный подонок позвонил моей жене и сообщил, что я погиб в автомобильной катастрофе. Не говорю уж о сотнях анонимок, щедро засылавшихся во все инстанции, вплоть до Политбюро — всего и не припомнишь сразу. А ведь происходило это уже в перестроечные годы...

Надо сказать, что в конце концов мне все же пришлось возглавить Темиртауский горком комсомола. А случилось это так. Новый секретарь ГК КПСС Николай Григорьевич Давыдов, сменивший Каткова, пригласил меня как-то к себе и говорит: «Я знаю, какие у тебя разговоры были с Катковым. Но все же я тебя прошу: поработай-ка ты в горкоме партии заведующим отделом тяжелой промышленности. Придется заниматься своим же комбинатом, поэтому никто тебя отрывать от металлургии не собирается». Пришел я в цех, посоветовался с товарищами. Те подсказали: «Поработай, вернешься, не пропадешь, наверное, там, а опыта наберешься. Да и не стоит второй раз судьбу испытывать». В горкоме я действительно не задержался, но поскольку новый комсомольский лидер города «не потянул», я и оказался на его месте.

К тому времени у меня был уже довольно солидный запас человеческой прочности, позволяющий уверенней чувствовать себя в бурном житейском море. По-

лучил высшее образование. Я и еще несколько парней из нашего цеха по направлению завода, который и стипендию нам платил, поступили в Карагандинский политехнический институт. В то время происходила задуманная Никитой Сергеевичем очередная реорганизация высшего образования — было принято решение максимально приблизить учебу к производству. Несмотря на сильную загрузку, заниматься было сравнительно легко: если мы работали в вечернюю смену, лекции нам читали днем, и наоборот. Ежемесячно выделялось также несколько дней для лекционных, семинарских и лабораторных занятий. По такой, довольно удобной системе проучились мы год. Затем два курса «чистого» студенчества, пока на базе металлургического факультета политеха не образовался завод-ВТУЗ непосредственно при металлургическом комбинате. Здесь мы и дипломировались.

Но самым памятным событием тех лет вошла в мою жизнь первая встреча с будущей женой Сарой. А произошла эта встреча... под доменной печью, после аварии. Когда происходит авария и металл проливается на землю, смена не уходит, пока не уберет весь скрап и не восстановит железнодорожное движение. Такой уж твердый порядок: хоть день, хоть сутки, но сами разбирайтесь с собственными огрехами. Вот в такой неприятный момент — почти сутки на ногах, все в саже, прокопченные, одни глаза да зубы блестят — и повстречал я девушку, которая в ту ночь дежурила по электроподстанции и пришла посмотреть, что у нас под печью творится. Ну а вскоре, поскольку я числился в ударниках и активистах, устроили для нас комсомольско-молодежную свадьбу. Все было, как водится в таких случаях, даже ключ от квартиры для молодоженов. Только вот когда подъехали по означенному адресу, увидели, что наш пятиэтажный восьмидесятиквартир-

ный дом едва вылез из нулевого цикла. Пришлось после свадьбы идти к приятелю, у которого была двухкомнатная малометражка. Жил он в ней с женой, двумя детьми и бабушкой. Кое-как пристроили нас на первую брачную ночь в одной комнатухе с бабкой. Ну, разве такое забудешь, черт побери!

С тех пор прожили мы с женой душа в душу уже почти три десятка лет. Три дочери у нас, старшие уже замужем, младшая в школе учится. Может, и не стоило бы мне ударяться в тему семейную, сугубо личную, если бы не одна проблема, которая не дает покоя. Вот недавно младшая дочка Алия приходит из музыкальной школы и спрашивает: «Почему педагоги ко всем девочкам по имени обращаются, а меня только Назарбаевой зовут?» Что мне ей было ответить? Что ее старшим сестрам пришлось также мучиться (другого подходящего слова не нахожу) в Алма-Ате, когда я стал секретарем ЦК? Те ведь нередко даже в слезах приходили: чуть что — «Не забывай, что ты дочь Назарбаева!» — или: «А, это дочь Назарбаева!» Слово дети руководителей и не люди, будто нет и не может быть у них своих собственных мыслей, способностей, возможностей. Ну а уж если какая детская шалость приключится — не дай Бог! Одеться в школу — и то целая проблема: ведь каждую деталь туалета обязательно подметят и обсудят. Можно, конечно, сказать, что все это от нашего общего бескультурья. Но, видно, были и основания для возникновения такого устойчивого стереотипа: раз ты имеешь родственное отношение к крупному руководителю, то должен (должна) пользоваться этим и жить за счет этого. Не знаю, есть ли где-нибудь еще в мире что-то подобное. Сколько ни приходилось поехать по свету, но похожего нигде не встречал.

Кстати сказать, первый (как теперь понимаю —

довольно сомнительный) опыт международного общения обрел я также в молодые годы, на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки, куда я попал в составе советской делегации. Дело в том, что гвоздем политической программы нашей делегации были дискуссии на тему: «Преимущества социализма над капитализмом». К этим дискуссиям нас перед поездкой тщательно готовили в ЦК ВЛКСМ, в Центральной комсомольской школе. Результатом такой подготовки стало наше полное убеждение, что во всех капиталистических странах буржуи-угнетатели беспрерывно сосут кровь трудового народа и прогрессивная молодежь западных стран живет одной главной мечтой — поскорее скинуть это страшное ярмо. Однако, как неожиданно для нас выяснилось, большинство наших сверстников сильнее волновало другое — коммунистическая угроза, исходящая якобы из нашей страны, и наша готовность насадить штыком и автоматом коммунистические идеи везде, где только можно. Как видите, идеологи и пропагандисты двух миров платили друг другу, так сказать, полной взаимностью.

Главный вопрос, на который нам приходилось постоянно отвечать. «Что вы у себя дома, в Советском Союзе, имеете?» И мы бойко рассказывали, что не в деньгах счастье, что живем мы ради будущего, живем по справедливости и строим новое общество, что у нас нет разделения на богатых и бедных, белых и негров...

Помню, на встрече с американскими студентами из Бруклинского университета одна из девушек, звали ее Кариной Лагодо, допытывалась у меня «Ты, наверное, сын какого-нибудь крупного коммуниста, если попал на этот фестиваль?» Пришлось прибегать к испытанному средству и показывать свои ладони, покрытые толстым мозолистым слоем, и она своими изящными,

ухоженными пальчиками с удивлением трогала жесткие желтые бугры.

Во многом выручало нас присутствие в делегации Юрия Алексеевича Гагарина. Его простота и обаяние неизменно покоряли всех окружающих, а ту фантастически теплую встречу, которую ему устроили на Сенатской площади в Хельсинки, я бы назвал настоящим прорывом к сердцам, бывшим для нас долгое время закрытыми.

...Жизнь подтвердила мудрость моих друзей-металлургов, благословивших меня на общественную работу. Постепенно набирался опыта общения с самыми разными людьми — от простого рабочего до министра. Причем, честно признаюсь, опыт такой приходил нелегко, и был он, пожалуй, сродни «горячему стажу» у доменной печи. Но главное, довелось опять с головой окунуться в свою родную стихию, без которой я себя не мыслил, — металлургию.

Сознаю опасность заработать упреки в чрезмерной гордости за свою основную, базовую профессию, но тем не менее хочу сослаться на слова одного человека — Василия Кузьмича Акулинцева. Работал он в начале семидесятых годов первым секретарем Карагандинского обкома партии и был человеком необычайно широких взглядов, высокой культуры, проявлял удивительную компетентность в самых разнообразных вопросах. Для меня он олицетворял тот тип партийца-интеллигента, который составлял, не побоюсь здесь употребить таких, вроде бы заезженных слов, настоящий золотой фонд партийных кадров. Так вот, Василий Кузьмич часто повторял, что если человек не знает черную металлургию, то его просто в принципе нельзя считать культурным и образованным человеком.

Посудите сами. Металлургический процесс начинается с горного дела. Сначала надо добыть руду и уголь,

затем руду превратить в концентрат на агломерационных фабриках, а из угля сделать кокс. Одно только коксохимическое производство металлургического комбината — это вся химия от «а» до «я»: извлечение смол, пека, фенола, массы других элементов. Процессы получения чугуна и стали — тоже целый комплекс наук, сложнейших технологий. Не утомляя читателя описанием всех этих премудростей, отмечу только некоторые детали, характеризующие масштабы Карагандинского металлургического комбината. Железнодорожные развязки на территории предприятия составляли почти четыре сотни километров стальных путей. В автотранспортном объединении комбината — полторы тысячи автомашин. Ремонтные цехи осваивали 30—40 миллионов рублей в год. Собственная электроцентраль — это целая энергетическая отрасль. А если учесть, что вокруг всего этого работала строительная организация с ежегодным объемом строительно-монтажных работ в 120 миллионов рублей, да в сельском хозяйстве двух подшефных районов также осваивались миллионные капиталовложения, то слова В. К. Акулинцева окажутся не так уж и далеки от истины.

Когда меня избрали вторым секретарем горкома партии, ведающим вопросами промышленности и капитального строительства, партийной работой, в ее обычном, «кабинетном» представлении, я, собственно, и не занимался. На меня возложили обязанности начальника общественно-политического штаба строительства металлургического комбината, и приходилось день и ночь проводить на стройке. Должность свою про себя я так определил комиссарствующий прораб. Не поймешь сразу, то ли ты поставлен рядом с управляющим, то ли вместо него. От сумасшедшей круговерти иногда рябило в глазах. то ты на доменной

печи ликвидируешь «прорыв», то на конвертере, расписываешь по ночам графики, сдаешь сотни всевозможных актов, организуешь воскресники, обеспечиваешь перевозку бетона, металла, оборудования. И каждый день — общение с десятками, сотнями людей. Круглые сутки шли они нескончаемой чередой в штаб стройки с самыми разными, порой неожиданными, заботами и просьбами: кто грозит увести бригаду с объекта, если не наладится подача бетона, кто требует воздействовать на мужа-пьяницу.

До сих пор не могу до конца осмыслить этого, помоему, только нам свойственного, явления — создания по любому поводу различных общественно-политических штабов. Без них не мыслилась (да и теперь в ряде случаев многим не мыслится) организация каждого мало-мальски серьезного дела, будь то строительство важного народнохозяйственного объекта или проведение уборочной страды, очередная кампания по борьбе с преступностью или новая попытка наладить культурно-массовую работу в микрорайоне. В чем же первопричина возникновения этих штабов — в действительной необходимости создания сильных организующих центров, концентрирующих усилия и ресурсы на главных направлениях, или в нашем неумении как следует спланировать и организовать работу, в неадекватности государственных и производственных управленческих структур? Сейчас, оценивая прошлый опыт, я все больше склоняюсь к последнему.

Два года, которые я провел в должности начальника стройки комбината, слились для меня в один нескончаемый рабочий день. Вслед за доменной печью и конвертером — строительство слябинга, станов горячей и холодной прокатки, новых цехов, механических мастерских, расширение ТЭЦ, железнодорожных путей. Но сил хватало, так как мою еще молодую энергию дополняло сознание, что стройка была одной из крупнейших

ших того времени и многое осуществлялось впервые в стране. Например, именно на Карагандинском комбинате впервые были введены в строй 250-тонный конвертер, 600-тонные мартеновские печи, самый мощный слябинг и стан листового проката.

Месяца не проходило без визитов ведущих союзных министров — черной металлургии, тяжелого строительства, специальных монтажных работ, тяжелого машиностроения, электротехнической промышленности. Ежеквартально наведывался к нам и А. Н. Тихонов — первый заместитель А. Н. Косыгина, Председателя Совета Министров СССР. Не упоминаю уж о работниках ЦК КПСС, ЦК Компартии Казахстана и обкома партии. Они постоянно крутились на стройке, и со всех сторон — подсказки, нагоняи, советы, недовольства.

Самые «черные» периоды — ударные недели подготовок к «красным» датам. Ведь надо что-нибудь обязательно сдать и пустить к 1 Мая, к 7 Ноября, к Новому году, ко дню открытия очередного партийного съезда. На штурмы сгоняли, оголяя другие объекты, тысячи людей и так привязывались к грядущей дате, что, простите за такие слова, в буквальном смысле кишки рвали. Все союзное и республиканское начальство волновало только одно: пустить объект и отрапортовать. После этого ящиками получали награды. Помню, к открытию XXIV съезда КПСС готовились, «кровь из носа», сдать очередь коксохимического комбината, чтобы управляющий трестом А. Г. Коркин, избранный делегатом съезда, смог доложить о пуске крупной галереи, соединяющей коксохим с доменной печью. Рапорт поспел в Москву вовремя. А в первый день работы съезда галерея... рухнула.

Ни в коем случае нельзя упрекать в этом строителей Казахской Магнитки. Они в труднейших условиях

постоянно демонстрировали не только высокий трудовой порыв, но проявляли ответственность, чувство долга. Но, кроме них, были те, кто проектировал, и те, кто «мобилизовывал» на авральную работу. Результатом именно их «стараний» были большие переделки, выброшенные на ветер народные деньги. Зато после громких рапортов они умывали руки и все грехи валили на строителей и металлургов.

Сколько ни припоминаю визитов больших руководителей, но только не могу восстановить в памяти ни одного разговора о жизненных нуждах металлургов, строителей комбината. Попросту таких разговоров и не было вовсе, потому что о людях никто не вспоминал, словно никого и не касались проблемы жилья, детских садов, питания, снабжения. А проблемы эти нарастали подобно снежному кому и усугублялись серьезными сбоями, которые начал давать комбинат после того, как стал работать несколькими цехами. Вот тогда и вылезли наружу результаты штурмов и авралов. Почти между всеми металлургическими переделами выявились «узкие места», не позволяющие наладить полный цикл и выдавать металл нужного сортамента. Люди нервничали, мучились, ликвидируя поломки, аварии, работая неурочно, без выходных, а заработки тем временем катастрофически падали. Текучесть рабочих превысила тридцать процентов. Комбинат лежал на боку.

Как водится, началась чехарда и с руководящими кадрами. Одного за другим меняли начальников цехов, ведущих специалистов, директоров. В это время, в 1972 году, меня и рекомендовали секретарем парткома комбината. Насчитывалось на нем тогда тридцать тысяч работающих, среди них две с половиной тысячи — коммунисты. Можно сказать, что тогда-то и началась моя настоящая партийная работа, и началась она,

прямо скажем, невесело. За месяц до моего избрания был назначен очередной новый директор комбината, Олег Иванович Тищенко, которого перевели к нам с Урала, с Челябинского металлургического завода. И в первый год мы с ним на пару провалили все. В газетах все чаще стали появляться различные критические статьи, а в них замелькали наши фамилии.

Доставалось нам, пожалуй, поровну. Ответственность секретаря парткома за состояние всех дел на предприятии была не меньше, чем у директора, а во многих случаях, например, перед ЦК КПСС, и более суровой. Достаточно сказать, что должность моя была включена в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС. Для ясности надо заметить, что понятие «номенклатура» сулило по тем временам не привилегии, как это принято сейчас считать, а особый спрос, нередко с категорическими выводами и непредсказуемыми последствиями. Но, правда, такое положение защищало от чиновничьих нападок с нижних иерархических ступеней. Все же проще, когда знаешь, откуда может грянуть гром.

Я всегда вспоминаю О. И. Тищенко добрым словом. Были и у него, конечно, свои человеческие слабости, иногда за столом, как говорится, мог и лишку хватить. Но кто из нас без греха? Зато работал он беззаветно, умел четко отделить главные вопросы от второстепенных, всегда имел продуманную, ясную систему действий. Мы с ним никогда не сюсюкались, но как-то сразу друг друга поняли и условились действовать в одной связке, поскольку все равно отвечать вместе придется.

Сразу скажу, ждали нас испытания нелегкие, и пришлось тащить комбинат из прорыва не один год. Нашел недавно в подшивках «Правды» за 1977 год свою статью с не очень приятным названием «Причислен к отстающим». Не буду перечислять причины

неурядиц в работе комбината, которые я пытался в этой публикации проанализировать. По-моему, любопытнее сейчас выглядит другое — краткий вступительный комментарий редакции:

«Недавно партком Карагандинского металлургического комбината одобрил почин бригады старшего горнового Т. Адам-Юсупова, которая решила досрочно освоить проектную мощность доменной печи и выдать тысячи тонн продукции сверх задания. Коллектив доменного цеха, поддержав инициаторов, принял на первый год десятой пятилетки высокие обязательства, но... не справился даже с государственным планом. Еще раньше металлурги предприятия по почину коммуниста И. Абдирова решили работать под девизом: «Каждая смена — смена высокого качества». На всех участках Казахстанской Магнитки развернулась борьба за выпуск добротной продукции. Тем не менее из многих цехов идет бракованный металл.

Привожу я это небольшое редакционное вступление к моей первой статье в «Правде» полностью потому, что в нем, на мой взгляд, неожиданно емко отразился весь характер времени, которое принято сейчас называть застойным. Здесь фигурируют и ударники, и почины, и девизы, и такие памятные, принимаемые на каждый год пятилетки повышенные обязательства, и... не менее памятные результаты: «не справились с планом», «идет бракованный металл»...

В связи с этим вспоминается одна, казалось бы, нетипичная, но довольно интересная и поучительная история. В 1973 году приехал к нам на комбинат

только что избранный секретарем ЦК КПСС Владимир Иванович Долгих. Metallурги сразу увидели: этот свое дело действительно знает. Да и немудрено — ведь за плечами у него к тому времени был большой опыт работы директором Норильского металлургического комбината, секретарем Красноярского крайкома партии. Водили мы с директором его по цехам и разным объектам дня три-четыре, и я, как секретарь парткома, «забывал» ему в основном наши социальные проблемы — рассказывал о катастрофическом положении с жильем и соцкультбытом, о текучести кадров, об «узких местах» и недоделках, требующих дополнительных капиталовложений и возвращения переведенных на другие объекты строителей.

Недели через три после его отъезда нагрянула к нам бригада ЦК КПСС в количестве пятидесяти человек готовить на Секретариат ЦК вопрос: «О работе парткома Карагандинского металлургического комбината по укреплению трудовой и производственной дисциплины, созданию стабильного коллектива на предприятии». Ну, все, думаю, наговорил на свою голову!

Но вот что интересно, причем об этом в конце проверки откровенно говорили сами члены комиссии. Обычно как было принято оценивать работу первичной партийной организации? Если завод успешно справляется с планом — значит, и партком хорошо работает, и все коммунисты молодцы, значит, и соревнование налажено, и повестки собраний хорошие, и индивидуальная работа ведется. Однако, что просто поразило комиссию, у нас все было наоборот. На какие производственные показатели ни глянь — все трещат по всем швам. Но как ни искали члены комиссии, так и не смогли выявить каких-либо серьезных изъянов в партийно-политической работе.

Надо сказать, что сразу после избрания секретарем

парткома принял я, как мне и теперь видится, наверное, единственно правильное решение — делать ставку на здоровое партийное ядро в первичных трудовых звеньях. И не раз впоследствии убеждался: будь в любом трудовом коллективе, особенно в бригаде, смене, хоть пять-десять процентов настоящих, болеющих за дело коммунистов, они всегда могут сплотить остальных и повести их за собой. Только с их помощью мы и сумели предотвратить развал коллектива комбината, подняв в первую очередь ответственность за трудовую дисциплину. Кстати, убежден, что, сколько бы мы и сейчас ни искали новых прогрессивных методов хозяйствования и управления экономикой, без жесткой трудовой дисциплины на каждом предприятии все опять неизбежно обернется лишь благими намерениями с плачевными результатами.

Когда же мы начинали работать вместе с О. И. Тищенко, перед нами предстала картина почти полной анархии: массовые прогулы, невыходы, опоздания, и как следствие — падала квалификация рабочих и специалистов, не было качества продукции. Говоря о роли коммунистов, которых нам удалось поднять на бескомпромиссную борьбу за укрепление дисциплины, надо заметить, что в те годы и демократия была, и прямая критика в адрес руководителей, особенно в парторганизациях трудовых коллективов. Не так-то просто и гладко проходили, например, партийные собрания и конференции, особенно, когда дело доходило до избрания партбюро, парткомов и секретарей. Принципа «Лишь бы не меня» и в помине не было. Помню, предложили как-то нам на должность заместителя секретаря парткома комбината заведующего отделом пропаганды и агитации горкома партии — человека способного, честного и добросовестного. Но не тут-то было. Делегаты конференции высказались твер-

до: идеологами на комбинате должны быть люди, знающие и понимающие металлургов. И ничего не смогли поделывать первые секретари обкома и горкома, рекомендовавшие товарища. Так что альтернативы тогда тоже выдвигались, а чиновничества особого не было.

Старались мы с членами парткома и директором комбината, не заигрывая, устанавливать нормальные человеческие отношения с людьми. Например, каждый Новый год встречали в тех сменах, которые выполняли задания. Приходили к ним с цветами, а затем вместе ехали домой. Постоянно проводили откровенные беседы за чаепитием со специалистами, бригадирами, инженерно-техническими работниками, а их только на металлургическом заводе насчитывалось 3200 человек. Причем многие из них из-за постоянных авралов и аварий, ненормированной работы становились какими-то зачуханными, переставали думать, переставали быть инженерами. Поэтому на первых порах приходилось едва ли не силой заставлять их учиться, следить за собственной квалификацией. Стали организовывать курсы, подбирали технические библиотеки. Ввели специальный учет и фиксировали, какие книги, журналы и статьи по профилю своей профессии читает каждый инженерно-технический работник.

И в целом люди, на которых мы стали опираться, не подводили. Часто вспоминаю то тяжелое, горячее время, когда от них требовалась полная самоотдача, граничащая с самоотверженностью. Поэтому, наверное, и не сбивают меня с толку огульные охаивания партии, нынешние разговоры о ее исключительно деструктивной, едва ли не реакционной роли в прошлом. Ловлю себя на мысли, что никогда, ни при каких обстоятельствах никто не вынудит меня от тех людей отвернуться.

...Однако все наши усилия по выводу предприятия из прорыва натывались на непреодолимые преграды. Порой возникало ощущение, что боремся мы с какой-то неведомой, но где-то реально существующей силой. Комбинат по-прежнему лежал набоку.

А тем временем пришла пора ехать в Москву, отчитываться на Секретариате ЦК КПСС. В отделе ЦК нас предварительно проинструктировали и подготовили к возможным неожиданным вопросам, а мне сказали: «Завтра пойдешь на беседу к Михаилу Андреевичу Суслову». Ну, думаю, наверняка снимать будут с работы. Впрочем, особенно не волновался: вернусь в цех, не пропаду.

Вы высказали мысль, что в жизни не всегда удается выбирать людей, которые нас окружают, да и с друзьями порой очень сложными путями мы сходимся. Как Вы сочетаете это Ваше убеждение с решением тех же кадровых проблем?

Да, действительно, не всегда приходится выбирать людей, которые нас окружают, с которыми мы работаем. Но друзей любой человек все же должен выбирать самостоятельно — неразборчивость в этом вопросе к добру не приводит. Нужно уметь определить, кто у тебя настоящие друзья, а кто, скажем, просто товарищи по работе.

По своему жизненному опыту скажу, что отношения между людьми на производстве более непосредственные и открытые. Тридцать лет назад я начинал свой жизненный путь вместе с металлургами. И до сих пор у меня с ними сохранились те же самые простые и искренние отношения. Ну, а в высших эшелонах власти все, конечно, намного сложнее. Чем выше должность, тем труднее строить взаимоотношения с друзьями и

близкими людьми. Не будем себя обманывать — часто вмешиваются в эти отношения конъюнктурные соображения, расчет. Многие начинают откровенно льстить и подхалимствовать. Не дай Бог поддаться на подобные уловки! Такие друзья кажутся таковыми лишь до поры до времени. Скажу честно, не раз приходилось испытывать в жизни горечь разочарований. Доверишься человеку, на словах он тебя поддержит, а на деле перескакивает на другую сторону баррикады. Разве мы сейчас не наблюдаем сплошь и рядом тех, кто раньше считался нашими товарищами, а лишь изменилась конъюнктура — им уже с нами не по пути стало. Настоящие же друзья проверяются временем, и им безразлично, какой пост или должность ты занимаешь — выгоды они от этого не ищут. Вообще, по-моему, бескорыстие — основной критерий подлинной дружбы.

Что можно сказать о главных принципах подбора кадров на нынешнем сложном этапе нашей жизни? Прежде всего надо учитывать реальность: большинство из них было воспитано в условиях командно-административной системы. Но это не значит, что все они тащат за собой тяжелый груз старых, ныне не годных методов работы, прежних ошибок и просчетов. А ведь кое-где уже начали действовать «по-революционному» — без разбора омолаживать все руководящие звенья. Такой бездумный подход вместе со «свежей струей» привнес во многие советские и хозяйственные органы некомпетентность и несостоятельность. Нельзя открещиваться от большого опыта, накопленного людьми на руководящей политической или хозяйственной работе. Но при этом, конечно, нам по пути только с теми, кто привержен перестройке, радикальным реформам в экономике. Беда наша в том, что подготовленных кадров для новых преобразований

мы сейчас практически не имеем. Поэтому должны мы и сами учиться и переучиваться, и готовить одновременно молодые кадры. Главное — надо оказывать всестороннюю поддержку людям инициативным, восприимчивым к новому, честным и добросовестным, тем, кто искренне стремится преобразовать и экономику, и всю нашу жизнь.

Судя по Вашему мнению, перелом в судьбе партии наметилась уже давно, во всяком случае, еще за несколько лет до перестройки. Причем начали в ней обнажаться тревожные явления. рабочие вступали в КПСС уже неохотно, живая работа подменялась формализмом. В чем Вы видите причины возникновения таких серьезных негативных тенденций?

Если Вы помните, где-то начиная с семидесятых годов в верхних эшелонах партии все громче и настойчивее стали раздаваться призывы к единству слова и дела. Прямо скажем, требование это очень здорово отдавало фарисейством. Высшему руководству следовало призывать к такому единству прежде всего самих себя. Создавая культ личности Л. И. Брежнева и пользуясь всеми благами приближенных к первому лицу, командная верхушка все более отрывалась от партийной массы. По существу, ей становилось безразличным положение дел в самой партии, в ее сердцевине — первичных организациях. Для того чтобы спокойнее жить наверху, требовалось лишь иметь прочные и хорошо управляемые вертикальные структуры. Именно на это была направлена система жесткой партийной дисциплины в аппаратах. Многочисленные постановления по улучшению и совершенствованию внутривнутрипартийной работы приобретали показательный характер.

Поэтому и деятельность низовых партийных органов становилась все более показушной. Кроме догматического начетничества и составления всевозможных цифровых отчетов, от партийных руководителей ничего больше не требовалось. Авторитет партии стал стремительно падать.

Попытки регулировать ее количественный и качественный состав разнарядками и спущенными сверху процентами привели к страшному формализму в самом главном — в формировании пополнения партии. В нее стали приниматься люди, не разделяющие искренне партийную политику и идеологию. Одних уговаривали — чаще всего рабочих, чтобы обеспечить нужную пролетарскую прослойку. Другие — интеллигенция — вступали в КПСС ради продвижения по службе. Никто уже не верил громким словам о том, что партия не дает никаких благ, что у коммуниста есть только одна привилегия — быть всегда впереди, там, где труднее. В итоге в партийных рядах становилось все меньше людей с бойцовскими качествами тех большевиков, с которыми мне посчастливилось начинать свой жизненный путь. Не случайно, когда была отменена шестая статья Конституции СССР, партия оказалась в окопах. Выяснилось, что она не только не способна наступать, но и защищаться как следует не умеет.

Как видно из Вашего рассказа, на стезю политической работы Вы попали вопреки Вашим собственным желаниям и жизненным планам. Может быть, вопрос несколько наивен, но все же: если можно было, как говорится, начать все сначала, какой бы Вы сделали выбор?

Вы, по-моему, сами чувствуете, что применительно к нынешнему этапу моего жизненного пути такой

вопрос носит больше риторический характер. Сознаюсь, однако, что в глубине души я до сих пор привержен металлургии. Вы, наверное, уже поняли, что моя базовая профессия дала мне нечто большее, чем практический производственный опыт. Да, когда-то без черной металлургии я дальнейшей своей судьбы и не мыслил. Но жизнь часто распоряжается по-своему. Сейчас у меня за спиной уже большой политический путь. И политическая работа позволила мне самореализоваться, открыть в себе какие-то новые возможности. Но настоящее удовлетворение приходит отнюдь не от того, что ты способен влиять на серьезные процессы, которые происходят сейчас в республике да и во всей стране. Удел политического и государственного деятеля — это прежде всего огромный труд, который ложится на его плечи, и, поверьте, чувство колоссальной ответственности, не позволяющее жить в покое. И здесь только одно приносит моральную удовлетворенность — ощущение, что ты понимаешь нужды и желания своего народа, способен их выражать, получаешь поддержку людей. На этот счет, конечно, ни в коем случае нельзя обольщаться — все мы знаем, к чему приводят завышенные самооценки. Но когда ты чувствуешь, что твой труд не напрасен, жалеть о пройденном пути не следует. И все же постоянно беспокоит главное — как полнее оправдать доверие народа. Вижу для себя только один способ достичь этого — неуклонно продвигаться по пути перестройки и вести за собой других. Нет другой возможности улучшить жизнь людей, уставших от обещаний и заслуживших совсем иную участь.

В замкнутом круге

В последние годы, когда наша общественная мысль смогла наконец вырваться на свободу, каждый из нас получил возможность открыто высказывать свое отношение и к происходящим нынешним переменам, и к прогнозам на будущее, и, само собой разумеется, к тому, что у нас происходило в прошлом. Явление это, на мой взгляд, не только естественное, но и необходимое для выздоровления общества, особенно, если оно не желает вновь увидеть свою духовную жизнь загнанной в удушливые рамки тоталитарных идей. В разноголосице всевозможных суждений по различным поводам меня не смущают даже диаметрально противоположные и непримиримые позиции. Это также вполне нормально. Но вот одна особенность, которая стала постоянно проявляться в спорах и дискуссиях и которая почему-то воспринимается всеми как нечто вполне обыденное, меня, сознаюсь, настораживает. Речь идет о всеобщем пристрастии мыслить альтернативами.

Давно замечаю: идет ли спор об экономических идеях и программах, о перспективах социального развития или о взглядах на историю, обязательно раздается и дружно подхватывается чей-то возглас — «Даешь альтернативу!» Недавно даже специально заглянул в толковый словарь, чтобы убедиться в правомерности своих сомнений. Нет, там написано коротко и ясно: «Альтернатива — необходимость выбора между двумя или несколькими исключаящими друг друга явлениями». Не здесь ли собака зарыта, не в нашем ли

«альтернативном мышлении», при котором одно обязательно перечеркивает другое? Не потому ли мы до сих пор никак не можем извлечь здравых выводов из уроков минувшего и принять более-менее приемлемую программу выхода из нынешнего тяжелейшего кризиса? Не отсюда ли произрастает стремление поскорее откреститься от всего опыта прошлого и вновь все разрушить «до основанья» ради построения еще одного нового общества? Не из-за этого ли мы с поразительной легкостью возносим на пьедесталы новоявленных кумиров и также легко начинаем проклинать неоправдавших наши надежды, нередко впадая при этом в тяжелейший и непростительный для цивилизованных людей соблазн заняться гробокопательством? И наконец, застрахованы ли мы от того, что вдруг какая-нибудь альтернатива одержит такую победу, что вновь установит монополию на истину?

Что бы ни говорили, но, когда я пытаюсь разобраться в хитросплетениях прошлого и настоящего, мне больше по душе выходящий сейчас из моды метод материалистической диалектики, который, как известно, ставит во главу угла не альтернативу, а противоречие. Не вижу другого способа понять сложные и противоречивые пути нашей жизни, избежать постоянных шараканий из стороны в сторону, за которые неизбежно приходится расплачиваться дорогой ценой. Ладно, если страдают от этого только политики и государственные деятели. Чаше бремя таких расплат несут миллионы простых людей.

Подобные размышления всегда удерживали меня и от крайних оценок, независимо от личных симпатий и антипатий, тем крупным политическим деятелям, с которыми приходилось общаться еще в недалеком прошлом. Поэтому хочу заранее разочаровать тех, кто ждет от меня новых разоблачительных подробнос-

тей, касающихся личностей, когда-то известных и влиятельных, а ныне заслуженно и незаслуженно превратившихся или превращенных в одиозные фигуры.

В самых мелких деталях врезалась в память первая встреча с М. А. Суловым. Да это и можно понять. Был я еще молодым человеком, а предстояло мне вести сложный разговор о судьбе крупнейшего металлургического комбината, как бы сейчас сказали, с «одним из великих мира сего». Второй человек в партии произвел на меня глубокое и исключительно благоприятное впечатление.

Когда меня ввели в его кабинет, Сулов — сухощавый, высокий, немного согнутый — вышел из-за стола, поздоровался.

— Покажите-ка сначала, молодой человек, где находится этот ваш Темиртау.

Я подошел к висевшей на стене большой карте Советского Союза.

— Вот здесь, Михаил Андреевич, находится. Вот Казахстан, вот Караганда, а рядом, в ковыльной степи, построили гигант черной металлургии страны, послевоенный стратегический объект...

— Продолжайте, продолжайте.

Ну, я и продолжил, рассказал все, как есть. О том, как строили комбинат, совершенно не заботясь о людях. О сотнях крупных недоделок, о том, что стоит этот гигант до сих пор даже неогороженным и листовую сталь может вывозить машинами каждый, кому не лень. Об отсутствии жилья, детских садов, продуктов и товаров первой необходимости. О тяжелых климатических условиях, буранах, во время которых люди не могут добраться до работы. О том, что женщинам негде работать...

Слушал он меня очень внимательно, не перебивая. А затем стал задавать вопросы, причем интересо-

вался самыми мелкими подробностями, делал пометки в блокноте.

В конце беседы поинтересовался:

— А о чем вы завтра собираетесь на Секретариате говорить?

Я ответил, что у меня уже подготовлено выступление.

— Советую вам рассказать завтра все то, о чем вы мне сейчас говорили.

Когда я покидал кабинет, то обратил внимание, что справа, при входе, стояли галоши. Было в этом что-то домашнее и обыденное, хотя в те годы галоши уже почти никто не носил.

Беседа с М. А. Сусловым придала мне уверенности. Во-первых, можно было предположить, что разнос нам учинять не собираются. А во-вторых, показалось мне, что его затронул мой рассказ, что вошел он в наше положение и понял беды комбината. Ведь слушал он, как я уже сказал, очень внимательно и вопросы задавал такие, которые задевали все то, что у нас наболело годами.

Молодой любопытный взгляд замечает многое. Запомнилось, как перед началом слушания нашего вопроса, перед самыми дверьми зала, где заседал Секретариат, А. С. Колебаев, секретарь ЦК Компартии Казахстана, обратился к секретарю Карагандинского обкома В. К. Акулинцеву:

— Дай-ка взглянуть, что ты там говорить собираешься.

Акулинцев протянул ему машинописные листочки с текстом. Тот пробежал по ним глазами:

— Неплохо. Знаешь, пожалуй, я с этим выступлю.— И с этими словами засунул листочки в карман своего пиджака.

Не знаю, как себя чувствовал в этот момент Акулинцев, но меня это просто потрясло. Однако

на этом дело не кончилось. После того, как выступили я и директор комбината и Суслов спросил: «Кто еще хочет выступить?» — на трибуну быстро вышел Акулинцев со вторым экземпляром текста, который забрал у него Колебаев, и, не раздумывая, бодро его «озвучил».

Крупно досталось на Секретариате руководителям Министерства металлургии и тяжелого машиностроения. Суслов в их адрес так высказался: «Важнейшее государственное дело превратили в делячество!» А закончилось заседание тем, что Совету Министров СССР было поручено принять постановление по улучшению культурно-бытовых условий металлургов Казахстана. В комиссию по подготовке этого документа включили и меня. Естественно, что я на всю жизнь запомнил цифры, которые мы «застолбили» в постановлении Совмина. Было принято решение ежегодно сдавать по 80 тысяч квадратных метров жилья, по два детских сада на 1660 детей, по два профтехучилища, построить металлургический техникум, здание втуза, Дворец культуры, спортивный комплекс, базу отдыха металлургов...

Но, как известно, даже самое хорошее постановление самой высокой инстанции может остаться лишь постановлением. Вскоре выяснилось, что строителям намеченные объемы не по силам. Вот здесь-то еще раз и помогло то полное взаимопонимание, которое сложилось между мной и директором комбината. Пошли мы с ним на серьезные ухищрения. В то время на сезон сельскохозяйственных работ комбинат направлял в подшефные хозяйства полторы тысячи человек. Решили следующим образом поступить: пусть они и в остальное время года числятся на прополке и уборке урожая, а работать будут на строительстве.

Город стал преобразаться. Выросли жилые благоустроенные кварталы, были построены восемь детских садов, стадион на 15 тысяч мест, плавательный бассейн с пятидесятиметровыми дорожками. На правом берегу водохранилища разместились дом отдыха, санаторий-профилакторий. Но главное, конечно, — сняли очередность на жилье. Текучесть кадров сразу снизилась с 32 до 9—10 процентов.

Результаты предпринятых в те годы усилий на всю жизнь утвердили меня во мнении: главное на любом производстве — человек. Не создав для него нормальных, человеческих условий, не подняв его престиж, его человеческое достоинство, нельзя решить ровным счетом ничего.

Появились средства и возможности выправлять узкие места комбината. В процессе этой неприятной, тяжелой, но необходимой работы приходилось только поражаться тому расточительству, какое было изначально допущено при строительстве. Основная причина этого зла — никуда не годные проекты. Миллионы вгоняли в бетон, в сверхмощные фундаменты, а после этого оказывалось, что они совершенно не соответствуют монтируемому оборудованию. Потом миллионы тратили на переделки. К этому надо прибавить потерянные миллионы от того, что в результате годами комбинат не мог выйти на проектную мощность. А это всего лишь пример только по одной отрасли, даже по одному предприятию.

Но постепенно комбинат все же входил в нормальный жизненный ритм. Начали выплавлять металл нужного сортамента, в том числе качественную сталь для лонжеронов КамАЗов, давать особую легированную сталь, ввели в строй широкополосный стан, пустили цех холодного проката, приступили к строи-

тельству цеха жести. Стали, наконец, зарабатывать деньги, появились прибыли.

А я тем временем, сознаюсь, все чаще подумывал о том, как бы мне уйти с моей партийной должности на хозяйственную работу, чтобы можно было основательнее, не отвлекаясь, заниматься только металлургическим производством. Ни для кого не секрет, что такая перспектива для секретарей парткомов промышленных предприятий всегда реально существовала, и мне она была по душе.

Однако судьба распорядилась по-своему. А может, все же точнее будет сказать, что другую дорогу готовила мне не судьба, а люди, от которых волей-неволей оказывался зависим, попав на орбиту большой партийной работы. В те годы это тоже была реальность, с которой нельзя было не считаться.

Уже спустя несколько лет Д. А. Кунаев, будучи в хорошем расположении духа, рассказывал мне, что мое выступление на Секретариате ЦК КПСС произвело сильное впечатление, и меня там взяли на заметку. Это, очевидно, во многом и определило то, что через четыре года меня рекомендовали секретарем Карагандинского обкома партии по промышленности.

Карагандинская область — ведущий индустриальный регион Казахстана. В то время годовой объем выпускаемой областными предприятиями продукции составлял 4 миллиарда рублей. Уголь, черная и цветная металлургия, химия и нефтехимия, крупнейшая энергетика. Во многое предстояло вникать заново, многое надо было осмыслить по-новому, так сказать, с более высокого этажа. А положение мое на этом этаже было не совсем простое. Надо сказать, что раньше и я, и директор металлургического комбината, с которым мы трудились в одной

упряжке, с вышестоящим начальством были довольно в сложных отношениях. Нередко возникали конфликты и с первым секретарем Темиртауского горкома партии, и с областью. Поддержки существенной мы, как правило, не получали, зато накачки следовали одна за другой. Кстати, рассказывая о приезде на комбинат в 1973 году В. И. Долгих, я не упомянул, что визит этот был вызван моей запиской в ЦК КПСС о катастрофическом положении дел на предприятии. А такие «инициативы снизу» местным руководством, как хорошо известно, тоже не поощрялись, а иногда и не прощались.

На новом посту предстояло сделать серьезный выбор: как жить и действовать дальше? Правда, один путь был давно проторен и апробирован многими представителями не одного поколения партийных деятелей. Он предполагал упрочение своего положения в коридорах власти, создание всеми способами собственной непробиваемой ячейки в сложной иерархической системе, с ее особыми законами, сокрытыми от посторонних глаз. Но в годы работы на комбинате сумел я усвоить другой простой закон: если ты действительно хочешь работать для людей, то на людей надо и опираться. Решил этого правила и придерживаться.

Одна прочная точка опоры у меня уже была — коллектив Карагандинского металлургического комбината, его партийная организация, которая тогда являлась, да и сейчас остается, крупнейшей в Казахстане. Не знаю, может, я и переоцениваю отношение к себе со стороны металлургов, но чувствовал уверенность: они, если потребуется, поддержат. Видно, были все же для такой уверенности основания, если, например, в прошлом году прямым тайным голосованием металлурги избрали меня делегатом партий-

ного съезда. Хотя, когда стал я секретарем обкома, не всегда было просто появляться на комбинате, так сказать, в новом качестве. Бывало, даже старые знакомые по доменной печи начинали крыть на чем свет стоит:

— Что ты тут в белой рубашке на машине катаешься? Забыл, кем был? Давай, залезай на кран клещевой, посмотри, как мы работаем!

Лезешь туда как есть, в костюме и галстук. Там — герметизации нет, фреона нет, температура 70 градусов. Собираешь после такой встречи партком, даешь на все три дня срока и сам контролируешь — ведь если слова перед металлургом не удержишь, лучше больше на глаза ему не попадайся.

Пожалуй, труднее всего оказалось завоевать доверие шахтеров. Шахтеры признают только тех, кого они признают. А чтобы они тебя признали хотя бы настолько, чтобы можно было поговорить откровенно, — спускайся в шахту и лезь в лаву. Тот, кто не понимает шахтерский характер, для них человек потерянный. На мой взгляд, здесь кроется одна из первопричин тех конфликтов, которые разгорелись между властями и шахтерами в различных угольных регионах страны.

Карагандинский угольный бассейн — это 26 подземных шахт. И лишь только, кажется, английские шахты могут сравниться с ними по содержанию метана: 19 кубометров на тонну угля. Сложные залегания пластов дополняют постоянную угрозу взрыва не менее постоянной опасностью обвалов. Полгода я затратил на то, чтобы побывать на всех шахтах. Бывали и курьезы разные, попадал и в переделки. Один раз рядом, в нескольких метрах, случился обвал, но все обошлось. Были ситуации, когда в непосредственной близости людей заваливало.

Работали карагандинские шахтеры тяжело, с планами не справлялись. Когда вник в состояние дел поглубже, стало ясно, что в проблемах угольного бассейна до мельчайших деталей отражаются все беды, знакомые по металлургическому комбинату. И опять все упиралось в централизованное выделение капитальных вложений и распределение фондов. Снова за бортом «высших государственных интересов» оказалась жилищная проблема. Известный всем в прошлом принцип «Меньше затрат — больше продукции» привел к тому, что новые поля подземной разработки угля не осваивались, и город стал, в прямом смысле этого слова, подкапываться. Оседал грунт, разрывались водопроводы, проваливались дороги, рушились здания. Однако оказывалось, что все проще списать на «отставание горнокапитальных работ», нежели строить новые шахты. Удлинение выработок и коммуникаций усложняло нагрузку на людей, увеличивало аварийность. К тому же приходилось работать в условиях постоянного дефицита проходческих и очистных комбайнов, труб и другого оборудования. Чем достигается рост добычи угля, никого не касалось.

И вновь пришлось предпринимать атаку на центр. Подготовили большой документ и направили его в ЦК КПСС, союзное правительство. В результате к концу первого года моей работы на посту секретаря обкома вышло постановление Совмина СССР по улучшению жилищно-бытовых условий шахтеров Караганды. Удалось тогда построить огромное количество жилья, значительно улучшить коммунальное хозяйство, расширить ТЭЦ, подтянуть горнокапитальные работы.

Но все равно выработка угля на старых шахтах захлебывалась, люди изматывались, выбивались из

сил. Вместе с генеральным директором объединения Николаем Александровичем Дриждом стали искать выход. Решили открыть угольный карьер — «Борлинский». Это хоть как-то ослабило нагрузку на подземных шахтеров, дало им возможность подготовить и открыть новые фронты работ, оконтурить новые поля.

Такие же картины, тот же почерк централизованного руководства приходилось не раз наблюдать и в семидесятые годы, и в восьмидесятые. После того, как меня в 1980 году избрали секретарем ЦК Компартии Казахстана, развернулась еще одна крупная эпопея — строительство каскада электростанций на Экибастузской ГРЭС. Помню, несколько раз мне приходилось поднимать в ЦК КПСС традиционные вопросы: электростанция строится, а ремонтной базы нет, поставки оборудования срываются, людям жить негде, нет объектов соцкультбыта, детских садов...

В целом ситуация напоминала замкнутый круг, каждый прорыв которого стоил огромных усилий и напряжения. А внутри этого круга все явственней становились уродливые деформации экономики, грозившие окончательно отвернуть ее от нужд человека. Думаю, в этом смысле Казахстан может служить наглядным примером и уроком для многих.

Богатейшие недра нашей республики предопределили развитие горнодобывающей, металлургической, топливной, нефтяной, химической промышленности. От первых пятилеток, с большой меди Джекказгана, берет начало ведущая и уникальная отрасль — цветная металлургия. Открытие месторождений полиметаллов в центре и на востоке Казахстана дало толчок созданию крупнейших в Советском Союзе

предприятий, дающих стране треть всей добываемой в ней меди, семьдесят процентов цинка, свыше шестидесяти процентов свинца, девяносто процентов титана и магния. Месторождения фосфоритов в Южном Казахстане, особенно Каратауское, обеспечивают Союзу производство девяноста процентов желтого фосфора. Хромитовые месторождения Актюбинской области — это почти вся добыча хрома страны, девяносто процентов союзного экспорта хромовой руды. Наверное, нет нужды говорить о значении для экономики страны известных каждому школьнику Карагандинского и Экибастузского угольных бассейнов. В восьмидесятих годах в Западном Казахстане начались разработки крупных газовых и нефтяных месторождений. К этому следует добавить, что Казахстан — крупнейшая аграрная республика. Ее сельское хозяйство — это сорок миллионов гектаров пашни, из которых двадцать пять миллионов гектаров занято зерновыми культурами, 10 миллионов голов крупного рогатого скота, более сорока миллионов овец и коз...

Думаю, что даже такая беглая характеристика экономической роли республики в стране вполне достаточна, чтобы сопоставить ее только с одним парадоксальным фактом: шестьдесят процентов товаров народного потребления Казахстан был вынужден в те годы ввозить из других республик. К тому же, как хорошо известно, и этого, мягко говоря, оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить хотя бы самые насущные нужды людей. Налицо печальный результат того подхода, при котором все средства вкладывались в гиганты тяжелой индустрии, а люди оставались где-то на дальнем плане. За огромными корпусами заводов, каскадами электростанций, мощными домнами и башенными кранами десятилети-

ями маячила надежда на лучшее будущее, становившаяся со временем все более призрачной, чтобы окончательно раствориться в суровых реалиях нашего настоящего времени.

Скажу откровенно, не сразу приходило понимание, что такая экономика ведет нас в тупики. Ведь страна десятилетиями строилась таким образом, словно это во веки вечные. Нужно было приобрести немалый, требующий времени, практический опыт, чтобы усомниться в незыблемости таких экономических устоев. Предпринимались, естественно, попытки что-то изменить собственными силами — ведь многие нелепые вещи были налицо. Например, мяса производили достаточно, а мясопереработка отсутствовала, молока много, а глубокой его переработки не осуществлялось, огромное количество кожсырья, а кожевыделки нет. За пределы республики вывозилось только 12—15 процентов готовой продукции, все остальное — сырьем или полуфабрикатами.

Наши усилия вместе с директорами ведущих предприятий повернуть тяжелую промышленность на производство товаров народного потребления ощутимых результатов не давали. Для этого нужны были крупные инвестиции, а мы часто и рубля не могли потратить без ведома центра. Если что-то и удавалось сделать, то опять-таки методом «выбивания». Таким способом, например, был реконструирован шубно-меховой завод в Семипалатинске, проектная мощность которого на импортном оборудовании — 30 тысяч дубленок в год.

Как показало время, грубо искаженная экономическая интеграция внутри страны скрывала в себе и опасные политические последствия. Они начали серьезно проявляться, когда республики стали обретать свои суверенные права. Неслучайно сейчас

возник вопрос, что все сырьевые республики — дотационные. А как же могло стать иначе, когда на сырьевую продукцию цены деформированы таким образом, что совершенно не оправдывают общественно затраченного труда? Можно привести несколько, прямо скажем, больных примеров. Добыча и обогащение глинозема, из которого затем получают алюминий, по своей трудоемкости составляет 80 процентов. А заводы, производящие алюминиевый лист, при 5 процентах трудоемкости имеют 80 процентов прибыли. При этом вся грязь от экологически крайне неблагоприятного процесса добычи и обогащения остается в Казахстане. Аналогичная ситуация и с джезказганской, и с балхашской медью, которая поставляется за пределы республики в черновом виде. Нам не доверено производить золотые и серебряные слитки, а лишь позволено вывозить в другие регионы сплав серебра и золота. Хотя нет никаких сложностей для их разделения. Хочу отметить, что более половины серебра страны добывается в Казахстане.

Для меня, да и для любого здравомыслящего экономиста, совершенно ясно, что речь должна идти не о дотациях сырьевым республикам, а о возврате незаконно изымаемых из них денег. Думаю, что и в отношениях между собой республикам не к лицу высказывать взаимные обиды и претензии, оперируя архаичной системой ценообразования, возникшей еще в пятидесятые годы.

Вспоминая то трудное время, когда мы со всех сторон, из последних сил подпирали нашу экономическую махину, не давая ей рухнуть, я много размышляю о том, не была ли это действительно, как сейчас некоторые считают, затянувшаяся агония, и мы только отсрочивали неизбежный крах.

Думаю все же, что нет. Страна жила, жила напряженной жизнью, и «застойное время» не было таким уж одномерным, как это иногда пытаются нам показать. Почему-то многие неизменно представляют себе этот период как сплошную парадную шумиху с возвеличиванием «вождя», под которую «в верхах» творились сплошные безобразия и беззакония, а «низы» охватили разброд и шатания. Полагаю, такой подход простителен лишь тем, кто свои жизненные познания черпает только из журнально-газетных публикаций

Не герестаю восхищаться народной мудростью, рассудочностью и прозорливостью рабочего человека. Попробовали бы вы, скажем, в году восьмидесятом прийти в заводской коллектив на партийное собрание и произнести «несколько теплых слов в адрес выдающегося политического и государственного деятеля современности». Кроме курьеза, из этого ничего бы не вышло. Но вот на серьезное слово, на важное дело люди всегда откликались с пониманием и ответственностью. Много сейчас рассуждают о былой мании починотворчества. Да, любили таким «творчеством» заниматься некоторые кабинетные бюрократы, боявшиеся даже показаться на глаза рабочим в обычной заводской обстановке. Но на моей памяти много и других примеров.

Еще в период моей работы на Карагандинском металлургическом комбинате, в самые трудные годы, когда проваливались государственные планы, не выполнялись задания, зарождались прекрасные патриотические почины непосредственно в среде рабочих, простых коммунистов. Так, бригада коксохимического производства во главе с коммунистом Сабельниковым выступила с инициативой взять на себя коллективную ответственность за нарушения трудовой

дисциплины, за брак и низкое качество работы. Принцип такой: виноват один — отвечает вся бригада. Причем все несут не только так называемую «моральную» ответственность, но и лишаются премий, прогрессивок, дополнительных заработков. разве здесь, помимо всего прочего, не просматривается образ будущего арендного коллектива с полной ответственностью за конечный продукт и заработной платой, зависящей от результатов труда? Попробуйте-ка сочинить такой почин где-нибудь в райкоме партии и с бухты-барахты предложить его рабочим...

Мне представляется, что именно здесь, в рабочей среде, в первичных партийных организациях появлялись и крепили побеги настоящего нового, возникали те опорные моменты, от которых мы смогли оттолкнуться, чтобы сделать решительный поворот в сторону перемен. Именно здесь утверждалось и понимание, что дальше так жить нельзя.

Бездумно отмахиваясь от всех «застойных дел», мы теряем еще одно важное средство коренных преобразований экономики и всего общества — ту самую дисциплину, которую в прошлом поддерживала партия. Не раз, и я уже об этом говорил, в самые трудные, критические моменты приходилось мобилизовывать коммунистов, чтобы навести элементарный порядок на производстве, предотвратить анархию, пресечь разгильдяйство. Излишне напоминать о том, что все управленческие структуры в народном хозяйстве были подчинены партийной дисциплине. Да, многое делалось неверно. Так, чтобы гарантировать ответственность руководителя и спрос с него, на руководящую работу продвигали, как правило, только членов КПСС. В результате было потеряно много талантливых специалистов и организаторов. Как дамоклов меч над многими членами КПСС

висела постоянная угроза партийного взыскания. Можно было за год получить по административно-хозяйственной линии десяток строгих выговоров с последним предупреждением, но при этом иногда одного наказания на бюро горкома или райкома партии хватало, чтобы выбить человека из нормального русла на целые годы.

Партийная дисциплина была каркасом власти. Разрушив этот каркас, мы взамен пока, к сожалению, ничего не предложили. Более того, создали хаос, который царит сверху донизу. Когда мы говорим об отсутствии стратегии перестройки, я прежде всего думаю о том, что Советы, которым мы старались передать власть, не были к этому готовы. Ведь традиционно они формировались не для инициативной работы, а для послушания и исполнения различных постановлений и указаний.

Предвидя серьезные упреки в свой адрес, сразу хочу сказать, что моя позиция ничего общего не имеет с ностальгическими вздыханиями тоскующих по сильной руке. Можно также и поправить меня, что есть, мол, две разные вещи: дисциплина, которая необходима, и диктат партии, который больше не приемлем. Но я бы и здесь не спешил, так сказать, смешивать в одну кучу партийное руководство, даже со всеми его недостатками и издержками в прошлом, и диктат командно-административной системы. Развитие событий последних лет показывает, что это отнюдь не одно и то же. Только патологическая ненависть к коммунистам может ослепить до такой степени, чтобы не видеть партийные органы, передавшие власть Советам, уже не имеют никаких реальных властных полномочий. В то же время, большую часть распределительных функций в экономике страны по-прежнему держат мертвой хваткой

центральные ведомства и министерства, оставаясь носителями командно-административного диктата. Правда, нет уже бывшего беспрекословного подчинения, нет и экономических рычагов давления на непослушных. Отсюда и развал связей. Очевидно, и партия, и ее аппарат, взвалив в свое время на собственные плечи основную тяжесть политического и хозяйственного руководства, не заметили, как стали служить подпоркой вроде бы остававшихся в тени административно-хозяйственных органов.

Как бы то ни было, убежден, что, не возродив дисциплину в экономике, мы неизбежно скатимся на дно пропасти. И не спасет нас никакой рынок и никакая приватизация, потому что самоуправляющаяся экономика без власти и дисциплины — это только миф, сладкие грезы. Не хотел бы ссылаться здесь на опыт других стран, потому что каждый сейчас привык брать из него только то, что ему самому нравится. Но об одной общей закономерности все же упомяну: путь, который прошли государства, уверенно ставшие на рельсы рыночной экономики в послевоенную эпоху, начинался с осуществления жесточайшей дисциплины в экономической и других сферах. Примерами могут служить Южная Корея, Тайвань, Турция и другие государства.

Я здесь ни в коей мере не намерен оправдывать тех методов партийного руководства, которые навсегда скомпрометировали себя перед народом. Чудовищный вред стране наносили такие порядки, когда в руках отдельных людей концентрировалась поистине неограниченная власть. В последнее время много справедливой критики и серьезных упреков было высказано в адрес покойного Л. И. Брежнева и его плеяды. И все же я бы не спешил призывать к ответу всех соратников Леонида Ильича, тем более тени умер-

ших. Если мы когда-нибудь действительно начнем понимать наше прошлое, то, наверное, сможем понять и людей, которые в этом прошлом жили и работали. Не случайно ведь говорится: понять — значит простить.

На многие годы история Казахстана оказалась связанной с именем Динмухамеда Ахмедовича Кунаева — одного из ближайших соратников Л. И. Брежнева. Связывало их очень многое. Можно вспомнить «Целину», в которой автор отводит Кунаеву целые страницы и высоко оценивает свою двадцатилетнюю дружбу с ним. Тогда это было известно всему населению Казахстана и делало авторитет первого лица республики, по сути, незыблемым. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана вершил все дела. Достаточно сказать, что только с его ведома расставлялись все без исключения кадры, начиная с центральных республиканских аппаратов и кончая районными звеньями, вплоть до директоров совхозов. Совет Министров Казахстана Д. А. Кунаев считал лишь большим отделом ЦК Компартии республики.

В 1980 году состоялось мое первое близкое знакомство с Л. И. Брежневым. Казахстан тогда отмечал свое шестидесятилетие, на празднование которого прибыли все члены Политбюро ЦК КПСС. Вид Генерального секретаря производил удручающее впечатление. Совершенно отсутствующий взгляд, очень тяжелая походка. Когда он шел, его почти все время поддерживали с двух сторон два дюжих парня.

Запомнилось два эпизода. В перерыве торжественного заседания все руководство собралось в боковой от сцены комнате. Было очень жарко и душно, поэтому пили чай, сняв пиджаки. Неожиданно Леонида Ильича пригласили к телефону ВЧ. Когда он вернулся

(вели его те же два парня), то громко поделился новостью:

— Герек настойчиво требует встречи. Но люди Андропова говорят, что этого делать не следует. С ним, наверное, все кончено. Люди Андропова говорят, что там есть хороший парень, Каня.

В Польше тогда происходили сложные события, и этот разговор я оценил впоследствии, когда Каня был избран первым секретарем ЦК ПОРП. Вот таким образом решались вопросы, затрагивающие судьбы миллионов людей.

Другой случай произошел во время грандиозного приема, устроенного в фойе театра имени Ауэзова. На нем присутствовало около тысячи человек. Два этажа фойе были заставлены столами. Едва все расселись, как Д. А. Кунаев предложил тост за Леонида Ильича Брежнева — за маршала партии, за маршала армии и так далее. Но как только пригубили и поставили бокалы, «тостуемый» неожиданно поднялся и направился к выходу. Все руководство, естественно, направилось вслед за ним. Брежнев вышел на улицу, подошел к своей машине, и через минуту весь кортеж тронулся. Было совершенно ясно, что он просто забыл, куда и зачем приезжал.

Что может вызывать такой человек, кроме жалости?

...Когда меня в 1980 году утверждали на Секретариате ЦК КПСС в должности секретаря ЦК Компартии Казахстана, М. А. Суслов вспомнил нашу с ним беседу о проблемах Карагандинского металлургического комбината (а может, ему напомнили об этом) и обронил такую фразу: «Вот мы вас и вырастили». Да, безусловно, в новом назначении сыграли свою роль и мнение кого-то из руководителей партии, и воля Кунаева, которому нужны были в руководстве люди, имевшие опыт практической производственной

деятельности, владевшие проблемами промышленности республики. Однако, думаю, пройденный мной к тому времени жизненный путь дает мне веские основания полагать, что вырастили меня все же другие люди.

И все же, несмотря на «застой», были свойственны нашим людям и сознательная дисциплина, и искренний энтузиазм, и творческий подход к делу. Есть у Вас тому убедительные подтверждения. Можно ли в полной мере пробудить эти качества сейчас, в критический для страны период, не дожидаясь, пока заработают новые экономические рычаги?

Безусловно, энтузиазм проявлялся и в застойные годы. Но все же носил он уже не тот характер, что в предшествующие десятилетия. Во-первых, не было уже единого дружного отклика на общие лозунги и призывы. А во-вторых, многие инициативы и почину рождались вопреки традиционной экономической политике, устаревшим методам хозяйствования и организации производства. Я приводил пример создания прообраза подрядного коллектива. Но наряду с этим творческий энтузиазм и искренний порыв людей, ростки нового часто просто не могли прорваться за рамки жестко регламентированной экономической системы. Мрачноватая шутка, что любая инициатива наказуема, для многих предприимчивых руководителей приобрела трагический смысл. Мы сейчас знаем немало примеров, когда в результате творческого подхода к делу люди оказывались и на скамье подсудимых.

Если отвечать на поставленный вопрос прямо и коротко, я должен сказать: снова надеяться на то, что

мы поведем за собой людей красивыми словами, бессмысленно. Слишком долго эксплуатировался энтузиазм нашего доверчивого и отзывчивого народа. В довоенные годы, особенно в период индустриализации, люди восприняли социалистические лозунги, поверили тому, что своим трудом они создают для себя лучшую жизнь. Понятна также самоотверженность, проявленная народом в период восстановления страны после страшной разрухи военных лет. Немного позднее всем было торжественно обещано наступление в скором будущем коммунизма. Казалось, надо только еще немного напрячься... Но светлая жизнь так и не наступала. Тогда в ход пошел другой лозунг, что живем мы для будущих поколений. По-моему, это уже просто противоречило самой человеческой природе. Кроме нас, никому, никогда и нигде в мире такое даже не могло прийти в голову. Опять сейчас вспоминаю, как поражалась и недоумевала западная молодежь, когда мы на Всемирном фестивале в Хельсинки пытались объяснить смысл этого нашего идеала.

Вместе с угасанием надежд людей на лучшее сходил на нет и роль социалистического соревнования. Заклучая в себе изначально верную и хорошую идею, оно больше не могло существовать на одних лишь моральных стимулах. Помню, у А. Н. Косыгина одно время было такое кредо: если не хватает топлива, надо давать премии за каждую добываемую тонну угля или нефти. Но таким образом можно было добиться только кратковременного успеха. Постоянных мотиваций к лучшей работе соревнующиеся не имели.

В общем-то, везде в мире существует соревнование, только соревнование это жесткое, и называется оно конкуренцией. Переходя на рыночные отношения, мы у себя в республике начали с разра-

ботки антимонопольных законов и создания Антимонопольного комитета. Эти меры призваны вызвать конкуренцию между производителями, способную обеспечить и высшую производительность труда, и выпуск высококачественной продукции. Такое соревнование должно создать для различных видов собственности равные условия существования, освободить экономику от политических примесей. Может, в нашем традиционном восприятии все это сейчас выглядит довольно жестоко, но без таких апробированных мировой практикой мотиваций мы никакого перелома в экономике не добьемся.

Ну, скажи Абызович, Вы же не знаете, что, пожалуй, не только проб ем у и условия к труду с условиях не оправдывающ традиционных методов хозяйствования. Не известно, речь пойдет о том, что наши люди вообще трагично идгаш, потеряли перспективу. На этот счет существует две основные точки зрения. Одни считают, что социалистическая идея скомпрометирована «партократией», командно-административной системой. другие же полагают, что она порошна в своей основе. Как же Ваши позиции в этом вопросе?

Дело в том, что другого социализма, кроме того, в котором жили и наши отцы, и наше поколение, мы просто не знали. Мы эту идею впитывали со школьных лет, считали ее единственно верной и гуманной и не имели возможности посмотреть на нее с другой стороны. Сейчас всем нам такая возможность предоставлена, и надо попытаться спокойно и объективно оценить свое прошлое, сопоставить его с характером и тенденциями мирового развития. Соци-

алистическая идея, в своей основе отвечающая самым высшим интересам человечества, истолковывалась у нас всегда по-разному. К примеру, можно вспомнить историю международного коммунистического движения и тех расколов, которые происходили в нем впоследствии. В то же время, в целом ряде развитых капиталистических стран социалисты и раньше стояли, и сейчас находятся у власти, успешно руководят экономикой с развитой рыночной структурой, которая, по мнению многих наших обществоведов, в корне противоречит классическому социализму.

Нельзя обойти стороной значение и последствия Великой Октябрьской социалистической революции. Она, несомненно, оказала огромное влияние на капиталистический мир, в первую очередь заставила капитализм считаться с интересами трудящихся, толкнула его в сторону демократизации общественных отношений. Но вот наши революционеры восприняли марксизм догматически, я бы сказал, в его «чистом» виде. Революцию они понимали как немедленный переход к коммуне и делали все, чтобы его осуществить, не считаясь ни с какими обстоятельствами. Такой эксперимент, как известно, получал и теоретические обоснования. Это привело к тоталитарному режиму, при котором люди считались лишь, выражаясь словами Н. И. Бухарина, «человеческим материалом». Нам постоянно твердили девиз: «Все во имя человека», а на самом деле целью нашей революции оказался не человек, а абстрактно понимаемый социализм. Но разве кому нужен такой социализм, при котором человек ценится меньше, чем мешок цемента. И это не метафора — вспомним хотя бы еще раз, как создавались великие стройки.

Не хочу вдаваться в споры, что же такое настоящий

социализм. Оставим это дело ученым. Но для меня совершенно ясно, что так жить, как мы жили раньше, нельзя. Если кому-то все же хочется то, что мы видели у себя, называть социализмом,— пусть будет так. Но при этом, по-моему, просто безнравственно пытаться доказывать его преимущества. Если это действительно был самый лучший строй, то просто непонятно, почему, стартовав после войны примерно в равных условиях с побежденными странами, мы так отстали от них. Вывод один напрашивается: на международной арене, в конкурентном развитии наша система показала свою слабость и потерпела поражение.

Если меня спрашивают прямо, поддерживаю ли я социалистический выбор, я, не кривя душой, отвечаю утвердительно. Но при этом руководствуюсь не догмами скомпрометировавших себя отечественных ученых-обществоведов, а собственным пониманием социалистической идеи. Существовала такая хрестоматийная формула, что социализм — это общество, в котором торжествует принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». С таким подходом нельзя не согласиться. Но что произошло в действительности? Мы постоянно душили способности, не давали проявляться творческим дарованиям людей, а вместо оплаты по труду осуществили унижительную уравниловку. Так давайте все же попробуем провести эту прекрасную формулу в жизнь!

Вы затронули проблему работы шахтеров. Сегодня она стала одной из самых болевых точек нашей жизни. Видите ли Вы реальные пути разрешения того крупного конфликта, который возник в стране, и, в частности, в Карагачдинском угольном бассейне?

Мне кажется, что я не только затронул проблему карагандинских шахтеров, но и в основном ответил на поставленный сейчас вопрос. Причины возникшего конфликта лежат как раз в том «замкнутом круге», о котором я рассказал и который мы до сих пор с таким большим трудом разрываем. Речь, пожалуй, нужно вести не только о шахтерах, но и в целом о том положении, в котором оказался рабочий класс — главный производитель всех наших материальных благ. Во всем цивилизованном мире экономика направлена на удовлетворение потребностей людей, а у нас люди рождаются, чтобы обслуживать интересы экономики, давно превратившейся в самовоспроизводящую систему. Это просто абсурд, когда мы на людей расходует лишь тридцать процентов национального дохода, а все остальное продолжаем вбивать в фундаменты новых строек или тратить на милитаризацию государства. На положении шахтеров такая политика сказалась, естественно, острее. Их труд особенно тяжел и опасен, требует иных социально-бытовых условий. Думаю, чтобы в данный момент снять напряжение в отрасли, надо сделать шахтеров хозяевами добываемого ими угля или хотя бы отдать в их распоряжение десять процентов добычи. Не понимаю, почему союзное правительство до сих пор не предприняло такого шага. Конечно, это всей проблемы не решит, но позволит направить вырученные средства на приобретение продовольствия, необходимых промышленных товаров, удовлетворение других острейших нужд. Это, конечно, не лучший способ расходования валюты. Но в данный момент делать нечего. С помощью такой меры можно было бы выйти из критического положения.

Однако в целом проблема должна решаться более

основательно и комплексно. Сегодня, например, шахтерам едва ли не в упрек ставится то, что все шахты — дотационные. Государство, выделяя дотации из бюджета, все время держит отрасль на привязи. А происходит это опять-таки из-за глубокого перекоса цен. Карагандинские энергетические угли по международным ценам стоят до 30 долларов за тонну. Наше же государство на внутреннем рынке оценивает эту продукцию в шесть с половиной рублей. Прикиньте разницу! Я бы не спешил поэтому обвинять шахтеров во всех смертных грехах. Но искренне сожалею о том, что значительная их часть пошла на поводу у политиканов в это сложнейшее для экономики время. Дело дошло до выдвижения антиконституционных политических требований, которые до предела накаляют социальную атмосферу в стране. Хорошо знаю, что шахтеры — народ дисциплинированный, порядок уважают, а поэтому должны понять, к чему может привести игнорирование законности, Конституции страны.

Как решались вопросы

Как ни крути, но в горячих спорах о дальнейших путях нашей жизни никто еще не дал вразумительного ответа на главный вопрос: каким же образом можно вывести страну из разразившегося экономического кризиса, усугубившегося кризисом политическим, кризисом межнациональных отношений и целым рядом других тяжелых социальных явлений? Можно, конечно, построить много прекрасных кабинетных моделей нового обустройства нашего общего дома и принципов хозяйствования в нем. Можно предположить и даже согласиться, что эти модели будут и на практике жизнеспособны — ведь чаще всего в качестве нового нам сейчас предлагаются рецепты, уже, как правило, апробированные и положительно зарекомендовавшие себя в других странах. Но оказывается, значительно труднее понять самим и разъяснить другим, как, каким путем мы сможем попасть в этот обновленный дом; не встретят ли нас очередные, непредвиденные преграды, преодолевая которые, мы окончательно растеряем запас прочности, растратим последние силы?

Мне кажется, многие беды, которые мы уже испытали и с которыми продолжаем сталкиваться, исходят из нашего довольно смутного представления о том, что мы имеем, что должны взять с собой, а от чего решительно отказаться. К сожалению, здесь опять превалирует все тот же альтернативный подход — или брать все, или не брать ничего. Не случайно самые жаркие споры разгорелись между сторонниками

так называемой плановой социалистической экономики и ее противниками. Обидно бывает смотреть на то, как в этой перепалке растрачивается огромное количество энергии, которую можно было бы употребить с большей пользой для общества. Потому что, и я в этом глубоко убежден, спор этот — беспредметен. То есть нет и никогда не существовало предмета спора. По крайней мере, на протяжении трех последних десятилетий никакой плановой экономики или планового хозяйства у нас попросту не было. Если что-то и было, то только термины, изобретенные услужливыми учеными-обществоведами и экономистами. А за терминами этими скрывались не просто иные методы хозяйствования, а ужасающая бесхозяйственность и безответственность, порожденные командно-административной системой.

«Хвостизм» наших общественных наук, обслуживавших доктрины руководящей верхушки, — это тоже один из тяжелых пороков, доставшихся нам в наследство от прошлого. Сейчас мы оказались теоретически полностью разоружены, беспомощны. Вспомним зато, сколько в свое время было написано псевдонаучных трактатов по поводу только одной произнесенной однажды с высокой трибуны фразы о том, что «экономика должна быть экономной». Все хорошо помнят и о том, что едва после очередной смены лидера наметился поворот в сторону реального мышления, как сразу возникла целая «теория» развитого социализма — закономерного и длительного этапа общественного прогресса. Впрочем, всего и не перечислишь, и это — тема для особого разговора. Оставим пока в покое наших «теоретиков» и посмотрим, что же в действительности происходило на практике.

На практике главным средством решения глобальных экономических проблем было изобретение, запатентованное еще в 1867 году шотландцем Александером Беллом,— телефон. Взять тот же, уже упоминавшийся, пример с реконструкцией Семипалатинского шубно-мехового завода. Встречался я по этому вопросу с М. С. Горбачевым, который тогда в Политбюро вел сельское хозяйство и легкую промышленность. Объяснил ему, что можно в Казахстане из местного сырья наладить очень важное производство дубленок. Последовал звонок министру легкой промышленности Тарасову, и через полгода мы получили импортное оборудование.

Совершенно волонтаристски решались такие стратегические вопросы, как размещение производительных сил. Вместо того, чтобы, скажем, строить небольшие предприятия по производству товаров народного потребления, привязывая их к местам с трудоизбыточным населением, возводили гиганты на 10—15 тысяч рабочих мест — «флагманы отрасли». Так, под предлогом трудоустройства женщин в Кустанае построили огромный камвольно-суконный комбинат. Когда женщин кое-как трудоустроили, выяснилось, что в дефиците оказалась мужская половина населения. Случайно узнаю, что где-то, кажется в Елабуге, собираются строить завод дизельных двигателей. Прикидываю, что хорошо бы построить этот завод в Кустанае. Сразу бы разрешились и серьезные экономические проблемы, и демографические осложнения.

Снова приехал в Москву, позвонил А. П. Кириленко. Он меня хорошо принял, даже почему-то поцеловал при встрече, пригласил присесть. Долго и, как мне казалось, убедительно рассказывал я ему о наших намерениях и планах. Смотрю, слушает отрешенно, явно

пропускает все мимо ушей. В конце такого странного разговора задает вопрос:

— Так что у тебя за проблема?

— Хочу, Андрей Павлович, попросить, чтобы завод дизельных двигателей строился в Казахстане.

Тут же был вызван заведующий отделом ЦК Фролов, позвонили министру автомобильной промышленности Полякову, и в течение десяти минут вопрос был решен.

Так решались все серьезные экономические вопросы.

Особенно поразительные вещи открылись мне, когда я уже стал Председателем Совета Министров Казахстана. Только приступил я к своим обязанностям, как приходит ко мне председатель Госплана республики и просит всем своим заместителям и начальникам отделов выписать премии в размере окладов.

— За какие же заслуги вас премировать?— удивился я.

— Разве вы не знаете, что мы едем в Москву защищать план на новый год?

— Ну и что?

— Так надо же работать со всеми начальниками отделов Госплана СССР, приглашать их в гостиницу, угощать.

Дня через два заходит ко мне министр финансов:

— Мы едем в Москву защищать бюджет — премируйте меня и моих заместителей.

Вот такие вещи были, по сути дела, возведены в ранг открытой политики. Мне довелось застать время, когда в период защиты республиканских планов в здании Госплана СССР на проспекте Карла Маркса проводились дни национальных кухонь: кавказской, среднеазиатской... В зависимости от того, какие рес-

публики защищались. Обильные угощения сопровождались национальными танцами и плясками, организуемыми на первом госплановском этаже. Так сказать, не просто пьянка...

Все это достигало таких размеров, что одно время в Госплан СССР даже запретили заходить с сумками. Но к этому ограничению быстро приспособились: оставляли подношения и угощения в ячейках при входе, а тому, кому это предназначалось, звонили по телефону. Никогда не забуду, как мои умудренные опытом предшественники на полном серьезе информировали меня, какой союзный министр любит молочных поросят, какой — свежие помидоры.

Можно себе представить цену такого «научного» подхода к формированию планов и бюджетов, если в основе этой работы лежали запеченные молочные поросята и марочные вина. Видимо, тяжело пришлось председателю Госплана и министру финансов республики защищать план и бюджет Казахстана на 1985 год — ведь премиальных я так и не выписал им тогда.

Попробуем в общем виде представить себе эту простую до примитивности схему, на которой зижделась наша экономика. Вся, до последней копейки, прибыль предприятий, регионов и республик уходила в центр. Затем центр начинал делить бюджет, фонды и ресурсы. Имеешь хорошие отношения с министром финансов — сможешь получить не один дополнительный миллион. Дружишь с председателем Госснаба — будет у тебя и цемент, и металл, и лес. О том, что тебе дают из общего котла, а значит — кого-то обделяют, никто особенно не задумывался и угрызений совести не испытывал. Ведь в пору только-только свои прорехи заткнуть.

Господство предельно централизованной командно-

административной системы калечило руководителей нравственно. Хочешь ты или не хочешь — подчиняйся этим неписаным законам, пресмыкайся, тащи сувениры, ублажай, угощай. Иначе не себя — республику, отрасль, предприятие посадишь на голодный паек. А где взять деньги? Надо хитрить, находить. Вот где корни разложения, взяточничества, коррупции. А скольких людей эта система подтолкнула к преступлениям!

Как Председателю Совмина республики мне приходилось не раз видеть, каким образом Госплан, Госснаб СССР натягивали планы на бумаге. Утверждались планы даже в том случае, когда все заведомо знали, что обеспечены они ресурсами лишь на 70—80 процентов, когда все заранее понимали, что все неизбежно провалится. Отсюда — дисбаланс по всей стране, отсюда — наши беды, беды *запланированные*.

Впрочем, если на местах план проваливается, хотя бы и с треском, еще не все потеряно. Есть связи — обращайся в министерства, Совмин, Госкомстат, ЦК КПСС, чтобы срочно скорректировать запланированное. Это также важное средство добиться в итоге положительных показателей. Скажем, не справляется с установленными заданиями угольный бассейн. Сначала план переносится с первого на второй квартал, затем — со второго на третий, с третьего на четвертый. В результате весь большой минус от недополученной продукции в стоимостном выражении накапливается на декабрь, срывается план на несколько миллионов рублей. А это значит, что люди не получают классных мест в соревновании, лишаются премий. И здесь наступает самая противная работа — надо уговаривать министра, чтобы он этот план снял. Делается это, естественно, за счет успешно работающих предприятий. Судьба выполнения госу-

дарственных планов, опять-таки с помощью телефона, иногда решалась за несколько минут до наступления Нового года — 31 декабря, когда вместе с отделом ЦК КПСС, министром удавалось уговорить последнего — председателя Госкомстата.

Полная неразбериха и анархия в планировании усугублялись тем, что выполнение всех объемов производства оценивалось исключительно в рублях. Натуральные показатели в расчет практически не принимались, хотя в докладах с высоких трибун постоянно звучали оглушающие примеры с перечислением миллионов и миллиардов произведенных тонн, штук, квадратных метров, киловатт-часов. Нелепость такого подхода к оценке важнейших экономических показателей — производимого национального продукта, производительности труда и других — заключалась не только в примитивной, лишенной и намеков на научность, системе ценообразования. Возник повторный счет рублям — грандиозный, по сути дела, сознательный самообман. Производит, допустим, Павлодарский тракторный завод изделие стоимостью 4 тысячи рублей и продает его предприятию, которое изготавливает бульдозеры, то есть навешивает к готовому трактору нож. Это предприятие плюсует к четырем тысячам стоимость ножа — одну тысячу — и продает эту машину еще раз, уже за пять тысяч рублей. И так повторяется с любым промышленным изделием многократно, на всех производственных переделах. Мало того, стоимость сырья, полуфабриката, деталей, которая уже включалась в отчетность, кочует, постоянно повторяясь, вслед за производственными циклами не только из года в год, но порой и из пятилетки в пятилетку.

В результате мы уже давно и безнадежно поте-

ряли представление о реальной стоимости производимого в стране валового национального продукта. По подсчетам специалистов, в прошлые годы фиктивный, не существующий, но продолжающий исчисляться в рублях вал составлял едва ли не половину от того, что можно было увидеть в государственных статистических сводках.

Такой «научный» подход к решению узловых вопросов экономики на практике приводил к парадоксальному, даже уродливому явлению. Для предприятий становилось удобнее работать по принципу: «Чем хуже — тем лучше». Хуже работаешь — больше получаешь! Главное — увеличивай материалоемкость, а вместе с ней стоимость. Зачем производить миниатюрные пускатели для станков, когда в сотни раз выгоднее изготавливать громоздкие рубильники эпохи ГОЭЛРО? К чему использовать в строительстве дешевые и прочные современные конструкции, когда монтаж массивных и дорогостоящих бетонных блоков и панелей с лихвой перекроет самый фантастический план, спускаемый в рублях?

До сих пор не могу понять, кому и зачем нужен такой обман в государственном масштабе? Однако валовый подход к оценке деятельности промышленности и других отраслей народного хозяйства продолжается по сегодняшний день. Причем сейчас, когда происходит совершенно неуправляемый разгул цен, он особенно губителен. По-моему, мы уже окончательно перестали ориентироваться в действительности. в том, что у нас все-таки происходит в экономике.

...Когда я говорю о том, что нельзя огульно охаивать всех прежних партийных и государственных руководителей, без разбора требовать их к суду и ответу, я прежде всего имею в виду то обстоятель-

ство, что многие честные и талантливые люди волей своего времени были попросту загнаны в жесткие рамки командно-административной системы. А та нередко безжалостно выбрасывала за борт всех, кто был ей негоден. Можешь потом сколько угодно плакаться на кухне жене, что с тобой поступили несправедливо и что ты пострадал за правое дело, можешь даже немножко «подиссидентствовать» и выпустить десяток самиздатовских листочков — никому от этого не будет ни горячо, ни холодно.

Никогда не поверю я в нынешние красивые слова тех, кто сейчас представляют себя мужественными поборниками правды, а в недалеком прошлом, получив пинок, залезали в щели и изливали свою непонятую и израненную душу друзьям и подружкам на домашних вечеринках. Не говорю уж о людях, обладающих поразительной способностью в зависимости от обстоятельств и направления ветра перекрашиваться с молниеносной быстротой хамелеона.

В самые трудные времена подавляющее большинство честных людей продолжало работать, несмотря ни на что. И пожалуй, нагрузки, выпадавшие на них в местных партийных, государственных органах, были вдвойне тяжелей. Посудите сами. Например, любой инструктор отдела партийных органов ЦК КПСС, курирующий твою республику, мог создать о тебе любое мнение. Все без исключения анонимки тщательно проверялись, ну, а организовать их на тебя большого труда не составляло. Даже если «факты не подтверждались», все равно любые, самые грязные письменные наветы подшивались в твоем личном деле: а вдруг еще всплывет что-нибудь, ведь дыма без огня не бывает. Заведующий сектором ЦК КПСС, занимающийся твоим регионом,— это вообще царь и бог! Все зависит от бумаги, которую он составит и

пошлет наверх. В этой бумаге — твоя судьба, поэтому лучше не рассуждай и подчиняйся. А что говорить о тех, кто сидел повыше завсектором. Судьбу любого человека они могли решить в одночасье. А на местах — на пленуме, бюро — за любую рекомендацию верхов все равно проголосуют. Или человек сам попросит перевести его куда-нибудь «по собственному желанию»

Вряд ли кто в такой мере испытал на себе тоталитарный пресс, как руководящие кадры на местах. Почти все выходящие за рамки общепринятой оценки и рассуждения невозможно было высказать вслух. Даже являясь секретарем ЦК Компартии Казахстана, я не был огражден от всевидящего ока сверху. Нигде, даже во внерабочее время «Первый» республики о тебе знал буквально все к кому ты ходил в гости, с кем ты прогуливался по территории дома отдыха, с кем и о чем разговаривал. Узкий круг приближенных к первому лицу вершил практически все дела. Нередко мы, секретари ЦК, являвшиеся членами бюро Центрального Комитета Компартии республики, узнавали о кадровых назначениях, перемещениях, других важных вопросах лишь задним числом. Человек, входящий в семью Д. А. Кунаева, мог решить судьбу другого человека возвысить, освободить, наградить, дать квартиру

Уже будучи Председателем Совмина республики, решил я разобраться с делами Академии наук Казахстана. Давно было известно, что вся работа в ней пущена на самотек, о серьезных научных исследованиях там и речи не шло, и превратилось это учреждение в место, где штамповались и защищались диссертации приближенных и родственников академиков и, естественно, президента академии Аскар Кунаева — родного младшего брата Динмухамеда А.

медовича. Всем было известно, что сам президент беспробудно пьет, причем по ночам в поисках компании ходит по квартирам сотрудников и шатается еще черт знает где. День, когда он появлялся на работе трезвым, назывался в академии «кефирным днем». Несмотря на все, оставался он человеком влиятельным, поскольку от него зависело присвоение званий академика или члена-корреспондента Академии наук, назначение ректора любого республиканского вуза, защита и утверждение диссертации. Понимая, что так больше продолжаться не может, пошел я на доверительный разговор к Д. А. Кунаеву, чтобы он призвал к порядку своего брата, так как больше никто на него повлиять не мог. Динмухамед Ахмедович вроде бы все понял правильно, а через день мне позвонил в своем обычном состоянии Аскар Кунаев и стал допытываться, почему я его так не люблю. Причем весь этот разговор прошел в классическом тоне популярных бесед за углом винного магазина, когда попытки одного что-либо пояснить все время прерываются вопросом другого «Скажи, а ты меня уважаешь?»

Много сил требовалось от человека, чтобы не запутаться в жестких сетях партийно-административного диктата, не увязнуть и не захлебнуться в трясине круговой и семейственной поруки. Этой несправедливой системе противилось нутро любого порядочного человека. И неизбежно у большинства нарастало не только недовольство, но и потребность сопротивления таким, казавшимся до поры до времени незыблемым, порядкам.

Я думаю, понимание необходимости перемен стало вырывать в партийных организациях, в различных руководящих звеньях партии снизу доверху примерно с середины семидесятых годов. Именно тогда стало

заметно, что партийная работа все более заформализовывается, заполняется пустым начетничеством, фиктивными показателями, дутой статистикой. Секретарей партийных организаций начали принуждать завышать в отчетах явки коммунистов на партсобрания, к поголовному охвату не только членов КПСС, но и беспартийных различными организованными формами политического просвещения, к составлению целых гор никому не нужных бумаг и справок. Работа с живыми людьми отодвигалась на второй план. Главным для партторгов стало вовремя и грамотно отчитаться, отрапортовать. По бумажкам стали судить и об их работе в райкомах. И чем более утверждались сухие административные методы руководства партийными организациями, тем глубже выхолащивалось живое содержание из всей их деятельности.

Кто-то смог быстро приспособиться к этому. В партию поползли карьеристы. Изменение ситуации сказалось на отношении к КПСС рабочих. Пришлось искусственно поддерживать рабочую прослойку в партийных рядах, а это тоже не могло не сказаться на их качественном составе. Партия стала перерождаться. В этом я вижу главную причину того, что, когда здоровое ядро КПСС окончательно вышло из оцепенения и перешло к политике решительных перемен, партия так быстро сдала свои многие позиции в развернувшейся политической борьбе. Очевидно, чтобы не засидеться и не отстать на старте, ей надо было начинать перестройку с себя.

...Главный показатель, которому в Казахстане были постоянно подчинены все усилия, — продажа зерна государству. Есть такое журналистское клише — «битва за хлеб». Часто его можно встретить на страницах газет во время уборочной страды. Труд хлебороба в эту пору требует действительно невероятных уси-

лий, мужества и терпения. Но все равно от сравнения нелегкой работы сельских тружеников с битвой веет чем-то казенным и неестественным — ведь нет на земле ничего более мирного, чем заботы землепашца. По мне, более уместно сравнить с битвой не то, что происходило на хлебных нивах Казахстана, а обстановку, царившую в период хлебосдачи на различных этажах власти. И было это скорее битвой не за хлеб, а за звания и награды.

Из года в год «хлебные» баталии разворачивались примерно в одно и то же время — в начале августа. Если перед уборочной был хороший вид на урожай, сразу же об этом информировался Генеральный секретарь ЦК КПСС, и ему следовало предварительное приглашение посетить республику. И чтобы ни случилось, все обязаны знать и понимать — контрольная цифра валового сбора и продажи зерна уже названа и, следовательно, не может быть не выполнена. После этого начиналось «выкручивание рук» областными руководителям. Впрочем, не все особенно сопротивлялись, поскольку знали — осенью последует дождь орденов и медалей, с которым может выпасть и Золотая Звездочка Героя. А здесь уже не берется в расчет, что область не выполнила план по промышленности, по капитальному строительству, по производству животноводческой продукции. Первый секретарь обкома партии мог получить звание Героя Социалистического Труда, лишь один раз в пять лет выполнив план по зерну, но при этом провалив всю пятилетку по всем показателям. Делалось это очень просто, потому что все зависело от слова первого руководителя, пользовавшегося неограниченным доверием центра. Думаю, что и сами удостоенные этих званий понимают это. Не потому ли сейчас мы так редко видим их при Звездах?

Таким путем получали награды многие партийные и хозяйственные деятели. Нельзя сказать, что все они вовсе не заслуживали никаких наград — большинство из них, как правило, работало много и самозабвенно. Но вот критерии оценки их труда были искажены. Особо хочу сказать о том, что при этом уж никак нельзя, просто никто права не имеет, усомниться в заслуженности тех высоких государственных наград, которые в то время вручались простым труженикам. Те, кто находился за штурвалом комбайна, вырубал уголь или стоял у мартеновской печи, зарабатывали их собственным потом, нередко ценой подорванного здоровья и многих лишений. Нет вины этих людей в том, что на их плечах делалась так называемая «большая политика».

Во время «битвы за хлеб» совершенно не принималось во внимание, что Казахстан находится в зоне, я бы сказал, сверхрискованного земледелия. Единственной страховкой выполнения данных республикой обещаний центру являлись постоянные поездки сотрудников ЦК «на места» в целях «работы с местными руководящими кадрами». Эта работа включала в себя все: угрозы, увещевания, угощения, посулы, призывы к совести и партийной ответственности, выпивки. Считалось, что весь арсенал этих «воспитательных средств» оправдывает высокую цель — контрольную цифру сдачи зерна государству. Тех, кто, совершив действительно серьезную инспекционную поездку по хозяйствам, мог усомниться в возможности сдачи большого хлеба, как правило, под всеми предлогами устраняли от дел еще до начала уборки урожая. Чтобы не дезорганизовывали народ и чтобы другим неповадно было.

В результате такого подхода в одиннадцатой пятилетке в Казахстане практически не увеличивалось

производство мяса. Совхозам и колхозам приходилось дочиستا выгрести собственные закрома, чтобы обеспечить план сдачи зерна государству, а затем втридорога покупать концентрированные корма для содержания скота. Но директора и председатели хозяйств знали, что в случае бескормицы денежная дотация государства им обеспечена, а понадобится — выпросят для них то же самое зерно для комбикормов у того же самого государства, которому его отдали. Как видим, те же типичные методы решения экономических проблем при командно-административной системе. Всеобщая безответственность при всеобщей круговой поруке, господство сиюминутных эгоистичных интересов.

Чем больше я вникал в сельскохозяйственное производство, тем призрачней для меня становилось его мнимое благополучие, за которое получали почести казахстанские руководители. Много пришлось встречаться и беседовать с учеными ВАСХНИЛа, специалистами института зернового хозяйства в Целиноградской области, с директорами совхозов, хозяйственниками, агрономами, чтобы как следует разобраться в истинном положении дел. Надо сказать, что все эти люди искренне переживали за судьбу аграрной отрасли, всеми силами старались помочь выявить и выправить перекося. А начинать приходилось с самого элементарного — выяснять, каким же потенциалом на самом деле располагает сельская экономика республики. Первым этапом стала борьба с приписками.

Когда, например, избрали первым секретарем Семипалатинского обкома партии Сагидуллу Кубашевича Кубашева, он выяснил, что в области по сравнению с отчетностью недостает 330 тысяч голов скота. Этой новостью он меня и порадовал, когда я приехал в Семипалатинск.

— Что же вы намереваетесь делать?— задал я вопрос Кубашеву.

— А что делать? Освободил нескольких руководителей, некоторых привлекают к уголовной ответственности. Но там,— он сделал паузу и выразительно показал пальцем вверх,— просили не шуметь особенно и предложили в течение года восстановить поголовье.

Пришлось на том и порешить. Поголовье восстанавливали «без шума».

Поскольку подобные примеры были не единичными, я дважды в течение 1985 года официально обращался в бюро ЦК Компартии Казахстана с просьбой разрешить мне провести пересчет поголовья скота в республике. Оба раза получал категорический запрет. Пришлось начинать эту работу, в буквальном смысле слова, нелегально. Помог мне в этом председатель республиканского Комитета народного контроля Борис Васильевич Исаев, человек честный и бескомпромиссный (сейчас он работает первым секретарем Павлодарского обкома партии). Вместе с ним привлекли мы к этому делу аппараты Совмина и народного контроля, профсоюзы, сотрудников Минфина. Вскрыли много любопытных, но безотрадных фактов. К примеру, числится под Кзыл-Ордой табун, а при нем, как положено, пастух и помощник пастуха. Выясняется, что пастух с помощником действительно существуют, по крайней мере, регулярно расписываются в ведомости на заработную плату. Но вот табуна и в помине нет. Типичными оказались и такие ухищрения: в табунах и отарах смешивался общественный и личный скот. Нередко один чабан мог сдавать «собственного» скота на 30—50 тысяч рублей, и мясокомбинаты спокойно выплачивали эти деньги, не задавая лишних вопросов.

Не преминули воспользоваться возможностью содержать личное поголовье на государственный счет и многие из местных руководителей.

В это же время ко мне, как к главе правительства республики, стала поступать информация о том, что помощники первого секретаря ЦК злоупотребляют своим положением в корыстных целях, оказывая влияние на расстановку кадров, распределение жилья, награждения. Все это делалось под прикрытием авторитета Кунаева. Или просто ему на подпись подсовывались резолюции нужного содержания. Поговорил открыто с Динмухамедом Ахмедовичем. Результат оказался тем же, что и в истории с президентом республиканской Академии наук.

Дальше — больше. Очевидно, сами масштабы власти наших первых руководителей подталкивали их к идее строительства помпезных сооружений. С невиданным размахом строились не только административные здания, но даже городская баня. Понятно, что централизованных средств на это не хватало, и тогда расходы на подобные стройки стали покрываться за счет сельского строительства или городского бюджета. В результате резко сокращались ассигнования на благоустройство города, коммунальное хозяйство, строительство жилья.

Все мои попытки поднять эти вопросы наталкивались на глухое, затаенное раздражение. В конце концов мне было сказано, в Казахстане все хорошо и спокойно, и не надо выносить сор из избы. Не возымела действия и моя подробная записка о серьезных искажениях состояния дел в животноводстве, представленная в ЦК Компартии Казахстана. Тогда, накануне очередного пленума ЦК, было это 15 мая 1985 года, я попросил разрешения выступить перед

первыми секретарями обкомов и председателями облисполкомов. Мне дали сорок минут. В течение этого времени я попытался открыто проанализировать серьезные негативные явления, накопившиеся и в Алма-Ате, и в большинстве областей. К концу моего выступления в зале воцарилась мертвая тишина. После того как я сошел с трибуны, председательствующий на совещании Д. А. Кунаев был лаконичен:

— Информацию принимаем к сведению. Все товарищи могут быть свободны.

Между мной и руководством республики, приближенными к Кунаеву, выростала стена отчуждения и непонимания.

Из рассказанного Вами можно сделать вывод, что из-за некомпетентности наших специалистов споры даже по узловым проблемам экономики до сих пор нередко носят схоластический характер. Судя по целому ряду Ваших специальных публикаций, Вы являетесь в этой области отнюдь не дилетантом. Подтверждает это и диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, которую Вы успешно защитили в прошлом году. Чем мотивируется Ваше занятие серьезной наукой: не присутствует ли здесь определенная дань моде, когда крупные руководители считают своим долгом «остепениться» во что бы то ни стало? Собираетесь ли Вы и впредь продолжать научную работу?

Серьезный интерес к экономике появился у меня еще в институте. Возник он не случайно, потому

что производственный опыт, приобретенный к тому времени на Карагандинском металлургическом комбинате, натолкнул на определенные и, прямо скажем, невеселые размышления. Дело в том, что при переработке руды многие ценные компоненты выбрасывались в отвалы. Эту проблему впервые я попытался поднять в своей дипломной работе при окончании института. Насколько последователен у меня интерес к этой теме, можете судить по моей кандидатской диссертации, которая посвящена исследованию потенциала ресурсосбережения и подготовлена на материалах, накапливавшихся у меня, пожалуй, в течение всей моей трудовой деятельности. Ведь на партийной работе мне все время приходилось вести вопросы экономики — в Темиртау, Караганде, ЦК Компартии Казахстана. Что это тогда означало? Да то, что ты занимаешься не столько партийно-политической работой, сколько хозяйственной. Вникать приходилось буквально во все отрасли экономики и производства. Партийная и хозяйственная работа так переплетались между собой, что партийные органы нередко, особенно в периоды авралов, даже функции снабженцев выполняли. Ну, а пять с лишним лет на посту Председателя Совмина республики — это, можно сказать, уже чистая экономика. Кстати, сразу же поясню, что партийным руководителям научной работой и подготовкой диссертаций заниматься не полагалось. Считалось это в какой-то степени злоупотреблением служебным положением, поскольку возникала вероятность «давления авторитетом» на ученых, кафедры, научных руководителей, оппонентов.

Однако, когда в семидесятых годах, будучи секретарем парткома Карагандинского комбината, я учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, препода-

даватели и руководители моей дипломной работы убедили меня, что надо при любых обстоятельствах продолжать разработку выбранной мной темы, потому что она может иметь большую практическую ценность. Ведь Казахстан, как мы уже говорили, — богатая добывающая республика. Но при нашем традиционном подходе к разработке недр возникло такое положение дел, что в отвалах уже лежит 16 миллиардов тонн различных минеральных ресурсов. Например, только Соколовско-Сарбайский комбинат ежегодно хоронит в своих отвалах миллионы тонн железа, тысячи тонн кобальта, ванадия, никеля. Нигде в мире не позволяют так пренебрежительно и расточительно относиться к бесценному природному сырью. Образовавшиеся вторичные ресурсы — это поистине бесценный клад, к которому мы еще даже не подступали. Валовой подход в экономике требовал одного — увеличивать объемы производства в денежном выражении. Предприятия всеми силами «гнали» план, и у них не было ни времени, ни средств, ни технологий, чтобы заняться решением проблемы комплексного извлечения всех ценных компонентов. А ведь это в принципе значительно легче и в несколько раз дешевле, чем добывать те же металлы из-под земли.

Проблема комплексной переработки касается не только минеральных ресурсов. Например, нефтяные месторождения Западного Казахстана содержат, помимо серы, огромное количество газовых компонентов. На их базе можно организовать производство полимеров, что дало бы большую прибыль не только республике, но и всей стране. Из-за отсутствия комплексной переработки сельскохозяйственной продукции мы теряем не только то, что вырабатываем, но и не используем значительные резервы

увеличения производства продовольствия. К примеру, использование тех же отходов мукомольной промышленности способно обернуться существенным ростом производства мяса.

Я мог бы привести еще массу примеров, поскольку эта тема для меня не только близкая и знакомая, но и выстраданная. В условиях перехода на рыночную экономику она приобретает особую актуальность и практическую значимость. Уже сейчас на основе сотрудничества с ведущими зарубежными компаниями мы разворачиваем большую работу по созданию совместных предприятий по комплексной переработке сырья. Решаются задачи использовать в этих же целях конверсию оборонной промышленности, в первую очередь предприятий среднего машиностроения. К тому же нам давно пора отказаться от мысли, что недра наши неисчерпаемы — природные ресурсы не восстанавливаются. Вот это как раз тот случай, когда следует подумать о будущем.

Что же касается моих личных планов, связанных с дальнейшей научной разработкой темы ресурсосбережения, то все, конечно, упирается в дефицит времени. Но ведь в конечном счете цель-то заключается не в том, чтобы, защитив кандидатскую диссертацию, приниматься за докторскую. Главное сейчас для любого руководителя — не отстать от развития передовой экономической мысли.

Нурсултан Абишевич, Вы сейчас затронули вопросы сотрудничества с зарубежными компаниями, причем, судя по всему, речь идет в первую очередь о программах совместного освоения сырьевых ресурсов. Не приведет ли привлечение западных капиталов именно в эту базовую от-

*расить, как сейчас стали поговаривать о нехватке
рыла у русских. «К распродаже Казахстана и
Кавказа?»*

Да, мне тоже приходилось слышать об этом: начинается, мол, распродажа ресурсов, природных богатств, недр республики. Допустим даже, что это так. Ну, а что, семьдесят лет до этого Казахстан меньше эксплуатировался? Все сырье вывозилось за его пределы, и ни население, ни трудовые коллективы, которые это сырье производили, не имели ровным счетом ничего. Мы с вами с этой стороны уже посмотрели на проблемы тех же шахтеров, которые вынуждены были пойти просто на отчаянные шаги. Конечно, сотрудничать с западными бизнесменами надо с умом — никто из них безвозмездно нам ничего не даст и ничего для нас за «просто так» делать не будет. Нужно уметь находить только взаимовыгодные варианты. Но и в замкнутой экономике жить больше нельзя. Наш опыт уже показал, что сколько ни огораживай свой дом, но если ты не умеешь в нем хозяйствовать, все равно, извините, без штанов останешься.

Мы из своей внешнеэкономической стратегии тайны не делаем. Конечная наша цель — выйти на мировой рынок с готовой продукцией. Но сейчас часть вырученных за счет продажи сырья денег необходимо использовать на приобретение товаров народного потребления. Но только часть — в противном случае это уже действительно будет распродажа, а не экономика. Другая часть должна предназначаться для инвестирования преимущественно перерабатывающих отраслей.

Здесь можно вспомнить опыт Южной Кореи, которая стала внедрять рыночную экономику, не имея практически никаких ресурсов. Но вначале она пустила

иностранный капитал на свою территорию, параллельно занявшись подготовкой собственных квалифицированных кадров рабочих и специалистов. На первых порах многие предприятия принадлежали иностранным фирмам и корпорациям. Но все деньги, которые зарабатывались, государство направляло на производство собственной экспортной продукции. Через сравнительно короткое время оно уже 60 процентов производимой продукции стало вывозить на внешний рынок. Постепенно были возвращены и предприятия. Например, в 1989 году эта страна имела 15 миллиардов долларов свободной валюты, из них 10 миллиардов потратила на повышение заработной платы рабочим (она поднялась на 26 процентов) в условиях начавшейся демократизации общества.

Конечно, любой, даже самый хороший опыт нельзя копировать механически. На практике жизнь часто вносит свои непредвиденные серьезные поправки. Многое зависит от традиций политической и общественной жизни, психологии людей. Но я все же хочу еще раз обратить внимание: Корея начинала переход к рынку, не располагая ресурсами — Казахстан обладает богатейшим потенциалом. Если его сейчас активно не использовать, то нам ничего не останется, как опять кормить людей обещаниями лучшей жизни в «светлом будущем».

СЫНЫ ВРЕМЕНИ

Хорошо сознаю, какая опасность подстерегает любого, кто пытается осмыслить явления прошлого или настоящего, восстанавливая в памяти собственную жизнь, анализируя свой, накопленный годами, опыт, виденное и пережитое. Так или иначе приходится обращаться к подробностям автобиографического свойства, а здесь, не ровен час, можно и в мелочах потонуть, перепутать важное со второстепенным и в субъективизм впасть, позволив восторжествовать над истинной былым эмоциям и пристрастиям. Особенно трудное занятие — рассказывать о людях, знакомых по личному общению. Одно дело, конечно, если они только светлый след в твоей душе оставили. Но все мы прекрасно понимаем, что жизнь достаточно сложна и в ней часто приходится противостоять не только чему-то, но и кому-то, то есть вполне конкретным людям. И даже если мы убеждены, что кто-то действительно заслуживает серьезного упрека, всегда ли мы вправе делать это публично, волей-неволей призывая в судьи общественное мнение?

Вряд ли кто даст однозначный ответ на этот вопрос. Поэтому не испытываю я особого желания вторгаться в неизведанные сферы этики и чрезмерно углубляться в описание своих, порой непростых личных взаимоотношений со многими, широко известными сейчас людьми. Сознаюсь, что если мне и приходится брать на свою совесть тяжелый груз ответственности за те или иные характеристики, делаю я это вынужденно, когда без этого просто невозможно

понять наиболее важные, на мой взгляд, события, причины многих сложных явлений последних лет.

Скажу даже более откровенно: как-то даже не по себе становится от одной только мысли, что кто-то может попытаться выловить из моих рассказов какую-нибудь «пикантную» деталь и записать меня в компанию скорых на руку изобличителей и обвинителей, питающих непонятное мне органическое отвращение к любой странице нашего прошлого.

Сейчас принято по всякому поводу ссылаться на опыт и традиции цивилизованных государств. Поскольку в подобных случаях под понятием «цивилизованные» подразумеваются исключительно капиталистические страны, то сошлюсь и я на свои впечатления, вынесенные из деловых поездок по западному миру. Встречаясь, например, в Соединенных Штатах Америки с руководителями разных рангов, обратил я внимание на такую особенность: в рабочих кабинетах мэров городов обязательно висят портреты всех их предшественников. И совершенно неважно, разделяет ли ныне здравствующий мэр их политические взгляды или, быть может, считает в глубине души, что кого-то из них следовало бы в свое время отправить на электрический стул.

Есть в США и другая традиция. Каждый президент страны после ухода с поста начинает создавать так называемую библиотеку. С этой целью, как правило, используются не только личные средства, но и создаются общественные фонды. Такие библиотеки — не просто собрания книг. На их базе организуются настоящие, богатые и интересные музеи, своеобразные культурные центры, посещаемые множеством людей. Когда в Канзас-Сити меня привели в библиотеку Трумэна, я не удержался и поинтересо-

вался: как, мол, это понимать — вы вот здесь так почитаете этого президента, а ведь он в конце второй мировой войны сбросил атомные бомбы на мирные японские города? Мне ответили, что атомные бомбардировки — это, конечно, ужасное деяние, но это, во-первых, история, а во-вторых, нельзя забывать и все то, что сделал Трумэн для американской нации и государства.

Вот такой подход, спокойный и беспристрастный. Уважение к своей истории, какой бы горькой она ни была, свойственно, по-моему, любому современному цивилизованному обществу. В Италии, например, вряд ли найдется много людей, испытывающих симпатии к печально известному фашистскому диктатору. Однако там и по сей день сохраняются памятники Муссолини, и все относятся к этому совершенно спокойно. Недавно в составе официальной делегации во главе с М. С. Горбачевым я побывал в Мадриде. И там тоже никто не оскверняет памятник диктатору Франко.

Где-то я вычитал такую мысль: народ, который не уважает свою историю, — не уважает себя. И как это ни прискорбно, мы сегодня убедительно подтверждаем и иллюстрируем ее всем своим поведением. Очернив едва ли не все свое прошлое, мы посыпаем пеплом голову и каемся во всех мыслимых и немыслимых, действительных и мнимых грехах, кричим на весь мир, что мы ничего не умеем и ни на что не способны, готовы пресмыкаться перед всем иноземным.

Истории не нужны ни прокуроры, ни адвокаты — ей нужны исследователи. Бережное отношение к истории — лучший гарант того, что сегодня и завтра мы не повторим новых трагических ошибок. Мне кажется, пора бы уже оборвать перманентную цепь шель-

мования всех и вся. Те, кто в этом особенно преуспевают, почему-то не задумаются о том, что эта не лучшая из доморощенных традиций, завтра и по ним ударит, ударит неизбежно.

...В позапрошлом году у Д. А. Кунаева случилось большое горе — умерла жена. Детей у него не было, и человек лишился своей главной опоры и поддержки в жизни. Я его покойную супругу хорошо знал. Она, хоть и по-своему, с позиций домохозяйки, постоянно пыталась помочь мужу и уберечь его от неприятностей. Для любого человека такая утрата всегда становится тяжелым ударом. Через час после печального известия я был в его доме. Запомнилось, как он тяжело, по-старчески поднялся, мы, как положено по обычаю, обнялись, я высказал свои соболезнования.

Когда присели, а в доме мы были не одни, он заговорил о прошлом. И видно было, что человек высказывал наболевшее, потому что нельзя в такую минуту быть неискренним. Говорил он о том, что всякие были времена, а когда находишься на таком высоком посту, неизбежно совершаешь какие-то серьезные ошибки. Наверное, продолжил он, должны мы простить друг друга и не помнить зла. А то, что делается новым руководством республики, тут Динмухамед Ахмедович взглянул мне в глаза, я поддерживаю. Думаю, что и народ поймет вас и поддержит. Никаких обид у меня ни на кого нет.

Вот и совсем недавно он подтвердил это в своем интервью республиканской молодежной газете.

Здесь можно было бы и поставить точку на этой проблеме. Только вот подумалось мне в тот момент, что наверняка и я совершил не одну ошибку в то крутое, переломное время. Ведь в процессе нелегкого противостояния часто переставали мы видеть

друг в друге что-то очень важное, глубоко человеческое, что неизбежно должно связывать между собой людей, будь они даже самыми непримиримыми политическими противниками. Неужели только крайнее горе способно нас примирить? Не слишком ли часто мы в политической горячке, в пылу амбиций теряем это естественное чувство человеческого единства, а этим самым сеем рознь и во всем обществе, подстегивая его к конфронтации? Какая уж тут консолидация, если даже в обыденную жизнь входит разделение людей по политическим признакам — на демократов, партократов, либералов, консерваторов.

Далеко не однозначной личностью, как сейчас это многие представляют, был Д. А. Кунаев. Обладал он широкой эрудицией, а главное — прекрасно понимал Казахстан, традиции, обычаи и психологию народа. И объяснять его авторитет лишь одной поддержкой Брежнева было бы непростительным упрощением и времени, и людей, которых оно порождало. Главной причиной трагедии Д. А. Кунаева стала, на мой взгляд, десятилетиями формировавшаяся убежденность в незыблемости и всеисильности партийных устоев, в непогрешимости традиций партийного руководства. Авторитаризм рано или поздно пропитывал любого человека, вознесенного на вершину пирамиды власти. А авторитарная власть может себя уверенно чувствовать только на страхе ей подчиненных. «Чтобы тебя слушались, тебя должны бояться» — это было любимое кредо Кунаева.

Все, что происходило в высшем эшелоне власти в Москве, копировалось едва ли не в мельчайших деталях в Алма-Ате, а вслед за тем в областях и районах. Одни и те же традиции, нравы, привычки, будь то страсть первых лиц к охоте, их детски-тщеслав-

ное стремление украшать свою грудь огромным количеством всевозможных наград или помпезные празднования юбилеев, на проведение которых затрачивались невероятные силы и средства. Известная поговорка, что рыба начинает портиться с головы, увы, подходит здесь как нельзя лучше. Именно сверху вниз шло разложение кадров, крепла круговая порука, что и способствовало застою, стагнации общественно-политической жизни.

Не могу вспомнить ни одного года, в течение которого можно было бы всецело отдаться только серьезным делам, рабочим вопросам. Значительная часть времени затрачивалась на подготовку сплошных праздников и торжественных заседаний. 1980-й — 60-летие Казахстана с визитом Л. И. Брежнева, 1981-й — 250-летие добровольного присоединения Казахстана к России, затем — юбилей целины. И все с большой помпой.

12 января 1982 года отмечалось 70-летие Д. А. Кунаева. С утра из телеграммы, подписанной Черненко, нам стало известно, что он по этому случаю награжден орденом Октябрьской Революции. Только все собрались, чтобы идти поздравлять своего шефа, как поступило распоряжение всем оставаться на местах и ждать. К концу дня пришло новое известие: он награжден третьей Звездой Героя Социалистического Труда и орденом Ленина. Выходит, аппарат успел поработать (а там «свои люди» были), и буквально через несколько часов на проект документа, составленный Черненко, Брежнев нанес другую резолюцию. Ну а принятие нового Указа Президиума Верховного Совета СССР — это уже, как говорится, дело техники, обычная формальность. В то время дважды Героями уже были Щербицкий, Алиев, Рашидов. Получить третью Звезду, очевидно, означало

стать выше их и значительнее. Ну, чем не детские или старческие капризы?

Впрочем, выпросить орден или поменять качество знака в ту пору было явлением довольно распространенным. А уж по случаю юбилеев и больших урожаев зерна кого только не награждали в аппаратах ЦК и других руководящих органов — вплоть до технических секретарей, уборщиц и водителей персональных машин. И дело не в том, что труд их не заслуживал серьезного поощрения. Речь идет все о том же искажении оценок результатов работы, о полном игнорировании и, в конечном счете, разрушении самой основы для создания здоровых мотиваций добросовестного труда.

И все же был период, когда многим показалось, что возведенное приспешниками командно-административной системы здание мнимого благополучия и самодовольства вот-вот даст трещину. Как бы противоречиво ни оценивалось то короткое время, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был Ю. А. Андропов, «первый звонок» прозвучал именно тогда. В партии произошло оживление. Заговорили о стагнации в экономике, о спаде в развитии, о необходимости укрепления дисциплины и выявления злоупотреблений, о том, что не должно быть зон вне критики.

Тут надо сказать, что к этому времени в аппаратах всех уровней, включая и ЦК КПСС, бюрократическая система сумела организовать мощный оборонительный заслон от многочисленных жалоб и заявлений трудящихся. Несмотря на то, что по этим вопросам, как мы хорошо помним, и принимались одно за другим вроде бы правильные и даже грозные постановления, но все это было не более чем камуфляжем творившегося на деле произвола. Круговые

связи и порука были отлажены до такой степени, что до высшего руководства в Москве доходило только то, что считали нужным или необходимым руководители, скажем, нашей республики.

При Андропове все письменные обращения стали строго проверяться. Когда были вскрыты серьезные беспорядки и нарушения законности в Узбекистане, стало видно, как не на шутку, один за другим, начали терять покой наши высокопоставленные лица и в Алма-Ате, и во многих областях. Однако после первого замешательства местное руководство все же в какой-то мере смогло приспособиться к такому неприятному для него повороту событий. Накопившийся в обществе пар стали выпускать своеобразным способом: все силы бросили на выискивание «прогульщиков» на дневных сеансах кинотеатров, в очередях магазинов и парикмахерских. Даже в банях «отлавливали» людей.

Мне кажется, что преждевременный уход Ю. В. Андропова из жизни, а вместе с этим и обрыв наметившихся изменений в политической атмосфере не дает каких-либо серьезных оснований для пространных рассуждений о том, на какой путь мы могли выйти. Одно ясно: если бы все, даже самые благие намерения продолжали осуществляться в рамках авторитарного подхода, они все равно неизбежно зашли бы в тупик.

Но... Андропова не стало, и жизнь быстро вернулась в наезженную колею. Мне пришлось быть свидетелем того, как на Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем избирали К. У. Черненко. Да, все видели его состояние, всех возмушало, что на XXVI съезде партии он не мог даже толком прочесть фамилии людей, предлагавшихся в состав ЦК. Все знали его как человека-конторщика, всю жизнь проси-

девшего в аппаратах, главным образом, на работе с документами. Однако старые силы вновь смогли замкнуть порочный круг. Но при этом было понятно, что в скором времени круг этот должен неизбежно прорваться.

Мне хорошо запомнилась беседа с М. С. Горбачевым, когда меня рекомендовали на должность Председателя Совета Министров Казахстана. Долгим и обстоятельным был тогда разговор. Михаил Сергеевич сказал, что ему нравится мой жизненный путь, моя постановка многих вопросов. А после этого спросил:

— Так как ты считаешь, есть у тебя хребет?

Я не сразу понял, что он имеет в виду.

— Предстоят тяжелые времена,— пояснил он.— Будет натиск, будет борьба. Нелегко придется.

По существовавшим правилам после этой беседы надо было обязательно встретиться с Черненко. Пришлось сидеть безвылазно в гостинице и ждать звонка о времени встречи с Генсеком. В этом ожидании прошло три дня. Наконец позвонили: «Пока принять не может — болен. Лети обратно».

Через неделю снова вызвали в Москву. Опять сижу в гостинице. На третий день раздался звонок: «Пока жди, Константина Устиновича в Москве нет, кажется, отдыхает в своей загородной резиденции». Спустя день все повторилось: «Принять не может, возвращайся в Алма-Ату».

Только третья попытка достигла цели. Привел меня к Черненко Е. К. Лигачев. Естественно, я к этой встрече тщательно готовился, старался, чтобы не ударить в грязь лицом, предусмотреть все возможные вопросы по состоянию дел в республике. Когда вошли в кабинет, Константин Устинович сидел за своим столом утомленный, с совершенно

отсутствующим взглядом. Вид у него был очень болезненный — сам весь седой, и на лице ни кровинки. Вяло протянул руку.

Е. К. Лигачев стал рассказывать обо мне, упомянул, что я буду самым молодым из всех премьеров союзных республик. Черненко сидел молча, тяжело дыша. Когда Лигачев закончил свой монолог, он задал наконец первый и единственный вопрос:

— Сколько ему лет?

— Сорок четвертый пошел, Константин Устинович. Будет самым молодым премьером, — вынужден был повторить Егор Кузьмич.

Неожиданно Черненко поднялся и направился в мою сторону, но вдруг как-то весь подкосился, и находившийся рядом здоровый парень едва успел его подхватить.

— Вернетесь, передайте привет товарищам.

Аудиенция, которая произвела на меня гнетущее впечатление, окончилась.

После подобных встреч невольно одно думается: и такой человек стоит у руля крупнейшего государства! И другие мысли возникали. Ведь было ясно, что вряд ли человек в таком состоянии способен на что-то серьезно влиять. А значит, кому-то очень удобно держать такого Генерального секретаря в виде своеобразного символа власти, чтобы под сенью этой символической фигуры спокойно жить в свое удовольствие. Например, от Кунаева мы знали, что было принято специальное закрытое постановление Политбюро, предписывающее для его престарелых членов укороченный рабочий день и дополнительный, третий, выходной каждую неделю — по пятницам. Поэтому никто из них особенно не перенапрягался, и, как правило, уже по четвергам все уезжали на дачи, дышали там свежим воздухом и охотились в

специальных угодьях, а в понедельник возвращались в Москву. Так же вели себя и местные руководители. Все их обязанности сводились к тому, чтобы время от времени провести какое-нибудь совещание, иногда съездить куда-нибудь в область, на периферию да показаться в средствах массовой информации: не дремлют, мол, вожди.

Существовали подобные крупные почетно-декоративные должности и на местах. К примеру, можно было неплохо скоротать старость на посту Председателя Президиума Верховного Совета республики. Так, когда в 1984 году скончался занимавший этот пост С. Н. Имашев, на освободившуюся вакансию передвинули престарелого Председателя Совмина Б. А. Ашимова. В результате этой нехитрой «ротации» я и возглавил правительство Казахстана.

Мой предшественник, как и многие другие руководители, следовал в основном одному принципу: главное, чтобы все было тихо-мирно. Меньше беспокоить других — самому жить спокойнее. Только почаще посматривай наверх, чтобы вовремя угодить первому руководителю да не перечить его воле и желаниям. Такая позиция беспроигрышна, и грудь бывшего Предсовмина также украсила Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Какое наследство мне досталось в самой «благоприятной» нашей отрасли — сельскохозяйственном производстве, — я уже упоминал. Ну, а традиционные методы решения промышленных проблем — с борьбой за выполнение и перевыполнение планов, с постоянными корректировками, отписками и приписками, с изысканиями и выбиваниями фондов и средств — были мне хорошо знакомы еще по предшествующей работе в должности секретаря ЦК по промышленности. Выматывали они до предела. Через

частокол одних и тех же проблем приходилось продира́ться, когда разворачивалась большая работа по освоению нефтяных месторождений полуострова Бузачи и Тенгиза, Карачаганакского газового месторождения, когда строились каскад электростанций Экибастуза и шинный завод в Чимкенте, расширялся Новоджамбулский фосфорный завод, выводились из прорыва Алгинский химический комбинат, предприятия легкой промышленности — Кустанайский камвольно-суконный, Восточно-Казахстанский шелковый комбинаты...

Однако любая, исходившая с моей стороны, серьезная попытка вскрыть ту или иную причину годами копившихся негативных явлений делала только глуше стену возникшего между мной и Кунаевым отчуждения. Любой шаг, не имевший даже ни малейшего намека на личные качества и достоинства первого руководителя, стал расцениваться как злоумышленное покушение на его авторитет.

Лишь позднее я понял, почему самые благие намерения тех, кто в 1985 году душой воспринял решения апрельского Пленума ЦК КПСС, кто в них поверил, натыкались на ожесточенное сопротивление. Демагогически провозглашая десятилетиями в качестве высшей цели интересы общества и народа, командно-административная верхушка все свои действия подчиняла только одному — упрочению собственных позиций. Поэтому во всем, что было способно внести хоть малейшую трещину в систему, на которой она восседала и процветала, не без основания мнились угрозы личному благополучию вполне конкретных людей.

О том, какую роль в нашей жизни сыграл апрельский Пленум ЦК, говорилось и писалось уже достаточно много. Можно было и не терять лишний раз

время, чтобы напоминать, казалось бы, очевидные, прописные истины. Но вот только поражают меня происшедшие всего за шесть лет странные метаморфозы в оценках этого, безусловно, исторического для нашей страны события. Я глубоко убежден, что не было в нашем обществе других сил, способных осуществить решительный поворот на новый путь, кроме самой партии, ее здорового ядра в руководящих звеньях, опиравшегося на самые широкие партийные массы. Мне кажется, нельзя упрощенно понимать начавшийся тогда благотворный процесс как некую «революцию сверху». Любые попытки в «верхах» осуществить нечто по типу «дворцового переворота» неизбежно потерпели бы провал или, во всяком случае, оставили без изменений существовавшую систему. Однако было сразу ясно, что принятое в апреле 1985 года неизбежно найдет твердую и широкую поддержку «в низах». Так и произошло. При этом ни у кого не вызывала сомнений роль партии, решительно оборвавшей порочные традиции застоя.

Поначалу не ставили под сомнение заслуги КПСС даже сторонники наиболее радикальных, а порой и просто крайних мер. Помню, как далеко не однозначно была воспринята общественностью книга с категоричным названием «Иного не дано», вобравшая в себя самые смелые идеи первых лет перестройки. В предисловии ее составителя и ответственного редактора историка Ю. Н. Афанасьева недвусмысленно говорилось, что книга эта «о перспективах новой политики КПСС, о том, что и кто мешает ее реализации». Но не успела на этом издании высохнуть типографская краска, как большинство его же авторов дружно набросилось на ту же самую «новую политику», добиваясь устранения партии с полити-

ческой арены, без разбора ошельмовывая всех членов КПСС. По странной логике этих людей, начав перестройку, партия сразу же стала и помехой на ее пути. Но мне представляется, здоровые силы партии стали прежде всего помехой для тех, кто не прочь под видом новых преобразований заменить старый командно-административный диктат собственной авторитарной властью в демократической упаковке. И не случайно естественная на переломном этапе борьба идей оказалась подмененной борьбой честолюбий, амбиций, тон в которой задает опять узкая группа лиц, пытающихся вновь узурпировать право на истину.

У некоторых сложилось упрощенное представление о воздействии решений апрельского Пленума на положение дел в партии. Многие думают, что после него, словно по мановению волшебной палочки, можно было свободно и спокойно налаживать новую жизнь на местах. Сейчас я вспоминаю, что едва ли не год потребовался только для того, чтобы здоровые силы Компартии Казахстана смогли открыто выступить против не терпимых больше намерений старого руководства сохранить все в прежнем виде. Впервые это произошло, пожалуй, в феврале 1986 года на XVI съезде Компартии республики. После обсуждения Отчетного доклада ЦК, с которым в традиционном духе выступил Д. А. Кунаев, мне предстояло сделать доклад «О проекте Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года». Чтобы полнее воспроизвести картину той обстановки, которая продолжала царить в хозяйственной и других сферах жизни Казахстана, приведу из своего доклада подробные выдержки, касающиеся негативных сторон, по стенограмме съезда:

«...В ряде отраслей промышленности сорваны задания пятилетки. Темпы роста объема производства и производительности труда в целом оказались ниже соответственно на 3,6 и 4,6 пункта. Свои договорные обязательства по поставкам продукции не выполнило каждое четвертое предприятие, а фондоотдача упала на 15 процентов. По данным обследования, из 334 объектов, сданных за последние 9 лет, почти половина не вышла на нормативную мощность. В большом долгу остались и сельские труженики. Государству за пятилетку недодано 18,5 миллиона тонн зерна, не выполнены задания и по основным видам животноводческой продукции. В строительстве недоосвоено 2,7 миллиарда рублей капитальных вложений.

Допущенное отставание в немалой степени вызвано тем, что отдельные министры, председатели комитетов и облисполкомов не сумели перестроить работу в соответствии с установками апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, зачастую свою энергию тратили не на укрепление государственной плановой дисциплины, а на выискивание разного рода причин и аргументов для корректировки планов. Убаюкав себя среднестатистическим благополучием и победными реляциями подчиненных, они заняли позицию приспособленчества к сложившейся обстановке вместо активного вмешательства и изменения ее в лучшую сторону.

Свои негативные последствия дает сложившийся на местах и еще не преодоленный стиль выпячивания отдельных успехов, восхваления районного и областного начальства за несуществующие заслуги. Все это стало воз-

возможным еще и потому, что руководством республики такие негодные методы работы временно и по-партийному не пресекались...

...Руководство академии во главе с ее президентом А. М. Кунаевым ведет дела инертно, без должной инициативы. Оно не сумело поднять научные силы республики на решение фундаментальных проблем самой науки и народного хозяйства. Поэтому не случайно ни один институт академии не вошел в состав созданных в стране межотраслевых научно-технических комплексов, а за всю прошлую пятилетку не заключено ни одного лицензионного соглашения. Настораживает и то, что в прошлом году экономическая эффективность одной внедренной разработки по сравнению с 1980 годом снизилась почти в 2 раза, а из 76 предложений Академии наук по причине их недоработанности в государственный план текущего года включено только 5, в планы министерств и ведомств — 9.

Сегодня на съезде надо прямо сказать о том, что АН республики оказалась у нас организацией не критикующей. Там создана обстановка угодничества, подхалимства. Видимо, поэтому президент АН не является не только на заседаниях Совмина, но и на балансовые комиссии. Таким образом, он самоустраняется от своих обязанностей. Думаем, Димаш Ахмедович, что пора призвать его к порядку.

...По-прежнему на каждой пятой части пашни земледелие ведется бессистемно... Не наведен еще должный порядок на орошаемых землях. Ежегодно 40—80 тысяч гектаров их остаются неполитыми... Рост поголовья не соответ-

ствуется имеющейся кормовой базе. Упускается главное — повышение продуктивности скота.

В 1985 году положение с заготовками молока было несколько поправлено, от каждой коровы надоено 1993 килограмма. Но ведь это — уровень 1970 года! Средний сдаточный вес одной головы крупного рогатого скота составил 344 килограмма, или на 60 килограммов меньше, чем в 1980 году, а в Кустанайской, Талды-Курганской и Семипалатинской областях он снизился еще больше — от 70 до 109 килограммов. На 3 килограмма уменьшился сдаточный вес овец и на 400 граммов — настриг шерсти... Говорить о каких-либо успехах в животноводстве не приходится. Наоборот, здесь потеряны ранее завоеванные позиции и за пятилетие недодано к плану 385 тысяч тонн мяса в живом весе, 152 тысячи тонн молока и почти 6 тысяч тонн шерсти...

...За последние 10 лет капитальные вложения на селе превысили 32 миллиарда рублей, производственные фонды увеличились в 1,8 раза, поставки удобрений — в 2,4 раза, а валовая продукция хозяйств — лишь на 23 процента. Нет роста и производительности труда.

В совхозах республики за 1981—1984 годы себестоимость центнера молока возросла на 7 рублей, говядины — на 71, свинины — на 31 и баранины — на 32 рубля. Да и как ей не расти, если в прошлом году проверкой Совмина почти в каждом третьем хозяйстве Кызыл-Ординской, Тургайской и Актюбинской областей выявлены факты недостач и скрытия поголовья от учета. В общественном стаде только этих областей незаконно содержалось 23 ты-

сячи голов крупного рогатого скота, 130 тысяч овец и почти 10 тысяч лошадей, принадлежавших частным лицам. В отарах лишь одного совхоза «Женишкекум» Кзыл-Ординской области, например, находилось около 400 овец руководителей и специалистов.

Из-за растрат и хищений совхозы республики за 5 лет недосчитались почти 120 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 1,7 миллиона овец, по 42 тысячи лошадей и свиней.

Особенно тревожно, что эти вопиющие факты не получили строгой принципиальной оценки ни в местных партийных и советских органах, ни в бывшем Министерстве сельского хозяйства. Это, видимо, и результат того, что на официальную записку Комитета народного контроля не последовало никакой реакции со стороны Бюро и Секретариата ЦК, хотя сумма растрат и хищений в этих областях только за 1 год и 2 месяца составила более 26 миллионов рублей...

В республике все еще не изжита вредная практика непланового строительства... Зачастую причиной появления неплановых объектов является стремление некоторых руководителей, не считаясь ни с чем, иметь так называемые «престижные» объекты. Эта практика, осужденная Центральным Комитетом КПСС, получила распространение в Чимкентской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях. В Алма-Ате по настоянию прежнего руководства обкома и горкома партии Главалмаатастроеном авральными темпами в условиях нехватки материальных и трудовых ресурсов для других объектов соцкультбыта был до-

срочно построен Центральный государственный музей стоимостью 9,3 миллиона рублей. В отдельные периоды концентрация людей на этом якобы «жизненно» необходимом объекте достигала 1000 человек. Хотя музей был сдан в июне прошлого года, для посещения открыт буквально на днях. Аналогичными методами возводились и другие объекты столицы из разряда «престижных». Бесспорно, эти объекты не лишние для Алма-Аты. Но прежде надо было строить жилье, по которому пятилетний план по городу провален почти на 115 тысяч квадратных метров. Как вам известно из публикации газеты «Правда», в Сарыагаче Чимкентской области без документации, в спешном порядке под видом 12-квартирного дома трестом Чимкентсельстрой-25 был построен комфортабельный особняк неординарного назначения с люксовыми номерами, оборудованный импортной мебелью, дорогими коврами и аппаратурой. Когда настало время за него отвечать, председатель Чимкентского облисполкома т. Джандосов заявил, что, мол, ничего об этом объекте не знал. Может, он и прав: на глазах областного руководства строилось немало подобных объектов. И неудивительно, что один из них стоимостью более 0,5 миллиона рублей мог просто выпасть из поля зрения. Одним из первых отдыхающих здесь оказался председатель Госстроя т. Бектемисов, который по долгу службы должен пресекать такие излишества в строительстве. Некоторые товарищи считают для себя зазорным жить в обычных домах, им подавай по особому проекту, чтобы потолок был повыше, а площадь

побольше. Именно с таким размахом Джамбулским облисполкомом построен 6-квартирный жилой дом, в котором поселилось руководство области. Не в этом ли проявление чванства, стремления подчеркнуть свое превосходство над другими, с чем решительно борется сегодня партия. К сожалению, такие амбиции быстро передались многим руководителям районов и хозяйств, прививая им черты, не совместимые с обликом коммуниста, что нередко кончается потерей ими уважения и авторитета в трудовых коллективах и в конечном счете занимаемых должностей. Нельзя тут не упомянуть и о тех загородных резиденциях и роскошных особняках, которые построены в областях якобы для почетных гостей и месяцами пустуют в ожидании редких жильцов. Рабочий класс, из которого вышли, который воспитал многих из руководителей, вправе удивляться и законно возмущаться такими барскими замашками.

.. Нельзя обойти молчанием возмутительные факты нарушения принципов социальной справедливости при распределении квартир. А ведь это — святая обязанность прежде всего советских органов. За грубое игнорирование жилищного законодательства от занимаемых должностей освобождены первые секретари горкомов и председатели горисполкомов Кокчетав, Кзыл-Орды, председатель Джамбулского горисполкома и ряд других.

Большие вольности и безобразия допускались в Алма-Ате. Как показала проверка, за последние 2,5 года райисполкомы города на обеспечение очередников направили только

один процент введенного в столице жилья... Для председателя Алма-Атинского облисполкома т. Белякова при его положении не представляло трудности передать свою трехкомнатную квартиру детям, а самому с супругой перебраться в новую четырехкомнатную. Тов. Абенов, выдвинутый на пост председателя Восточно-Казахстанского облисполкома с 1982 года, даже не выписываясь из Алма-Аты, получил квартиру в Усть-Каменогорске. Перечисление таких примеров, товарищи, отняло бы много времени. Можно было бы и не говорить об этих безобразиях, если бы они не носили распространенный характер.

И все это совершается в условиях, когда в столице почти 3 тысячи семей инвалидов и участников войны, погибших военнослужащих не имеют благоустроенных квартир, а многие нуждающиеся ждут их более 20 лет. Причем что характерно, некоторые высокие должностные лица стараются устроить своих близких обязательно в центре города и обязательно в новых домах улучшенной планировки и отделки. Правдами и неправдами добиваются этого. Скажу прямо, все это сейчас требует специального разбирательства для выявления возможных злоупотреблений.

...Особенно нетерпимая обстановка сложилась в потребительской кооперации, где из-за запущенности учета, низкой требовательности, просчетов в подборе и расстановке кадров в период работы председателем правления Казпотребсоюза т. Танекеева крупные присвоения кооперативных средств стали привычным явле-

нием. Общая сумма выявленных растрат и хищений в этой системе только за 4,5 года минувшей пятилетки превысила 20 миллионов рублей, а непроизводительные расходы и потери — более 46 миллионов.

В Джезказганском горкоопторге вскрыто растрат и незаконных расходов на 768 тысяч рублей. В системе Чимкентского облпотребсоюза только за прошлый год злоумышленниками присвоен 1 миллион 400 тысяч рублей. За массовые приписки, широкое распространение хищений и другие хозяйственные махинации снят с работы председатель Алма-Атинского облпотребсоюза т. Горгопко. Подобные безобразия допускаются и в других областях. С ними надо бороться решительно и беспощадно. Не следует думать, что правоохранительные органы не получали своевременных сигналов об этих нарушениях. К сожалению, просто стало не в их правилах пресекать преступления в зародыше. Бывает, что их работники сами вступают в сговор с расхитителями народного добра...»

Скажу честно: лично Кунаева я в этом докладе не затрагивал. Более того, надеялся, что такой резкой постановкой вопросов смогу помочь ему, сумею хоть как-то всколыхнуть инертную массу руководителей, ту трясицу, которая рано или поздно окончательно засосет и первого секретаря ЦК. Ведь кроме всего прочего, несмотря на серьезные трения между нами, не угасло во мне, да и сейчас живо, чувство элементарного человеческого уважения к нему. Что и говорить, в духе уважения к руководителю нашей республики нас смолоду воспитывали. К этому распола-

гали и его портреты, которыми украшались не только города и кабинеты, но даже и бомбоубежища. Ну, а потом мне еще частенько напоминали, что без него не стал бы я секретарем ЦК Компартии, а затем и Председателем Совмина Казахстана.

Встряхнуть делегатов съезда удалось. Не раз они прерывали мой доклад аплодисментами, а с трибуны проводили меня настоящей овацией. Говорю об этом без ложной скромности потому, что всего лишь несколько месяцев назад, я об этом уже тоже упоминал, подобная попытка начать критический, взыскательный разговор натолкнулась на гробовое молчание. Теперь же ситуация резко менялась — люди поверили в необратимость перемен. Однако, когда я с трибуны направился к столу президиума, мне сразу же бросилось в глаза окаменевшее, непроницаемое лицо моего шефа.

С этого дня вокруг меня развернулась настоящая травля. Не хочу описывать подробности, мягко говоря, неэтичных средств той массовой атаки, которой я подвергся. Тем более страсти давно улеглись, и знаю, что многие искренне раскаялись в своих неблагоприятных поступках. Скажу только, что за три недели, прошедшие между XVI съездом Компартии Казахстана и XXVII съездом КПСС, на меня сочинили 53 жалобы-заявления, которые тщательно проверялись всевозможными комиссиями.

Тяжелые времена для меня наступили. Что же помогло выстоять в очередной раз? Прежде всего принципиальная поддержка товарищей, воспринявших перемены и поверивших в них. На том же XVI съезде критический и нелюбезный тон моего доклада был продолжен в выступлениях секретаря ЦК Компартии Казахстана З. Камалиденова, секретарей обкомов Е. Н. Ауельбекова и ныне покойного Ю. Н.

Трофимова. Но немало оставалось и таких, кто заявлял, что мы шельмуем великого сына казахского народа. Казалось иногда, что все может и вспять повернуться. Кунаева вновь избрали первым секретарем ЦК Компартии республики, а затем, на XXVII съезде КПСС, и членом Политбюро.

Но, несмотря на это, лед тронулся. Моя позиция нашла поддержку и у членов Политбюро, прежде всего у М. С. Горбачева. После постановки Кунаевым вопроса об освобождении меня от поста Председателя Совмина и неоднократных его заявлений, что я решил его «подсидеть» и расчистить себе дорогу к власти, Михаил Сергеевич предложил ему открыто обсудить сложившуюся ситуацию на заседании Политбюро в моем присутствии. Динмухамед Ахмедович от такой «очной ставки» отказался.

Было бы непорядочно с моей стороны умолчать о той твердой и последовательной позиции, которую занял в этом вопросе Е. К. Лигачев. Как известно, раскритиковав в пух и прах эпоху застоя, мы умудрились, каждый на свой вкус, навесить ярлыки на всех деятелей этого периода, одних зачислив в «демократы», других — в «консерваторы». Но уж коль скоро мы начали строить демократическое правовое государство, то обязаны с уважением относиться к людям, отстаивающим свою позицию. Другое дело, воспримет эту позицию общество или нет. Уже одно то, что Егор Кузьмич не бросался в крайности и открыто высказывал и защищал свое понимание общественно-политических процессов, свои идейные убеждения, делает ему, на мой взгляд, честь. Между прочим, свидетелями любопытных вещей становимся мы иногда в наше время. Организовав не так давно настоящее гонение на Лигачева, нынче демократическая

печать не без удовольствия публикует его воспоминания.

Завершив это небольшое отступление, хочу еще раз подчеркнуть большое значение поддержки Е. К. Лигачевым нелегкой, бескомпромиссной борьбы за оздоровление обстановки в Казахстане. Он, в частности, полностью разделил мою позицию, когда я обратился в Центральный Комитет КПСС, лично к М. С. Горбачеву с изложением своего видения ситуации и настоятельной просьбой выслать в республику комиссию, чтобы разобраться в наших делах. Тогда это был мой вынужденный, крайний шаг в той обстановке, которую и сегодня я не могу охарактеризовать для себя иначе как кошмаром. В этом моем обращении также содержалась теперь уже моя просьба освободить меня от должности Предсовмина, так как в таких условиях работать дальше было невозможно.

Касаясь судеб известных рукозодителей времен минувших, Вы, наверное, хорошо знаете о том что многие из партийных деятелей, работавших в прошлые годы вместе с ними, как говорится, душа в душу, сейчас стали едва ли не самыми яростными критиками партии обличителями всех ее грехов, подлинных и мнимых Как Вы расцениваете этот феномен?

По-моему, не всякий отход от прежних убеждений следует расценивать как предательство. Ведь многие из нас находились в плену догматического понимания марксизма-ленинизма, слепо верили в некую «чистую» идею. Если заблуждение было искренним,

то разве не может быть искренним и прозрение? Мне кажется, что новое, творческое прочтение теоретического наследия Маркса — Ленина, очищение его от догматов сталинизма даст еще очень многое для понимания подлинной сути социализма. Мы уже размышляли о том, был ли у нас вообще социализм. Я склоняюсь к мнению тех экономистов-обществоведов, которые, например, считают, что в течение семи десятилетий мы жили при так называемой мобилизационной экономике. Давайте еще раз вернемся к нашему прошлому. одна мобилизация за другой. Мобилизовывали людей на гражданскую войну, на борьбу с разрухой, на стройки индустриализации. После Великой Отечественной войны — мобилизации на восстановление народного хозяйства, на освоение целины, наконец, на ударные комсомольские стройки (хотя последние назывались более красиво — общественным призывом молодежи). Я уж не говорю о постоянных текущих мобилизациях на выполнение и перевыполнение планов. По существу, в обществе был узаконен и, как ни странно, воспринят им принцип насилия над личностью. А все диктаторы настолько привыкли к своей власти, что уже не хотели выпускать людей из этого состояния.

Пока мы всех мобилизовывали, уповая на внешне красивые догмы и не вникая в обострившиеся экономические проблемы, весь мир ушел далеко вперед в решении задачи повышения благосостояния народа, улучшения его жизни. Была ли, если так можно сказать, социалистичность в наших экономических, производственных отношениях? Пусть над этим как следует подумают обществоведы. Я же считаю, что нам поможет ответить на этот вопрос то качественно новое состояние, к которому мы сейчас стремимся, пытаясь создать плюрализм в экономике, по-на-

стоящему демократичное и свободное общество. Поэтому полагаю, что сейчас нельзя оценивать людей по степени их преданности какой-либо идее. Другое дело, что мы хорошо знаем многих деятелей, привыкших менять свои взгляды в зависимости от времени, политической конъюнктуры, характера вождей, то и дело перескакивающих со стороны на сторону. Но думаю, все равно не стоит давать им оценок и вешать на кого-то ярлыки. Пусть это остается на их совести.

Почему же в последнее время участились случаи выхода из Коммунистической партии? Думаю, что многие люди порвали с КПСС, целиком отождествляя партию с господствующей в прошлом идеологией, с ее бюрократической верхушкой, отдельными, скомпрометировавшими себя перед народом личностями. Ее перестройка и демократизация непозволительно затянулись, отстали от изменившейся политической жизни. А ведь мы уже вошли в полосу конкуренции различных политических сил в условиях открытого общества. Полагаю, что в этой борьбе судьба КПСС целиком и полностью будет зависеть от того, сможет ли ее программа выразить интересы большинства населения, окажется ли она понятой, воспринятой трудящимися. Чтобы сохранить власть в новых условиях, уже нельзя уповать на шумную поддержку организованных райкомами праздничных шествий с транспарантами «Одобрям и поддерживаем». Придется бороться за голоса избирателей. Есть ли у партии сейчас верные ориентиры, позволяющие вести за собой людей? Думаю, что да. Во-первых, это приверженность интернационализму. Как бы ни пытались определенные политиканствующие круги делать ставки на национализм и сепаратизм, им все равно не удастся переломить стремление всех наций

и народностей нашей страны жить в дружбе и согласии. Во-вторых, это последовательная борьба за сохранение СССР, естественно, не в прежнем его виде, а как обновленного союза суверенных государств. Можно оставаться уверенными: никому не удастся вырвать из души нашего народа великое чувство принадлежности к единой Родине. И в-третьих, КПСС должна быть главным проводником коренных экономических реформ. Переход на рыночные отношения неизбежен. И все схоластические дискуссии о том, каким именно должен быть рынок, все ли формы собственности допустимы, чем отличается приватизация от разгосударствления, могут оказаться тем самым балластом, который завтра неизбежно и окончательно потянет нас ко дну.

Как, на Ваш взгляд, соотносится совмещение поста Президента и должности первого секретаря ЦК Компартии Казахстана с новыми демократическими принципами государственной власти?

Не первый раз мне задают этот вопрос. Я считаю, что подходить к этой проблеме следует с учетом особенностей каждого региона, республики. Думаю, что где-то такое совмещение сейчас нецелесообразно, а где-то воспринимается общественным сознанием как необходимость. Если говорить конкретно о Казахстане, то надо отметить, что авторитет Компартии здесь остается высоким, и она на сегодняшний день является самой крупной политической силой, играющей в нашей бурной общественной жизни большую консолидирующую роль. Конкретным подтверждением этому является тот факт, что в Советы народных депутатов всех уровней — от местных до

республиканского — в подавляющем большинстве избраны коммунисты. Вполне естественно поэтому, что они имели и право, и возможность выдвинуть на высшие в республике государственные должности членов партии. С другой стороны, разве политик, государственный деятель не должен опираться на реальную политическую силу?

У этого вопроса есть и еще один важный аспект. Традиционно сильного влияния партии, ее руководящих органов, как это было раньше, теперь уже нет. А в деятельности Советов все больше проявляется независимости. Но пока Советская власть еще твердо не стала на ноги, как, впрочем, и сама демократия (мы ведь не овладели даже культурой дискуссий), нельзя искусственно форсировать процесс разделения власти между Советами и партией, если, конечно, партийные органы привержены обновлению общества. Если бы мы пошли по этому пути, то неизбежно создали во многих регионах республики двоевластие, чреватое не только несогласованностью действий, но и серьезными конфронтациями. Подобных примеров в политической жизни страны мы наблюдаем немало. Вместе с тем во многих городах, районах, некоторых областях республики такое размежевание произошло. Нас это не пугает и никто этому не препятствует — ни ЦК Компартии, ни я как Президент. Мы видим, что в этих регионах вполне созрели предпосылки для того, чтобы процесс углубления демократизации проходил естественным, спокойным и законным путем. Так что мы ни в коем случае не пытаемся законсервировать устаревшие традиции, но в то же время не намереваемся действовать по принципу. «Лишь бы сломать»

И наконец, совмещение двух высших постов дает возможность более активно влиять на перестройку

Компартии, на процесс ее преобразования в действительно политическую партию. Мы решительно высвобождаем партийные аппараты из рутины хозяйственных дел и других не свойственных им функций, резко сократили их штаты во всех звеньях. Конечно, это не означает, что партийные комитеты вовсе не должны заниматься экономикой. Но их основной задачей должна стать не подмена хозяйственников, а выработка экономической политики, стратегии и тактики действий коммунистов.

Главный же критерий общественной целесообразности совмещения или разделения партийных и государственных постов я вижу в следующем. Если партийные органы и организации КПСС действуют в конституционных рамках, не подавляют других партий и способствуют нормальной политической конкуренции, цивилизованной борьбе за власть, то это только оздоравливает общество, консолидирует его для решения жизненно важных для каждого из нас проблем.

Нурсутан Абишевич, рыночные отношения предполагают ставку на предприимчивость, деловую инициативу, бизнес, будут формировать новый тип «деловых людей» Во главу угла ставится рубль Многие считают, что такой прагматизм приведет к «материализации» сознания к дальнейшей утрате духовных ценностей

Парадокс как раз в том и заключается, что мы все время считали себя убежденными материалистами. Разве в основе нашего мировоззрения не лежал постулат, что бытие определяет сознание? И мы при этом клеймили всевозможные идеалистические концепции буржуазного мира. На практике же «идеалисты» основательно занимались проблемами бытия,

а наши «материалисты» создавали одну утопическую концепцию за другой. Оторванный от жизни идеализм проник у нас не только во все поры общественных отношений, но и захлестнул экономику. Подменив принцип «каждому по труду» уравниловкой, мы лишили человека чувства хозяина, сделали ничейным общенародное достояние и на этой основе воспитали миллионы иждивенцев. Что же касается духовных ценностей, о которых так пекутся протестники рыночной экономики, то разве не мы их вырывали с корнями из самой толщи народной жизни, топтали собственными ногами, а то, что оставалось, отправляли за границу, потому что не могли свести концы с концами?

Пора бы нам самих себя поставить с головы на ноги и из такого нормального положения посмотреть, что же у нас происходило на самом деле. Тех же инициативных и предприимчивых людей мы или душили самым натуральным образом, или попросту отмахивались от них как от назойливых мух. В результате пошли прахом миллионы новшеств и изобретений, равных которым порой не было в мире. Но главное — калечились судьбы людей. Например, всей стране стала известна трагическая участь, постигшая новатора сельскохозяйственного производства И. Н. Худенко. Можно вспомнить хождения по мукам, вплоть до тюремного заключения, семипалатинца А. А. Княгинина, который создал целый комплекс кормопроизводства, позволяющий перевести овцеводство на индустриальную основу. Кстати, сейчас он избран народным депутатом Казахской ССР. В свою бытность Председателем Совмина республики мне пришлось принять участие в судьбе Н. Ф. Жалыбина и двух его сыновей — Николая и Олега, разработавших легкие конструкции для возведения кошар, теп-

лиц, хранилищ сельскохозяйственной продукции, мастерских. Причем если обычные кошары стоили 300 тысяч рублей, то жалыбинские — всего лишь 40 тысяч. Однако десятилетиями братья не могли пробиться сквозь бюрократические бастионы и пошатнуть несокрушимые устои нашей уродливой затратной экономики, для которой чем дороже, тем лучше. Сейчас жалыбинские конструкции получили распространение по всей республике. Но чего это стоило!

Говорят также, что народ не воспримет деления на богатых и бедных. Но что же тогда мы сможем предложить взамен — равенство в нищете? Ведь уже 60 миллионов человек живут за критической чертой бедности.

Что же касается духовной жизни нашего народа, то отметим прежде всего самое важное обстоятельство: впервые за семь десятилетий она освобождена от идеологического диктата, от произвола тоталитарного режима. Лишь в последние годы казахи, как и большинство других народов страны, получили возможность открыть для себя многогранное творческое наследие, созданное людьми, представлявшими цвет нации и безжалостно уничтоженными в тридцатые годы. Все это время произведения талантливейших писателей — Шакарима, который жил и творил вместе с великим Абаем, Аймаутова, Байтурсынова — находились под запретом как противоречащие принципам социалистического реализма в искусстве, проповедующие национализм, религиозность. Впрочем, набор подобных идеологических ярлыков всем хорошо известен.

Перестройка значительно обогатила сокровищницу нашей культуры. И в дальнейшем мы ни в коем случае не намереваемся отодвигать на второй план

проблему духовного возрождения народа, людей всех национальностей. Сейчас, например, нами активно поддерживается деятельность созданных в Казахстане национальных центров культуры — русской, немецкой, корейской и ряда других народов. Правительством республики выделено огромное новое здание под организацию единого многонационального культурного центра. К сожалению, на сегодняшний день многие важные вопросы в этой сфере приходится по-прежнему решать «на общественных началах» — бюджетных средств для этого не хватает. В какой-то мере можно будет опереться на республиканский фонд культуры, который сейчас создается. Но это тоже не поможет выйти из положения. Ведь надо создавать качественно новую материальную базу, финансировать строительство театров, музыкальных школ, творческих студий, библиотек, других объектов, которых сейчас катастрофически не хватает. Наша же старая экономика и в этом отношении показала свою полную несостоятельность — что такое культура на остаточном принципе, все мы хорошо представляем. Таким образом, как видите, снова мы уперлись в экономические проблемы. Вот и судите, что нас приводит к утрате духовных ценностей и можно ли жить по-старому.

Сила инерции

Наше противоречивое время породило один удивительно парадоксальный феномен. С одной стороны, для всех бесспорно благотворное воздействие идей перестройки на все сферы жизни общества. Можно без преувеличения сказать, что понимание необходимости и неизбежности радикальных перемен утвердилось в массовом сознании. Но, с другой стороны, налицо попытки объяснить глубокий политический и экономический кризис, постигнувший наше государство, той же самой перестройкой. Еще свежи в памяти времена, когда мы едва ли не до небес возносили «архитекторов перестройки». Сейчас же мы этих людей уже начинаем призывать к ответу, обвиняя их во всех просчетах и провалах.

Похоже, что свежий апрельский ветер не только оздоровил атмосферу в нашем доме, но и вызвал у его обитателей, подверженных сквознякам, новые недуги. Не хочу в очередной раз затрагивать проблему нашей общей социальной болезни, выражающейся в массовой предрасположенности бросаться из одной крайности в другую, в непонятной потребности низвергать своих вчерашних кумиров и спешно возводить на освободившиеся пьедесталы новых, чтобы завтра опять предать их участи предшественников. Но при этом нельзя не принимать во внимание и наличие причин, обостривших эту болезнь в последнее время. Условно я разделю бы их на две группы: объективные и субъективные.

Объективные причины были сокрыты в самом

характере нашего политического и социально-экономического развития до 1985 года. Вряд ли кто будет серьезно возражать против утверждения, что большинство наших бед было предопределено уже тогда, что были они практически неизбежны. Думаю, что не стоит всерьез принимать ностальгические воздыхания типа: «А вот раньше у нас все было!» Вспомним хотя бы, что и в 1985 и в 1986 годах на всех уровнях, со всех сторон звучали предостережения: страна находится в предкризисном состоянии. И все с этим соглашались. Однако избежать кризиса не удалось. Причем наряду с катастрофическим ухудшением дел в экономике возникли и совершенно непредвиденные явления. Кто из нас пять-шесть лет назад мог, например, предсказать столь глубокое обострение межнациональных отношений, поставившее под вопрос судьбу Союза?

У меня нет намерения брать на себя чрезмерную ответственность и предлагать читателю собственный анализ всех причин постигших нас неудач. Более того, считаю подобные претензии совершенно необоснованными уже потому, что по горячим следам истории можно безошибочно фиксировать только факты. Поиски же причинно-следственных связей событий и явлений в условиях кипящих политических страстей могут привести к очередным серьезным заблуждениям, от которых не застрахованы даже самые холодные головы. В то же время нельзя закрывать глаза на то, что природа многих фактов, тенденции, породившие их, очевидны уже сейчас.

Одно из серьезных противоречий, увенчавших процесс перестройки,— тяжелейший конфликт между союзными республиками и центром, выразившийся в «параде суверенитетов» и «войне законов». Можно, конечно, объяснить это тем, что центр недооценил

значение роста, я бы даже сказал, всплеска национального самосознания народов, которое со всех сторон стало эксплуатироваться различными политическими течениями и группировками. Что ж, такое понимание этого явления вполне правомерно. Кстате, это еще один серьезный исторический урок, предостерегающий всех нас от узкопрагматического мышления, настоятельно требующий от политических руководителей выхода на качественно новый уровень осмысления исторических процессов и перспектив развития. Сейчас на большие рассуждения наталкивает уже то, что отмечено многими учеными в качестве характерной черты нынешней эпохи мировой цивилизации: стремлению мирового сообщества к экономической интеграции и ослаблению межгосударственных барьеров сопутствуют неуклонное усиление чувства национального достоинства людей, возрождение культурно-исторических традиций наций. что нередко сопровождается и негативными явлениями сугубо националистического свойства.

Если же вернуться к нашим внутренним делам, то в основе возникновения межнационального кризиса можно найти, на мой взгляд, и причины более прозаического характера, но от этого не менее важные. Среди них я бы выделил огромную силу инерции старого мышления и прежних подходов, собственных административно-командным методам руководства. Именно эти рецидивы прошлого в самом начале перелома политической жизни Казахстана поставили республику на критическую грань, чреватую самыми тяжелыми последствиями. Они же в конце концов были отвергнуты самой логикой развития событий.

Сейчас, в разгар суровых, с признаками граждан-

ской войны, конфликтов, разгоревшихся на национальной почве, многие стали воспринимать декабрьские волнения 1986 года в Алма-Ате как рядовой эпизод в пестром калейдоскопе событий последних лет. В свое время, однако, об этом много говорилось и писалось. Но уже не все, наверное, помнят, что было принято специальное постановление ЦК КПСС, осудившее так называемый казахский национализм. Тем более мало кто знает, что это постановление спустя некоторое время по нашему настоянию было отменено как ошибочное. (Увы, эта ошибка не застраховала руководство партии и государства от последующих, ей подобных.)

...В начале декабря 1986 года я вернулся в Алма-Ату после поездки с Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым по нефтяным и газовым месторождениям Казахстана. Встретил нас Кунаев, который перед этим побывал в Москве, и сообщил, что он подал заявление об уходе на пенсию. Было не совсем понятно, почему это известие он преподнес нам чуть ли не с удовольствием, с каким-то торжествующим видом. Однако все сразу прояснилось, когда мы узнали о том, что Москва уже подобрала ему замену. То есть все опять продолжалось по-прежнему. Очевидно, по мнению центральных властей, республика оставалась их вотчиной, и можно было, не советуясь ни с кем, назначать и менять руководителей по собственному усмотрению, на свой вкус. При этом ЦК Компартии Казахстана даже не ставился в известность о том, кто предназначался на должность его первого руководителя.

Только 15 декабря, за день до назначенного организационного пленума, у трапа прилетевшего из Москвы самолета мы узнали, что на этот пост рекомендуется Г. В. Колбин, работавший тогда первым

секретарем Ульяновского обкома партии. Вместе с Колбиным прибыл секретарь ЦК КПСС Г. П. Разумовский, ведавший в ЦК кадровыми вопросами.

Скажу, что такой подход к важнейшей проблеме, по сути — к будущей судьбе Казахстана, просто ошеломил членов бюро ЦК Компартии республики. Все впали в такое загнипнотизированное состояние, что никому даже не пришла в голову естественная мысль о необходимости, хотя бы «ради протокола», обсудить предложенную кандидатуру на заседании бюро. Собственно говоря, и обсуждать было нечего — никто из нас его толком не знал. В такой же завороченной обстановке прошел и пленум ЦК Компартии, вся процедура которого заняла 18 минут. Все подняли руки, и первым секретарем ЦК стал Колбин. Вновь восторжествовал синдром бездумного послушания центру, синдром казарменной психологии: «Мы лишь солдаты партии». Никто не задумался о последствиях, а они не заставили себя ждать.

На следующий день на площади перед зданием ЦК стала собираться молодежь. Сначала пришло с транспарантами человек двести, но затем народа вокруг них становилось все больше. Мы были приглашены в кабинет к Г. В. Колбину, чтобы обсудить возникшую ситуацию. Членам Бюро ЦК, в том числе мне и Председателю Президиума Верховного Совета республики С. Мукашеву, было поручено пойти на площадь и поговорить с людьми. Никто не сожалел, что ушел со своего поста бывший «первый» республики. Нас встретили лозунгами: «Каждому народу — своего руководителя!», «Нам нужен руководитель — казах!», «Хватит диктовать!», «Идет перестройка, где демократия?», «Мы за ленинскую национальную политику!» Ничего другого, способного вызвать у здравомыслящего человека протест или возражение, не было.

Настроение массы людей было мирное. Нам задавали лишь один вопрос: почему не избрали местного человека? А мы на этот вопрос ничего вразумительного не могли ответить. Тогда демонстранты двинулись с транспарантами на улицы Алма-Аты...

У каждого человека бывают в жизни моменты, когда он внезапно оказывается перед проблемой серьезного выбора, заставляющего порывать с чем-то привычным и удобным, сулящего непредсказуемые сложности или испытания. Выбор этот чаще дает только одно преимущество — человек, не подстраиваясь под обстоятельства, вопреки им, остается самим собой. Когда собравшийся на площади народ устремился в город, я понял, что стою перед таким выбором: или я должен решиться на поступок, или спокойно вернуться в здание ЦК. Второе представилось мне непростительной изменой людям — они были правы! Я пошел с ними, в голове колонны.

Шествие по улицам города длилось часа три. Сделав большой круг, народ вернулся на площадь. После обеда приток людей усилился. Подходили студенты, рабочие, интеллигенция. На следующий день демонстрация повторилась. Чем это кончилось, хорошо известно — 18 декабря был организован ее разгон.

Не буду рассуждать о том, насколько эта мера была вынужденной и оправданной. Предпринимать что-то следовало, потому что напряженность возрастала, в толпы людей проникли хулиганствующие элементы, экстремисты. Но главный вопрос все же в другом: можно ли было все это предусмотреть, не делая опрометчивых шагов? — Безусловно. Однако такие шаги были допущены, и все оказались бессильны разрешить возникшее противоречие между властями и народом. Не спасло и то, что центр прислал «на подмогу» новому первому руководителю целую группу

своих видных представителей, включая заместителя председателя КГБ СССР, заместителей министров обороны и внутренних дел. Но какая могла быть польза, скажем, от того же Соломенцева, который в свое время уходил на повышение в Москву с поста второго секретаря ЦК Компартии Казахстана едва ли не со скандалом? Ведь никто не хотел выйти к людям и поговорить с ними откровенно. Точнее, никто просто не был способен этого сделать, потому что все умели общаться только с *организованным* народом, зачитывая с трибун заготовленные заранее тексты. Была даже попытка обратиться за помощью к Кунаеву, но и из этой затеи ничего не вышло. Его беседа с Колбиным закончилась тем, что стали выискивать зачинщиков беспорядков среди членов Бюро ЦК — Назарбаева, Камалиденова, Мукашева. В порыве бессильного гнева нам прямо в лицо бросались слова о том, что мы эту кашу заварили, а значит, мы ее должны и расхлебывать. Уже позднее мы узнали, что в это же время началась переброска к Алма-Ате крупных частей внутренних войск. Прибегнули, так сказать, к последнему аргументу.

Спустя некоторое время мы смогли разобраться в характере возникших волнений уже более спокойно. На XVII съезде Компартии Казахстана и в выступлениях, и в принятых официальных документах подчеркивалось, что декабрьские события не являлись выражением национального противостояния, не были направлены против русского народа или людей какой-либо другой национальности. Те, кто хотел непременно увидеть в этом именно такую окраску, выдвигали единственный довод — Колбин был русским. Такой аргумент был явно несостоятелен. Например, когда с площади передавались в ЦК требования рассмотреть новые кандидатуры на пост пер-

вого секретаря, назывались фамилии Демиденко, Морозова и других товарищей, не являвшихся казахами, но хорошо знавших Казахстан, его экономику, традиции и особенности жизненного уклада. По-человечески можно понять и более категоричные требования обязательно избрать первым руководителем казаха. Ведь сейчас, например, из добрых двух десятков руководителей, стоявших в республике, что называется, у руля, я только третий казах. Народ просто устал от заезжих варягов-временщиков, от тех, кто всегда глядел на него свысока, будь то Голощекин, Мирзоян, Беляев, Пономарев или Брежнев. Позже я с удивлением узнал о таком факте. Когда М. С. Горбачев поинтересовался у Д. А. Кунаева, кого можно предложить на должность первого секретаря ЦК, тот ответил, что нужно пригласить кого-нибудь со стороны, так как среди местных руководящих кадров достойных нет. Не могу понять — неужели личная обида или даже злость могла оказаться выше интересов собственного народа?

Поскольку среди стихийно выдвигаемых демонстрантами кандидатов на первую руководящую должность называлась и моя фамилия, меня и многих других членов Бюро ЦК попросту устранили от разрешения конфликта. Все связанные с ним вопросы рассматривались у Колбина в кабинете узкой группой прибывших из Москвы. После скрытной подготовки к разгону и его осуществления начала проводиться в жизнь целая серия так называемых мероприятий ЦК КПСС по оздоровлению межнациональных отношений в Казахстане. Нелепость большинства из них была очевидна. Десятилетиями в республике жили и трудились бок о бок люди ста различных национальностей. За пятьдесят лет собственной жизни я никогда и нигде — ни на заводе, ни на улице, ни в магазине,

ни в гостях — не слышал, чтобы кто-то предвзято выяснял национальность другого человека. Никогда в республике национальные мотивы не были причиной осложнения отношений между ними.

Но, как говорится, если нет прецедента, всегда можно его создать. Я далек от стремления найти здесь какое-то злоумышленное начало. Но, к сожалению, центральное руководство опять подвели недальновидность, желание все делать по-своему, в том числе и регулировать межнациональные отношения. Повсеместно, от областных центров до аулов, стали создаваться комиссии межнациональных отношений, причем выделялись для них и специальные штаты. Ну а если за какую-то работу получаешь зарплату, то надо что-то делать. И вот двинулись члены этих комиссий «в народ», стали заниматься устными расспросами и письменными опросами, выяснять, кто и чем притесняет немца, украинца, уйгура, поляка, белоруса. Подрались двое молодых людей на танцах из-за девушки и чрезмерной дозы спиртного — надо обязательно выяснить, какой они национальности. Вот таким образом стали искусственно создавать проблемы на ровном месте, где их и в помине не было. Если называть вещи своими именами, мы попросту начали провоцировать новые конфликты и едва не взорвали собственными руками исторически сложившиеся, крепнувшие долгие годы теплые, дружеские отношения между всеми народами многонационального Казахстана.

Хоть и по-прежнему нет у меня желания вторгаться в деликатную сферу личных взаимоотношений и высказывать свое отношение к тем или иным людям, но нельзя обойти молчанием ту роль, которую сыграл в Казахстане Г. В. Колбин. Ясно, что в том конфликте, которым ознаменовалось начало деятель-

ности Геннадия Васильевича на посту первого секретаря ЦК Компартии республики, его вины нет. Здесь скорее присутствует беда, а может быть, и трагедия большого руководителя, выросшего на старой закваске, воспитанного в условиях господства командно-административной системы. Не смог он отказаться от прежних методов работы, не сумел в нужный момент уловить резко изменившийся характер самого времени. Мне кажется, что и центр, сделав довольно своеобразные выводы из декабрьских событий 1986 года, волей-неволей подталкивал его к политике жесткого администрирования и единоначалия.

Ну а при таком стиле работы главным средством руководства становится совещание. Недели не проходило без сборов областных руководителей различных рангов и направлений — секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов, начальников управлений, хозяйственников. Постоянные накачки и давление сверху приводили к возникновению ничем не обоснованных прожектов, а они, в свою очередь, оформлялись в различные решения и программы, носившие чаще лозунговый характер. Так, были выдвинуты задачи решить в Казахстане все жилищные вопросы за пять лет, снять в кратчайшие сроки продовольственную проблему. Порой и до смешного доходило. Например, методы осуществления продовольственной программы включали в себя отстрел диких птиц и животных. От всех руководителей, не владевших казахским языком, потребовали немедленно его выучить. В подтверждение серьезности такого требования сам Колбин пообещал на очередном пленуме ЦК сделать доклад на казахском языке. Ну, и естественно, развернулась непримиримая борьба с пьянством, стали создаваться зоны

трезвости. В результате, как известно, появились проблемы наркомании и токсикомании, не говоря о том, что в ход пошли одеколоны, зубная паста, гуталин.

Критически оценивая подобные методы руководства, отнюдь не хочу уходить в сторону, на позицию беспристрастного свидетеля: я, мол, тут ни при чем. Нет, это не так. Многое и мной воспринималось тогда как должное и необходимое. Понадобилось немало времени, пришлось пройти через собственные ошибки и заблуждения, чтобы до конца убедиться в полной несостоятельности и порочности практики администрирования. Но в тот период и я, и мои товарищи из руководящего состава республики всеми силами старались поддержать Г. В. Колбина, помочь ему, предостеречь от неверных решений. И уж тем более даже в мыслях не было создать, скажем, что-то вроде оппозиции новому первому секретарю, несмотря на его многие очевидные просчеты, — слишком тяжелые времена пережили мы накануне. Были им восприняты и многие мои советы по серьезным и принципиальным вопросам, позволившие, по нашему общему с ним мнению, выйти из глубоких тупиков. Состоялось у нас с ним на эту тему и несколько больших разговоров начистоту.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в течение 1987 года Колбин неоднократно предлагал руководству ЦК КПСС и Совмина СССР переместить меня в Москву на другую работу. Что ж, остается только сожалеть об этом. Видно, недоверие к окружающим людям — тоже одно из наследий командно-административной системы, тех времен, когда каждый руководитель был вынужден заботиться главным образом о собственной неуязвимости. К этому подталкивала атмосфера подозрительности и скрытности,

особенно характерная для аппаратов высшего звена. Попробуй объясни и докажи людям, воспитанным в такой обстановке, что тебя заботят не карьера и личное благополучие, а другие, более высокие цели и интересы.

В том же году настиг меня и еще один удар, посланный мне вдогонку Кунаевым. На июньском Пленуме ЦК КПСС выводили его из состава Центрального Комитета и Политбюро. И в своем последнем слове Динмухамед Ахмедович счел необходимым обвинить меня во всех грехах, заявив, что декабрьские события в Алма-Ате — дело рук Назарбаева и других лиц, рвавшихся к власти. Правда, М. С. Горбачев прервал его и пристыдил. Но — слово сказано. И подействовало оно на меня так, что не помогло на этот раз и мое довольно крепкое здоровье — прямо с Пленума меня отправили в больницу...

Не будет большим откровением сказать, что в последние годы слово «перестройка» претерпело значительную девальвацию. И дело не только в том, что затаскали мы это слово в речах, печати, средствах массовой информации, употребляя его по поводу и без повода, что не оправдались пока связанные с ним надежды на лучшую жизнь. Главная причина, по моему, заключается в том, что общество так и не пришло к единому мнению, какой же смысл следует вкладывать в это понятие.

Когда впервые открыто было сказано, что дальше так жить нельзя, все с этим согласились, потому что каждый понимал: действительно, так дальше жить нельзя. Когда был провозглашен курс на демократизацию и гласность, его также все поддержали, потому что в прежней затхлой атмосфере дышать становилось все труднее. Поначалу многим даже

показалось, что достаточно добиться полной свободы слова и волеизъявления, как жизнь и экономика наладятся сами собой. Но вскоре выяснилось, что демократизация и гласность — это не столько цель перестройки, сколько ее важное средство, которым надо еще научиться пользоваться. Замешательство возникло, когда вплотную подошли к основам экономического и государственного устройства. Никто толком не знал, с чего надо начинать, что следует сломать и отбросить за ненадобностью, а что сохранить, построить заново. Суждения становились все более противоречивыми, страстными и непримиримыми. В разгоревшейся полемике уже трудно было разобрать, кто искренне пытается найти верные пути, а кто, воспользовавшись разыгравшейся политической стихией, ищет удовлетворения своему тщеславию и амбициям. Но как бы там ни было, из шумной и нестройной разноголосицы постепенно возник и выделился большой хор, который стал требовать для начала расчистить все до основания и устранить с пути главную помеху преобразованиям — КПСС. На мой взгляд, именно полное и окончательное размежевание оппозиционных сил с КПСС и начало открытой борьбы за власть отодвинули на задний план решение насущных социальных проблем и усилили в результате хаос в экономике, анархию в государственных структурах.

Я далек от мысли обвинить в начавшемся процессе распада государства и экономики так называемые деструктивные силы. Нам следовало бы уже давно признать, что в демократическом обществе, которое мы провозгласили своей целью, политическая борьба — неизбежная реальность. И упрекать здесь, кроме самих себя, некого. Первой заявив о необходимости решительных перемен, партия не смогла

предложить обществу цельной и конструктивной программы перестройки. Однако нельзя было больше надеяться на то, что в новых условиях остальная часть общества будет по-прежнему стоять в стороне и наблюдать, что из этого получится. Надо откровенно вспомнить, как еще в начале перестройки в самой партии высказывались серьезные опасения, что отсутствие продуманной стратегии может иметь непредсказуемые последствия. Но, с одной стороны, мы продолжали наблюдать в руководстве КПСС все те же рецидивы времен застоя — веру в собственную непогрешимость, болезненную реакцию на критику и предостережения. С другой стороны, ничего серьезного и не могло быть предложено, потому что настоящий мозговой центр в КПСС отсутствовал. Крупнейшие научно-учебные учреждения партии с огромными штатами продолжали обслуживать мелкие аппаратные интересы и, вцепившись в вековые догмы, безнадежно отставали от современной научной и общественной мысли.

Давайте попробуем хоть ненадолго отставить в сторону наши идейные и политические разногласия и постараемся проследить ход экономических реформ в перестроечные годы. К сожалению, экономические программы и труды ведущих отечественных специалистов-рыночников в основном состояли из идей, заимствованных на Западе. Но ведь еще в 1987-м и даже в 1988 году о переходе на рыночные отношения практически никто и не заикался. И лишь после серии неудачных экспериментов по методу проб и ошибок, спотыканий и разочарований мы стали говорить о том, что существует только один верный путь, проверенный мировой практикой, — рыночная экономика. Как ни крути, этот вывод пока и пред-

ставляет «вершину» современной отечественной экономической науки.

А ведь поначалу казалось, что предпринимались вроде бы правильные шаги. В 1987 году были разработаны серьезные меры, направленные на ускорение научно-технического прогресса, включавшие стимулирование внедрения в производство передовых новшеств и сокращения циклов замены устаревшего оборудования, основных фондов. Была сделана верная попытка поднять на новый качественный уровень нашу ведущую отрасль — машиностроение. Нашли отсутствующую точку опоры в сельскохозяйственном производстве — взялись за решение проблемы хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, выделили на эти цели 77 миллиардов рублей.

Но главное — в конце концов мы все же осознали необходимость поворота экономики лицом к человеку, уяснили, что людям нужны не миллионы тонн стали, нефти, угля, а жилье, питание, одежда, детские сады. Ведь когда во всем мире на потребление направлялось 70—80 процентов национального дохода и лишь остальное шло на накопление, у нас все происходило наоборот, было вывернуто наизнанку. И продолжалось строительство новых гигантских предприятий тяжелой индустрии, вколачивание народных средств в фундаменты, железобетонные корпуса, металлоконструкции. При этом надо было прийти к невиданному, пожалуй, во всей мировой цивилизации парадоксу, когда объем незавершенного строительства достиг объема ежегодных капиталовложений на новое, чтобы понять, куда пропадали десятки миллиардов наших нефтедолларов, все то, что производил советский народ.

Разобрались наконец, что милитаризация нашей

экономики давно превзошла всякие разумные пределы. Львиная доля национального дохода шла на оборонные отрасли, которые заглатывали не только огромные материальные средства, но поглощали интеллектуальный потенциал страны, лучшие умы, высококвалифицированных инженеров и рабочих.

Верилось, что после этого дела пойдут на поправку. Обнадеживали и темпы развития экономики, наметившиеся в 1986—1988 годах. Но... методы подхода к решению проблем, сверхцентрализованного управления экономикой изменений почти не претерпевали. И опять возникла перед нами до боли знакомая картина: планировали, брались за дело, потом бросали его, хватались за новое, и так до бесконечности. Впрочем, о бесконечности говорить больше не приходилось. Теперь уже и руководство партии, и правительство хорошо понимали, что время жестко лимитировано. Отсюда — судорожные попытки остановить надвигающийся кризис любыми средствами. Экономика вступила в полосу проваливавшихся один за другим экспериментов: введение госприемки, госзаказа, создание искусственных моделей хозрасчета, предполагавших якобы последовательный переход предприятий к самостоятельности. Крайне неуклюжей оказалась попытка возродить кооперативный сектор экономики. И дело не только в том, что идея кооперативного движения была извращена и скомпрометирована. Был нанесен очередной, один из самых чувствительных ударов по структуре сложившихся экономических связей и денежному обращению, экономический разбой захлестнул государственный сектор. Позднее выяснилось, что и конверсия — дело отнюдь не простое, требующее значительных капиталовложений.

Стремительный рост дефицита государственного бюджета вынудил окончательно отказаться от реализации приоритетных экономических программ. В экономике воцарился хаос. В этих условиях идея рынка восторжествовала окончательно. Но это, повторюсь, был не плод теоретических изысканий, а последний шанс на спасение. Подлинные итоги «творчества» наших экономистов отразились в тех плачевных результатах, которые окончательно и бесповоротно привели к этой идее.

Во избежание возможных недоразумений сразу хочу сказать, что сама по себе идея рынка никогда не противоречила моим взглядам и убеждениям. Весь вопрос для меня всегда заключался в одном: существует ли путь логического и последовательного перевода нашего огромного и разбалансированного хозяйственного механизма на рельсы современных прогрессивных методов управления экономикой, без потрясений и тяжелых испытаний, которые неизбежно ложатся на плечи народа? Вряд ли целесообразно обосновывать свой утвердительный ответ на этот вопрос сейчас, когда уже встала другая задача — как выбраться из пропасти. Но если мы и вовсе не будем делать выводов, значит, подвергнем себя опасности потащить и в будущее тяжелую цепь ошибок.

Нельзя закрывать глаза на то, что скомпрометировавшие себя идеи живучи. Мало того, делаются время от времени попытки реанимировать то, что уже отвергнуто практикой. В связи с этим следовало бы остановиться на так называемой демократизации общественного производства. Хорошо помню, как в 1987 году на обсуждение июньского Пленума ЦК КПСС правительством во главе с Н. И. Рыжковым был внесен пакет документов по экономическим проблемам. В одном из них — в проекте Закона

о предприятии — предусматривалась выборность директоров. К чему это привело впоследствии на практике? Руководители предприятий стали заискивать перед своими подчиненными, закрывать глаза на нарушения трудовой дисциплины, действовать в угоду той или иной влиятельной группе. Подчиняясь сиюминутным интересам, давлению группового эгоизма, многие руководители были вынуждены всеми правдами и неправдами изыскивать возможности для необоснованного повышения заработной платы, отодвигая на задний план вопросы роста производительности труда, качества продукции, обновления основных фондов, социального развития.

Видимо, кому-то показалось, что мало было у нас в трудовых коллективах общественных организации — сочли необходимым создать еще советы трудовых коллективов. В результате на многих предприятиях возникло чуть ли не двоевластие. Опираясь на популистский лозунг, что каждый рабочий должен участвовать в управлении своим заводом или своей фабрикой, в решение сложных экономических и управленческих проблем вторглась воинствующая некомпетентность.

Вульгарно понимаемая и трактуемая демократизация экономики стала разъедать основы нормальной жизнедеятельности производства, дестабилизировать производственные отношения. Вот здесь мы почему-то отвернулись от опыта западной, всей мировой экономики. А он однозначно свидетельствует: демократия в сфере материального производства — это рынок. Все остальное подчинено в ней жесткой, неукоснительной дисциплине, которая начинается на каждом рабочем месте, охватывает и связывает все звенья производственного процесса, всю экономическую структуру, включая межотраслевые и внеш-

неэкономические отношения. Я думаю, уже только одно отношение большинства наших предприятий к выполнению обязательств по поставкам в условиях подлинного рынка привело бы их к полному банкротству в очень короткое время.

В то же время, создав основательные предпосылки дестабилизации производства снизу, центральные органы власти и управления не собирались отказываться от своего собственного диктата в сфере экономики, от мелочной опеки республик, регионов и отдельных предприятий. Вновь командно-административные амбиции возобладали над государственными интересами и сыграли свою, скажу без преувеличения, пагубную роль. Нашим руководящим деятелям центра казалось, что если они предоставят свободу предприятиям, экономическую самостоятельность республикам, то потеряют всякую власть. Все принципиальные, жизненно важные для страны проблемы уперлись в один вопрос — вопрос о власти, а точнее, в то, что под ней понимается. Очевидно, что до сих пор многие люди понятие «власть» стараются связывать не с реальными результатами руководства, а в первую очередь с таким процессом его осуществления, при котором главенствующую роль приобретают команда, указание, распоряжение, наличие персональной машины, просторного кабинета с приемной, спецсвязи и прочей престижной атрибутики.

Стремление сохранить все в прежнем виде, несмотря на назревшую объективную потребность в раскрепощении экономики, разрушение внутри- и межотраслевых связей, усилило сопротивление союзных республик. Более того, оно привело к осложнению взаимоотношений между отдельными республиками, дополнило причины межнациональных кон-

фликтов. Стали возникать вопросы, кто кому должен и кто за чей счет живет. Подобные недоразумения и счеты стали следствием узурпации центром системы распределения и перераспределения средств и фондов, анонимного товарообмена внутри страны. Все, что производили республики, поступало в монопольное распоряжение центра. Кому и сколько направлялось дальше — никто не знал. Например, лишь недавно Казахстану с большим трудом удалось установить, кому же в конце концов достается его хлеб, сдаваемый государству. Оказалось, идет он во все союзные республики. Как выяснилось, так же обстояло дело с цветными металлами, с жизненно важными для всех сырьевыми и другими поставками. Спрашивается, справедлив ли в таком случае упрек что Казахстан вывозит сейчас только 17 процентов готовой продукции, а ввозит 40 процентов?

Таким образом, центр собственными руками способствовал созданию экономических предпосылок так называемого парада суверенитетов. И было бы непростительным заблуждением видеть в этом явлении лишь политиканство и сепаратистские настроения. Другой вопрос, какие силы и в чьих интересах эксплуатируют идею суверенитета в отдельных, конкретных республиках.

В свою очередь, стремление республик обособиться и замкнуться в собственных квартирах нанесло удар по горизонтальным экономическим связям, прежде всего по поставкам, вызвало паралич у огромного количества предприятий. Однако логика элементарного здравомыслия быстро привела к пониманию, что образование замкнутых экономических пространств делу не поможет. Оказалось, что даже самая плохая экономика не терпит хирургического вмешательства — нельзя ее резать по живому, нужны

иные методы лечения. Поэтому вслед за принятием республиками деклараций о суверенитете возникла закономерная необходимость установления прямых экономических связей между ними.

Предпринятые в этом направлении шаги ознаменовали, на мой взгляд, явление действительно судьбоносного характера. Продиктованы они были самой жизнью. И сама жизнь, весь ход развития событий подтвердили в то же время, что без сохранения целостности нашего государства нельзя всерьез говорить о нормальном самостоятельном развитии республик и народов. Несмотря на всю сложность и неоднозначность начавшегося процесса сближения, предпосылки реального обновления Союза стали создаваться именно снизу. В наших руках появился наконец тот кончик нити, с помощью которого можно начинать распутывать сложный клубок политических, национальных и экономических противоречий. Однако рано говорить о том, что мы уже обрели под ногами верный и твердый путь. Пока каждый выбирается на него, полагаясь в основном только на себя, собственными, иногда слишком извилистыми тропинками.

В этих условиях, претендуя на роль поводыря, центр, к сожалению, и сам далеко не всегда лучшим образом ориентируется в обстановке. Центральные органы власти утратили самое важное — стратегическую инициативу. На протяжении последних лет мы не раз были свидетелями, как принимались вроде бы верные и правильные решения, делались точные оценки тем или иным событиям, но все это уже происходило вдогонку, так сказать, в порядке констатации свершившегося. Причем некоторые опоздания измерялись месяцами и целыми годами. Например, дав на XIX Всесоюзной партконференции справедливую

характеристику перекосам в национальной политике, руководство партии и государства не смогло принять своевременных мер, способных предотвратить опасное развитие националистических и сепаратистских движений. Признав (опять-таки уже под давлением обстоятельств) неправомочность шестой статьи Конституции СССР, партия не смогла удержать политическую инициативу в процессе демократизации общества. Оказавшись в бурном море политических страстей, под шквалом справедливой критики и беззащитных провокационных нападок, КПСС вынуждена была занять оборонительную позицию. Обещание радикальных перемен «в рамках социалистического выбора», обеспечившее на первых порах симпатии и поддержку подавляющего большинства населения, очень скоро стало вызывать вполне обоснованные сомнения. По сути, ничего не было противопоставлено тотальной критике прошлого, всей практике социалистического строительства. Никто так и не смог объяснить народу, что, в конце концов, означает выбор социалистического пути в новых условиях, что следует понимать под самой идеей социализма. Давно сумевшие ловко приспособиться к политической конъюнктуре ученые-обществоведы, те самые, кто еще вчера вбивали в массовое сознание веру в непогрешимость самой передовой революционной теории, в поисках новых состоятельных работодателей принялись так же дружно охаивать и высмеивать те же идеи, которые, кстати, обеспечивали им безбедное существование в минувшие годы.

И все же наиболее драматичную роль в падении престижа и авторитета КПСС, государственного руководства сыграло провозглашение и осуществление передачи партией власти Советам. Естественно, сама эта идея не вызывает у меня ни тени сомнения.

Однако к тому времени стихийное развитие процесса демократизации настолько опередило реформы экономического и государственного устройства, что делало неизбежным возникновение конфликта с разрушительными последствиями. Так и произошло. Как здесь не вспомнить известное изречение о том, что история всегда повторяется в виде фарса. В данном случае я имею в виду вернувшийся к нам через семь десятилетий лозунг «Советы без большевиков», который Ленин в свое время не случайно назвал абсурдным. Лишив партийные органы всех звеньев реального участия в решении государственных и экономических проблем, мы сразу же разрушили основной стержень Советской власти. Хотим мы это признавать или нет, но в партийных аппаратах были сосредоточены лучшие и наиболее компетентные кадры, владевшие проблемами экономики и политики, обладавшие колоссальным опытом и навыками управленческой деятельности, глубоко понимавшие разницу между теоретическими, пусть даже самыми гениальными, моделями и прозаическими реалиями практики. Кроме того, из-под Советов была выбита одна из главных опор их конструктивной деятельности — партийная дисциплина. В стране утвердилось безвластие. Функции центральных органов власти, как, впрочем, и местных, во многом стали носить символический характер. Вспомним призыв бить бюрократов сверху и снизу, умело направленный против всех без разбору руководящих кадров. Или лозунг: «Разрешено все, что не запрещено законом», который привел к полному беззаконию. Разве все это не подтверждает что никакой стратегии перестройки у ее инициаторов не было, хотя и утверждается обратное?

Все эти процессы в той или иной степени были

свойственны и Казахстану, отражались в различных сферах его жизни. Конечно, когда-нибудь ученые — историки, политологи, философы — сумеют дать более фундаментальное обоснование всему, что нам довелось и еще предстоит пережить. Я же позволяю себе высказывать собственные суждения постольку, поскольку, как говорится, по роду службы все эти годы приходилось постоянно находиться в самой гуще событий, анализировать и сопоставлять их, делать выводы, принимать решения. При этом возьму на себя ответственность заявить, что многие трудные процессы, которые переживала страна, в нашей республике проходили все же менее болезненно. По-моему, многим послужили уроком события декабря 1986 года. Во-первых, для высшего эшелона руководства страны стало ясно, что неосторожное вмешательство по любому поводу может только обострить те или иные проблемы. Во-вторых, люди прошли через горький опыт митинговых страстей и в какой-то мере осознали, что стихийные выступления — не лучшее средство решения вопросов. А кроме этого, как мне кажется, народ почувствовал, что в руководстве республики сложилось здоровое ядро, искренне озабоченное его интересами, судьбой Казахстана.

И вот здесь следует заметить, что последнее нравилось явно не всем. Продолжал срабатывать синдром командно-административной системы, которой во что бы то ни стало надо было обнаружить среди руководящих работников республики врагов, националистов, карьеристов. Исполдволь проводилась политика стравливания кадров, в которой проглядывался старый, как мир, девиз: «Разделяй и властвуй». Приходит на память состоявшийся в январе 1988 года пленум ЦК Компартии Казахстана, когда под предло-

гом усиления критики и самокритики были предприняты попытки натравить руководителей друг на друга, искусственно внести раскол в их взаимоотношения и в их без того нелегкую работу.

В мае 1989 года первый Съезд народных депутатов СССР утвердил Г. В. Колбина председателем Комитета народного контроля. Стал вопрос об избрании первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Здесь также было видно, что прежний опыт даром не прошел. На этот раз выяснили мнения всех народных депутатов СССР от Казахстана, областных руководителей, выслушали точки зрения представителей интеллигенции республики. Прямо на улицах проводили опрос простых людей. Лишь после этого собрали Пленум ЦК, которому предложили для избрания мою кандидатуру. Впервые выборы осуществлялись тайным голосованием. Так в июне 1989 года я стал первым секретарем ЦК Компартии республики. Мне кажется, что именно на этом пленуме произошла консолидация кадров республиканской парторганизации. Получил я поддержку и тех, кого натравливали на меня еще год назад. Глубокую мою благодарность вызывает то, что в условиях полной свободы выбора эта поддержка была искренней.

Возглавить республиканскую парторганизацию пришлось уже в совершенно иных условиях ее работы. Постоянно возникавшие новые проблемы отягощались грузом прежних просчетов. Но не было ни желания, ни времени задаваться вопросом: «Кто виноват?» Да и некому его было адресовать. Предстояло решать, что делать.

Можно сделать вывод, что Вы не очень высокого мнения об отечественной экономической науке и о тех известных экономических концепциях, которые столь бурно обсуждались в нашей стране. Не означает ли это, что мы и впредь будем вынуждены решать важнейшие экономические проблемы по наитию, эмпирическим путем? И поскольку Вы все же связываете вполне определенные надежды с той же программой Шаталина — Явлинского, возникает вопрос: нет ли противоречий в Вашей позиции?

Идти дальше в экономике путем постановки тех или иных экспериментов больше нельзя. Мы уже говорили о том, что слишком много было шараханий из стороны в сторону в попытках остановить приближающийся кризис. А в результате мы его только подстегивали своими непродуманными шагами, увеличивали потенциал его силы и последствий. Сейчас необходимо иметь и научно обоснованную стратегию действий, и прогноз развития ситуации. Надо сказать, что, несмотря на сумбур, продолжающийся в головах многих наших политиков и экономистов, хаос в экономике, основа для такого продуманного подхода все же выкристаллизовывается. Я имею в виду осознание не только специалистами, но и обществом в целом неизбежности перехода к рынку. Действительно, еще в 1988 году большинство экономистов — по крайней мере, тех, кто влиял на официальную политику и формировал ее, — отрицало возможность перехода страны на рыночные отношения. Но когда стал очевиден критический характер дальнейшего развития событий и мы стали искать пути предотвращения катастрофического развала экономики, выяснилось, что старые методы не годятся даже для частичной стабилизации обстановки.

Вот в этих условиях и возникла программа Шаталина — Явлинского, к которой в целом я, кстати, отношусь довольно критически, а к отдельным ее положениям — просто скептически. Немыслимо расписывать едва ли не по дням и по часам реформу огромного, сложнейшего и к тому же полностью разбалансированного экономического механизма страны с трехсотмиллионным населением. Но в этой программе меня привлекает ее стабилизационная часть, направленная на улучшение денежного оборота и нормализацию производственных отношений. Хотя в ней действительно почти все заимствовано из мировой практики, но она содержит и элементы, учитывающие наши конкретные условия и психологию общества. Вот почему я ее и поддержал. Потом, как известно, начались споры и противостояния, поиски компромиссов. Большую роль сыграли опасения, что многие меры население не воспримет. Но на поворотных моментах вряд ли следует рассчитывать на стопроцентную поддержку общества. В результате всего этого появились на свет Основные направления перехода на рыночные отношения. Вот и получился симбиоз, который диктовался больше политическими соображениями, нежели насущными интересами экономики. Жаль! Но наивно полагать, что программа «500 дней» потерпела поражение лишь в результате политической борьбы. То же правительство России, официально заявив о ее принятии, одновременно и похоронило ее своими собственными руками. Но на этом я еще остановлюсь несколько ниже.

Одна из главных причин того, что мы до сих пор не имеем должного обоснования нашим экономическим преобразованиям — отсутствие у правительства страны серьезного мозгового центра, который мог бы разрабатывать программы развития с учетом и

теоретических достижений, и нашей практики. Помоему, это просто необъяснимый парадокс. Во всем мире в этих целях действуют специальные институты, вырабатывающие перспективы на год, пятилетие и более длительные периоды. Без их рекомендаций ни одно уважающее себя правительство и шагу не сделает. В нашем же сознании, на мой взгляд, засела закоренелая порочная традиция, согласно которой любой человек, занявший высокую должность, вправе полагаться только на собственный интеллект и считать себя непогрешимым. Еще одна беда заключается в том, что хотя у нас и есть неплохие теоретики, но сами они никогда не жили и не работали при рыночных отношениях. Теория — это одно, но вот практику, механизм осуществления перевода экономики на новые рельсы в кабинетных условиях не постигнешь. Поэтому мы и пригласили сейчас в состав экспертной группы своего Высшего экономического совета таких известных в мире специалистов, как американский экономист и бизнесмен Чан Ян Бэнг, декан Калифорнийского университета Леонхубуд.

Выходит, мы подтверждаем нашу неспособность навести порядок в своем доме собственными силами?

Я не вижу ничего предосудительного в том, что в Казахстане появились «совслужащие» из числа западных специалистов. Никогда не считалось зазорным поучиться полезному у других, если у самих не все получается. Кстати, есть одна деталь: зарплату они согласились получать в советских рублях. О каких-то конечных результатах, естественно, еще рано говорить, но пользу от такого сотрудничества мы уже

ощущаем. С помощью экспертной группы уже осуществлен ряд практических шагов по подготовке к частичной приватизации предприятий промышленности и торговли, разработке нормативных документов, заключению внешнеэкономических соглашений, созданию прогрессивных управленческих структур. Разработана программа подготовки наших собственных кадров, предусматривающая привлечение к преподаванию западных ученых, прохождение практики в иностранных компаниях и фирмах. Мы, в свою очередь, стремимся, чтобы приглашенные специалисты как можно глубже вникли в реальность нашей жизни. Они уже основательно поехали по различным областям Казахстана, изучили работу многих предприятий и учреждений. Сейчас у нас начало складываться взаимное понимание, что полностью переносить на нашу экономику то, что есть у них, нельзя. Основной вопрос, который мы сейчас решаем,— провести приватизацию таким образом, чтобы владельцами собственности стали сами трудящиеся, а не толстосумы с биографиями и деньгами сомнительного свойства. Вскоре в Казахстане будет вынесен на всенародное обсуждение проект республиканского Закона о приватизации экономики, который планируется принять на очередной сессии нашего Верховного Совета. Это позволит нам вступить в качественно новый этап на пути осуществления коренных экономических реформ.

Когда за ошибки платят другие

Не очень верю я тем политикам, в речах и выступлениях которых часто мелькает слово «народ». Говорить от имени народа вошло в привычку не только известных лидеров, но и общественных деятелей местных масштабов, на мнение народа постоянно ссылаются депутаты союзного и республиканских парламентов, районных Советов, записные ораторы различных политических движений. Похоже, однако, что про народ многие все же чаще вспоминают тогда, когда не остается веских аргументов в спорах и перепалках. Вот и начинают оппоненты пускать в ход наиболее, как им кажется, убийственные доводы: народ не поймет, народ не простит, народ хочет того, народ не желает этого... Ну а если какая-то сторона не добивается перевеса даже с помощью такого, десятилетиями испытанного приема, она часто прибегает к последнему грозному предостережению: «Народ нас рассудит!»

Может, конечно, это и неплохо, когда наши политики хоть в какой-то мере понимают свою ответственность и им небезразлично, что о них будут думать люди. Но все же сдается мне, многих из них не очень волнует, как действительно их завтра рассудят, потому что знают они великодушные своего народа, его умение прощать и забывать большие и малые грехи. Может, кто и не согласится с моим наблюдением, но даже в разгар кампании по изобличению тайных и явных виновников наших прошлых бед не слышал я, чтобы среди простых людей раздавались требования покая-

ний или, тем паче. призывы отправить кого-нибудь на виселицу.

Ни для кого не секрет, что и мнение народа по многим, даже самым жизненно важным для него вопросам часто бывает противоречивым. Да и сформировать его порой не так уж трудно — с помощью тех же популистских лозунгов, недобросовестных журналистов и обозревателей средств массовой информации. Каждый, независимо от своих политических пристрастий, может на этот счет привести немало примеров. Пожалуй, и к истории лишней раз не мешает обратиться. Вспомним хотя бы печально знаменитые процессы тридцатых годов, когда народ спровоцировали к выискиванию его «врагов», и как всенародным одобрением сопровождалась самые несправедливые и чудовищные приговоры. Бывает, к сожалению, что и большинство оказывается далеко от истины. Бывает, что и так называемое мнение большинства создается искусственно — при помощи недобросовестных социологических исследований, опросов и даже референдумов. Для этого достаточно только вопрос грамотно поставить — и нужный ответ обеспечен.

Впрочем, рассуждать на эту тему можно долго. И как бы мы ни пытались соотнести публичные высказывания и практические действия того или иного политического лидера с истинными интересами народа, все равно вынуждены будем признать, что главный судья ему — его собственная совесть. И уже в меру своей совести он или всегда помнит, или забывает о том, что за его ошибки и просчеты расплачиваются в первую очередь другие, нередко — миллионы людей. Чаще всего именно на народ тяжким бременем ложатся результаты скоропалительных решений, политических и экономических

экспериментов, хитроумных междуособных игр, затеваемых всевозможными политиканами.

Когда я задаюсь вопросом: «Чего же хочет наш народ?» — я с уверенностью могу пока ответить на него лишь одно: народ ждет, когда же наступит улучшение его жизни. И он уже не желает ждать светлого будущего. Тем более если ему обещают, что путь к этому, теперь уже качественно иному, будущему пролегает через очередные испытания. На мой взгляд, нет ничего более безответственного, чем популярный среди ряда известных экономистов лозунг: «Чтобы жить лучше, надо выжить». Заявлять такое могут только люди, с одной стороны, убежденные, что в силу своего социального положения уж они-то наверняка выживут, а с другой — не способные понять, что значит, когда у человека нет хлеба, чтобы накормить своих голодных детей, нет средств, чтобы их обууть и одеть, нет собственного угла.

Важно также учесть, что народ хочет жить лучше не через несколько лет, а уже сегодня, завтра, на следующей неделе. Если мы не будем обеспечивать хоть малейших, но постоянных сдвигов в лучшую сторону, грош цена всем нашим преобразованиям. Потому что мы уже сегодня имеем миллионы людей, живущих за чертой бедности, голодающих, и не сегодня завтра перед нами может оказаться целая армия людей, потерявших работу.

Вот почему, когда я подтверждаю свою приверженность экономическим реформам, я глубоко убежден, что мы обязаны осуществить цивилизованный переход к цивилизованному рынку, избежать примитивной и бесчеловечной рыночной стихии, разгула экономического разбоя новоявленных нуворишей.

Когда необходимость поворота к рынку стала диктоваться самой жизнью, многие высказывали опа-

сения: народ нас не поймет, народ психологически к этому не готов. Такие опасения не беспочвенны. Только не могу я согласиться с утверждением, что якобы наш народ исторически привержен к уравниловке и не приемлет имущественного неравенства. Думаю, главное заключается все же в том, что народом нашим неприемлемы прежде всего нечестные люди, наживающиеся несправедливыми путями. А народное сознание выражается скорее в поговорке: «По труду и честь».

Скажем откровенно, предубеждение, которое сложилось в обществе по отношению к толстосумам, нажившимся в последнее время за счет теневой экономики, черного рынка, махинаций и спекуляций, вполне обоснованно. Отсюда же и опасения людей, что эти дельцы придут к ним завтра и выкупят их предприятия, заставят всех работать по найму. И вряд ли существует система убедительных обратных доказательств. Поэтому основной путь приватизации только один — выкупать или брать предприятие в аренду имеют преимущественное право только те коллективы, которые на них работают. Полностью поэтому согласен с позицией IV Съезда народных депутатов СССР, решившего, что надо часть основных фондов и собственности предприятий передать коллективам безвозмездно, предоставить им возможность выкупить остальную часть за счет средств, имеющихся у предприятий, а также право пользования фондами материального стимулирования для приобретения акций. Только по своему усмотрению коллективы могут продавать свободную часть акций другим лицам, в том числе для привлечения валюты и иностранным гражданам. Если осуществлять такой подход путем разъяснения целей и возможностей приватизации, категорически исклю-

чая любые административно-принудительные методы. Мы сможем значительно продвинуться вперед в проведении неотложных экономических реформ.

Хотел бы подчеркнуть, что необходимость приватизации обусловлена и тем, что нашей экономике нужна открытость, без которой в современном мире немислимо международное экономическое сотрудничество. Уже первый опыт личного моего общения и деловых контактов с бизнесменами из США, Канады, Кореи и других стран убедил меня, что они готовы заключать и осуществлять совместные долговременные программы только при наличии у нас идентичных экономических структур. И дело отнюдь не в том, что кто-то, как мы обычно раньше говорили, пытается нам диктовать свои условия и указывать, что делать. Проблема заключается во взаимной заинтересованности. Какой прок западному предпринимателю от советского руководителя предприятия или чиновника учреждения, которому совершенно безразличны результаты сделки, потому что он как сидел на окладе, так на нем и останется? Мало что получит от этого и коллектив предприятия, разве что моральное удовлетворение от того, что государство будет иметь валютный доход. Но удовлетворение такого рода уже давно и закономерно переросло в раздражение, потому что ту же валюту мы научились надежно закапывать в фундаменты гигантов индустрии.

Вступив на путь радикальных экономических реформ, мы должны обеспечить на деле условия равноправного сосуществования разных форм собственности. Только жизнь способна подтвердить преимущество тех или иных из них. И, во всяком случае, это понимает любой здравомыслящий экономист, нет угрозы того, что, по крайней мере, в обоз-

римом будущем все основные фонды, вся собственность могут перейти в частные руки.

Это, конечно, ни в коей мере не означает, что государство должно занять позицию невмешательства. Но оно должно выполнить в первую очередь регулирующую роль, обеспечить в экономике действительно здоровый плюрализм. Всем, например, хорошо известно, к чему привели несовершенство законодательства и системы налогообложения, отсутствие механизма контроля за доходами в кооперативном движении. Однако замечу, для нас, в Казахстане, это все же не стало поводом сворачивать или тормозить перспективное и нужное для развития экономики дело. Сейчас в пятнадцати тысячах кооперативов республики трудится 220 тысяч человек. Начав практически с нуля, к концу 1990 года они выпустили продукцию на 2,2 миллиарда рублей.

Еще раз повторю прописную истину, что реформирование экономики требует взвешенного подхода. Уж слишком много у нас горячих голов, призывающих бросаться из одной крайности в другую. К примеру, ряд экономистов, считающих себя специалистами по сельскому хозяйству, провозгласили настоящий «крестовый поход» против совхозов и колхозов. Мне кажется, здесь уже сама постановка проблемы выворачивается наизнанку. Если ставить вопрос, с чем следует бороться в сельскохозяйственном производстве, то начинать надо с преодоления многочисленных препонов, мешающих нормальной деятельности и традиционных форм хозяйствования на земле и развитию нового, прежде всего фермерства. Можем ли мы сегодня говорить, что колхозы себя не оправдали, если на них изначально было наброшено административное ярмо, душившее любую инициативу сельских тружеников? Ведь едва ли не до последнего вре-

мени хозяйства получали не только директивы, что и сколько производить, но и жесткие указания, где, в какие сроки и как сеять, косить, убирать. Необходимо вернуть колхозам их первоначальную сущность, дать раскрыться заложенной в их основе идее подлинной кооперации, которая впоследствии оказалась задавленной и извращенной администрированием. Сейчас в Казахстане создано около тысячи фермерских хозяйств, и я убежден, что за ними тоже большое будущее. Но опять-таки нас стараются увести в сторону бесплодными дебатами о том, хотят или не хотят крестьяне брать землю. А ведь вопрос в другом — надо на деле предоставить им эту возможность, создать условия для того, чтобы они могли подняться на ноги.

Главное — дать сельскому труженику почувствовать себя настоящим хозяином на земле. В этом нас убедили результаты последних 3—4 лет. Кажется, ведь ничего не стоило просто разрешить крестьянам держать столько скота, сколько он сможет. И вот за это короткое время содержание крупного рогатого скота на личном подворье увеличилось на 500 тысяч голов, количество овец и коз — почти на 2 миллиона. Если в 1985 году Казахстан закупал у населения мяса не более 30—40 тысяч тонн, то в текущем году эта цифра, по нашим предположениям, составит примерно 130 тысяч тонн. Это уже сейчас позволило организовать на всей территории республики сеть комиссионных магазинов, создать одну из хороших предпосылок решения продовольственной проблемы. К сожалению, чувствительный урон делу нанесло принятое в сентябре 1990 года правительством РСФСР одностороннее решение о повышении закупочных цен на мясо. Это вынудило и союзное правительство предпринять такой же шаг, поскольку все соседствующие

с Россией республики оказались в невыгодном положении, стали терять скот. В результате на дефицит государственного бюджета были навешены еще десятки миллиардов рублей внутригосударственного долга. Кстати, именно с этого времени стала невозможной для осуществления программа «500 дней», потому что сразу же развалилась наиболее приемлемая ее часть — стабилизационная. Ну а потребитель столкнулся с неизбежным в этих условиях повышением комиссионных и рыночных цен на мясо.

Раскрепощение инициативы создало основу повышения производительности труда и в совхозно-колхозном секторе Казахстана. За последние пять лет среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции увеличился у нас на 17 процентов, в том числе производство зерна — на 22, мяса — на 27, молока — на 19 процентов. Эти результаты и дают мне основание утверждать, что мы не только обаяны, но и можем, хоть и постепенно, но неуклонно улучшать показатели работы, от которой напрямую зависит благополучие людей.

Мы смогли реально повернуть капиталовложения на удовлетворение человеческих потребностей. Например, в 1990 году уже 86 процентов всех средств национального дохода было направлено на социальное развитие. Это почти на 15 процентов выше среднегодового показателя предшествующей пятилетки. В результате удалось сдвинуться с мертвой точки и в других сферах экономики. Был, например, досрочно завершён пятилетний план по жилищному строительству, и республика по показателю обеспеченности людей жильем поднялась с 10-го места в Союзе на 2-е. Увеличилось строительство школ, детских садов, поликлиник. В два раза возрос объем бытовых услуг, в 1,9 раза — производство товаров народного потребления.

Однако, говоря об этом, я, конечно, не забываю, что полки магазинов остаются полупустыми, а очереди на жилье практически не уменьшаются. Здесь, с одной стороны, невольно задумываешься, какой глубочайший провал был у нас, если эти неплохие в общем-то показатели мало ощущаются людьми. С другой стороны, на усиление дефицита промышленных и продовольственных товаров повлияли серьезные просчеты, допущенные в последнее время. Непродуманное и несогласованное заявление союзного правительства о повышении розничных цен, сделанное в середине 1990 года, привело к ажиотажному спросу, который стал выметать из магазинов подчистую все, что только можно. И тенденция запасаться впрок, подогреваемая другими ошибочными шагами, разгулом спекуляции и грубыми нарушениями в торговле, за несколько месяцев прочно укоренилась в сознании людей. Кроме того, нельзя забывать, что произошел значительный рост денежных доходов населения. В то же время этот рост сопровождался и перераспределением доходов, в результате чего малоимущие слои населения оказались у критической черты.

Последнее обстоятельство сейчас особенно остро ставит перед нами проблему социальной защиты населения с низким уровнем доходов. Без ее решения нельзя рассчитывать на сохранение доверия государству, центральным и республиканским властям со стороны людей. Не обеспечив приемлемые условия жизни для всех и лишившись народного доверия, мы неизбежно поставим страну на грань новой катастрофы. И совершенно несерьезно полагаться на движение благотворительных организаций или спорадическую гуманитарную помощь извне — нельзя унижать и людей, которых мы заранее зачисляем в

разряд нищих, нельзя терять и собственное достоинство. Убежден, что страна нуждается в принятии общегосударственной программы защиты населения в условиях перехода к рынку. Необходимо гарантировать людям достойный минимум потребления промышленных товаров и продовольствия, четко определить обязательства государства по обеспечению их жильем, медицинским и другими видами социального обслуживания. Это в первую очередь должно касаться пенсионеров, детей, инвалидов, многодетных семей, матерей-одиночек и других незащищенных социальных групп.

Защитные меры, в том числе и распределение дефицитных товаров повседневного спроса, — явление вынужденное. Но и эти меры окажутся малоэффективными, если не будут сопровождаться шагами, преследующими стабилизацию денежного обращения. Можно согласиться с тем, что частичная денежная реформа, осуществленная в начале 1991 года, была необходима. Но нельзя и в дальнейшем полагаться лишь на паллиативные средства лечения серьезного заболевания финансовой системы, тем более идти по пути конфискации наличных средств, имеющихся у населения. В республиканской программе перехода к рынку, принятой Верховным Советом Казахстана, предусмотрено развитие процесса приватизации в социальной сфере. По нашему мнению, важным фактором оздоровления денежного обращения может стать стимулирование индивидуального жилищного строительства в сочетании с передачей жилья (за номинальную стоимость) в личную собственность. Чрезвычайно с этим уже только за 1990 год мы выделили населению более 80 тысяч садово-дачных участков. Однако, чтобы в полной мере развернуть индивидуальное и дачное строительство, предстоит

разрешить проблему острого дефицита строительных материалов. Очевидно, придется пойти на издержки в других отраслях экономики, на привлечение в этих целях ресурсов, выделяемых на крупное капитальное строительство. Таким же путем предполагается изыскать дополнительные средства на выделение кредитов желающим строить жилье индивидуальным способом.

Я уже касался причин, по которым слово «перестройка» в нашем обществе претерпело существенную инфляцию. Есть и другая характерная особенность: в последнее время на смену ему приходит другое понятие — «стабилизация». Но я думаю, что стабилизация политической и экономической жизни ни в коем случае не должна отождествляться с новым приступом стагнации, с торможением политики преобразований. Ее задача — предотвратить дальнейший развал системы государственной власти, экономики, навести в нашем обществе элементарный порядок. При всех имевших место издержках чрезмерной централизации, о чем уже приходилось упоминать, нельзя не понимать, что бездумное разрушение вертикальных структур управления поставило под вопрос само существование единого союзного государства. Первым и вполне обоснованным шагом, направленным на укрепление пошатнувшейся структуры государственной власти, стало введение в стране поста Президента, а затем и образование Кабинета министров. Эта же тенденция была воспринята и республиками.

Думаю, что возникновение президентского управления в республиках явилось отнюдь не механическим копированием того, что делалось в центре. Все мы помним, как на первых порах перестройки многим представлялось, что едва ли не

главным условием демократизации государства должно стать полное разделение законодательной и исполнительной власти. Однако образовавшийся в результате провал между ними немало способствовал тому, чтобы принятые законы оставались лишь на бумаге. Были окончательно потеряны рычаги управления.

24 марта 1990 года на сессии Верховного Совета Казахской республики тайным голосованием меня избрали первым Президентом республики. Избрание происходило в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию Казахской ССР. Совершенно не согласен с существующим мнением, что установление в республиках президентских постов связано с усилением центробежных течений, ослабляет центральную власть в государстве. Во-первых, без нормальной власти в республиках нельзя говорить об укреплении дисциплины в рамках всего государства. А во-вторых, диалектику обновления и дальнейшего развития Союза ССР я понимаю только таким образом: сильные республики — сильный центр. Другой вопрос — разделение полномочий между центром и республиками. В последнее время очень часто возникают разногласия по поводу того, какие законы носят главенствующий характер на территории республики — союзные или республиканские. Такая постановка вопроса неверна в принципе, хотя связана она с реальными противоречиями между республиками и центром, которые обнаружились в ходе перестройки. Я считаю, что в этих противоречиях естественным образом отражается диалектика нашего развития. Опасность же заключается в другом — в возникновении на этой основе непримиримой «войны законов», вспыхнувшей не без участия сепаратистских сил.

Но, по моему мнению, выход найден. Заключив

союзный договор, республики сами определяют, какие полномочия они делегируют центру. А они в любом случае будут немалыми, если учесть, что в рамках Союза сохранится прежде всего единое экономическое пространство. Уже только это потребует централизации единой финансовой системы, регулирования базовых отраслей промышленности, координации внешнеэкономических связей и многого другого, без чего немислима слаженность союзного хозяйственного механизма. Не снимается в обозримом будущем и проблема обороноспособности страны, которая также должна находиться в ведении центра. Такое разделение полномочий и определит границы действия и главенствования союзных и республиканских законов.

Несколько месяцев назад в интервью корреспонденту «Правды» мне довелось подробно обосновать, что у Казахстана есть видение своего пути развития. Материал, помнится, поместили в газете именно под таким, довольно броским названием: «Есть свой путь». Но сразу же хочу подчеркнуть, что в этом утверждении не содержится претензий на обособленность или на оригинальность. Выбор нашего пути связан с исторически сложившимися традициями и особенностями, спецификой экономики, уникальностью национального состава населения, географическим положением Казахстана.

Когда в 1989 году в Алма-Ате состоялась встреча руководителей среднеазиатских республик, некоторые восприняли это настороженно: не затеваются ли здесь какие-нибудь сепаратные игры? Однако мы с этой встречей связывали совершенно другие цели и надежды. В столицу Казахстана наших соседей привели в первую очередь озабоченность кризисными явлениями в экономике, стремление совмест-

ными усилиями предотвратить дальнейший развал экономических связей, естественное желание выстоять и выжить в усиливавшемся хаосе. Все более широкий характер начинали принимать срывы поставок, предопределившие неизбежный спад в экономике. Например, в Казахстане из-за недопоставок другими республиками сырья реальная угроза нависла над перерабатывающими отраслями. Положение дел усугублялось прекращением импортных поставок сырья для легкой промышленности. Нужно было искать выход.

Совместное соглашение, достигнутое в Алма-Ате между пятью братскими республиками, дало толчок последующему установлению на договорной основе горизонтальных экономических связей с Белоруссией, Украиной, Россией. И если преследовали мы какую-то политическую цель на алма-атинской встрече, то заключалась она в одном — народы этого огромного региона, столетиями соседствующие друг с другом, объединенные одной исторической судьбой, должны жить в мире и покое.

Выше мне уже приходилось характеризовать экономические особенности нашей республики. Ее исключительно сырьевое предназначение привело к тому, что жизненный уровень населения Казахстана оказался по многим показателям ниже, чем в среднем по стране. Я уже говорил, что мы вошли в перестройку, занимая 10-е место по жилью. По продовольственному обеспечению республика находилась на 5—6-м месте, а по снабжению товарами народного потребления — на 8-м. При огромных объемах добывающей промышленности доля перерабатывающих отраслей и машиностроения в структуре экономики республики оказалась в два раза ниже общесоюзного показателя. За пределы республики до сих пор фактически полностью вывозятся на переработку

добываемые в ней 142 миллиона тонн угля, 26 миллионов тонн нефти, 8—9 миллиардов кубометров газа, а также 70 процентов сырой шерсти и 72 процента хлопка-сырца.

И даже при этом значительные сырьевые ресурсы остаются неиспользованными, лежат нетронутыми. Например, в недрах Западного Казахстана имеются огромные запасы нефти и газа, а мы ума не можем приложить, что с ними делать, потому что нет капиталовложений, нет современных технологий и оборудования, позволяющих поставить эти огромные богатства на службу народу. В то же время мы видим, что в других республиках хорошо развиты и технология, и машиностроение. Но, действуя вразнобой, все ринулись на Запад, забывая, что можно соединить собственные усилия путем создания тех же совместных межреспубликанских предприятий. Такой путь предусмотрен в наших экономических соглашениях с другими республиками.

Наша стратегическая задача — выходить на зарубежный рынок с готовыми товарами. Но, чтобы взять хороший старт, уже сейчас необходимо шире привлекать западный капитал, новейшие иностранные технологии и оборудование и с их помощью развернуть на новом качественном уровне освоение наших богатейших недр, добываясь на этой основе создания конкурентоспособной продукции. Хотим мы этого или не хотим, чтобы жить и действовать, на первых порах придется продавать сырьевые, вторичные ресурсы. Многие сейчас упирается в создание благоприятных, без искусственных ограничений, условий для нормального притока западных инвестиций. При этом мы, безусловно, обязаны оградить нашу экономику от того урона, который способны нанести ей собственные дельцы с замашка-

ми компрадорской буржуазии, готовые ради личного обогащения торговать и национальными интересами. Однако дело не сдвинется, если наши западные партнеры не будут видеть для себя прямой выгоды, необходимых гарантий. В соответствии с республиканской программой перехода к рынку нами приняты Законы о свободных экономических зонах, свободном предпринимательстве. В то же время созданы новые структуры, позволяющие регулировать процессы перевода экономики в рыночные условия: Комитет по государственной собственности, Антимонопольный комитет, Контрактный комитет и другие образования.

К сожалению, когда мы говорим о рынке, все вроде бы понимают, что надо делать, но имеют при этом весьма смутное представление, как это можно осуществить. Информацию о рынке мы черпаем пока только из книг, статей да рассказов. За годы перестройки упущено уже много времени, за которое можно было бы выучить собственные кадры, направив их на подготовку за границу. Вспомним хотя бы индустриализацию тридцатых годов, когда тысячи наших инженеров проходили обучение на предприятиях Запада. Многие из них стали блестящими организаторами производства, взять того же И. А. Лихачева, министров металлургии, машиностроения, руководителей других ведущих отраслей. Наряду с этим и в страну было привлечено огромное число западных специалистов. Этот исторический опыт и подсказал нам идею приглашения в Казахстан известных иностранных экономистов, руководителей компаний, которые работают сейчас в составе экспертной группы Высшего экономического совета при Президенте республики.

Трудно сегодня переоценить те возможности, кото-

рые открывает перед республикой разумная и взвешенная конверсия оборонных отраслей промышленности. Уже только одно упоминание о Байконуре и Семипалатинске у многих ассоциируется со сложными и противоречивыми проблемами, характерными, пожалуй, для всей нашей жизни. С одной стороны, эти названия символизируют действительно великие свершения человеческой мысли, выдающиеся результаты героического труда миллионов советских людей, высшие ступени научно-технического прогресса. Вселяют они и вполне обоснованную веру в неисчерпаемость собственных интеллектуальных ресурсов, в творческие резервы нашего народа. Но с другой стороны, мы вновь сталкиваемся с яркими примерами того, как «высшие интересы» расходятся у нас с самыми элементарными человеческими заботами и нуждами. Достаточно сказать, что на протяжении четырех десятилетий миллиарды рублей вкладывались в развитие космического комплекса, но при этом никто и пальцем не пошевелил, чтобы хоть чем-то облегчить участь населения той же Кзыл-Ординской области, бедствующего от аральской проблемы. Ну а об экологических последствиях ядерных испытаний вслух говорить вообще не полагалось.

По инициативе общественности, руководства республики родилась и осуществляется идея совместного сотрудничества с научно-производственными объединениями космического комплекса. На основе многосторонних усилий мы подошли, на мой взгляд, к очень интересным решениям. В специально разработанной программе предусмотрено использование космической техники в исследовании недр республики, в создании новых видов телефонной связи, телевизионной трансляции. Намечены конкретные меры по переводу части мощностей научно-производствен-

ных объединений комплекса на выпуск оборудования для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции. Предполагается вплотную увязать и с возможностями, и с потребностями Казахстана работу создающегося здесь института космических исследований. В Байконуре и ряде областных центров будут созданы космические школы, которые для многих ребят станут важной ступенью на пути в мир знаний, науки и техники.

Я не ставлю своей целью дать какой-то целостный обзор задач, стоящих перед Казахстаном на нынешнем, переходном этапе его развития или, тем более раскрыть весь комплекс средств, используемых для их решения. Затрагивая лишь отдельные, узловые проблемы сегодняшнего дня, хотелось бы прежде всего показать наличие реальных перспектив выхода из кризисных явлений в экономике, возможность ощутимых сдвигов в лучшую сторону, способных вернуть людям уверенность в завтрашнем дне. Но для этого необходимо направить всю энергию нашего общества в созидательное русло. В последнее время вошло в моду заявлять о так называемых кредитах и лимитах доверия, которые якобы отпущены тем или иным политическим лидерам, новым партиям, общественным движениям. Если такие кредиты и были кому-то предоставлены, то предназначались они отнюдь не для того, чтобы раскручивать очередные витки политической борьбы, превращая ее в самоцель. Людям, облеченным народным доверием и не утратившим поддержки тех или иных слоев населения, пора бы отказаться от развешивания ярлыков, нагнетания страстей и призывов к размежеванию по политическим признакам. Давно настало время взглянуть в лицо действительности: народ устал от бесплодных политических дебатов, и не следует испы-

тивать его терпение, подменяя поиск выхода из трудностей бесконечным выискиванием неудобных среди правых или левых, демократов или консерваторов. История свидетельствует: это мы уже проходили. И заплатили за урок слишком дорогой ценой, чтобы начинать все сначала.

Общество накалено. И сейчас просто преступно бросать в него горящие спички в виде новых призывов «к решительным действиям», выходящим за рамки конституционных, парламентских методов разрешения споров и противоречий. Мне кажется, что чаще всего за громкими заявлениями и призывами кроется обыкновенная неспособность предложить конкретную конструктивную и созидательную программу действий, направленную на выход из кризиса, на улучшение жизни населения. Тем более, как оказывается, еще труднее такую программу осуществить, потому что практическая созидательная работа — это кропотливый повседневный труд, не терпящий самолюбования, буйных манифестаций, экстравагантных выступлений и рукоплесканий, без чего, как складывается впечатление, многие политические деятели уже не мыслят для себя дальнейшей жизни.

Нам нужна консолидация общества. И это не пустой призыв. Мощным объединяющим началом служат наши общие цели: выход из кризиса, благополучие людей, расцвет республик, обновление и укрепление нашего великого Союза. Искусственные преграды на этом пути способен строить только тот, кто преследует в политической борьбе лишь собственные, корыстные интересы. Боюсь, конечно, переоценить позитивный характер процессов, происходящих в Казахстане, но, на мой взгляд, такое ответственное понимание общих проблем свойственно подавляюще-

му большинству возникших в республике в ходе демократизации общественной жизни новых политических партий и движений. Их сейчас в республике насчитывается около ста, и с руководителями многих из них приходилось и приходится общаться, чтобы выявить общие позиции, устранить противоречия непринципиального характера, выработать согласованные действия по решению задач, жизненно важных для всех казахстанцев. В таком здоровом сотрудничестве, как я полагаю, заложена важная предпосылка сохранения в Казахстане стабильной политической обстановки, нормальной жизнедеятельности государственных структур, производственной дисциплины на предприятиях, что и дает сейчас возможность добиваться позитивных изменений в экономике.

Деловой и конструктивный диалог между различными политическими силами республики позволил в корне пресечь возможность спекуляций на национальной почве. Наша приверженность не только на словах, но прежде всего на деле политике интернационализма, консолидирующей все слои общества, поддерживается, скажу без преувеличения, абсолютным большинством населения, представляющим более ста национальностей. Одна из особенностей Казахстана заключается в том, что это единственная республика, в которой коренное население хотя и представляет самую большую группу, но не является большинством. Налицо результат трагической истории казахского народа, в полной мере испытавшего на себе гнет тоталитарного режима, пагубное воздействие имперских амбиций былых вождей. Но, когда начавшаяся перестройка позволила наконец поставить вопрос о возрождении национальной культуры, традиций, истории казахов, мы прекрасно осознали

и другое — не менее ущемленными оказались права и достоинство всех других народов, проживающих на территории республики.

Нельзя, конечно, сказать, что в подходах ко всем национальным проблемам царило полное единодушие. Вызывал острые споры тот же вопрос о языке. Язык коренного населения не использовался в государственных учреждениях, стал бытовым, «кухонным». Почти тридцать процентов казахов или вообще не говорили на нем, или владели им очень слабо. Дед уже не мог разговаривать на родном языке со своим внуком. А это значило, что молодое поколение теряло свои корни, обрывалась преемственность духовных традиций, гибли истоки полнокровной культуры народа. И все же в вопросе о языке восторжествовал здравый смысл и взвешенный подход. Нам удалось избежать того национального отчуждения, которое возникло на этой почве в ряде других республик. Сессией Верховного Совета Казахстана был принят демократичный закон, учитывающий интересы людей всех национальностей, проживающих в республике. Он предусматривал меры по улучшению изучения своего родного языка каждым народом, исключал любые ущемления по языковому принципу.

Интересы всех народов, проживающих в республике, учитывает и Декларация о суверенитете Казахстана. Ее принятию предшествовали широкое обсуждение важнейших национальных проблем в различных слоях общества, скрупулезный анализ всех высказанных в ходе него замечаний и предложений. Руководствуясь принятым в международных правовых отношениях приоритетом человека, Декларация провозгласила полное равенство всех наций и народов республики, всех людей, независимо от их национальной принадлежности, политических убеждений, религиозных взглядов.

Дружба народов, проживающих в республике,— это действительно уникальное достояние Казахстана. Десятилетия совместной жизни, наполненной нелегкими испытаниями, позволили всем казахстанцам выстрадать одну главную истину. Людям разных национальностей делить между собой нечего. При этом каждый народ, независимо от его численности или этнических особенностей, велик, потому что за спиной любого народа всегда стоит великая история и великая культура, обогащающие всех людей, всю человеческую цивилизацию. Именно от такого понимания исходит чувство подлинного национального достоинства, здоровой национальной гордости. Есть и еще одно важное обстоятельство, накладывающее отпечаток на сознание людей, проживающих в республике,— издавна Казахстан был особенно тесно связан с жизнью всей страны. Речь здесь идет не только об исторически сложившихся прочных экономических связях. Судьбы нескольких поколений его жителей складывались таким образом, что для многих Казахстан становился вторым родным домом. В свою очередь, полтора миллиона казахов обосновались за пределами родной республики. Поэтому я бы сказал, что Казахстан связан со всей страной глубокими человеческими корнями. Вот почему так сильна приверженность всех казахстанцев нашей единой великой Родине, так глубоко их чувство озабоченности за ее будущее, за судьбу Союза.

И когда мы говорим о том, что у Казахстана есть свой путь преодоления трудностей, свой путь развития, мы прежде всего имеем в виду вполне конкретные методы решения тех или иных экономических и социальных задач, связанные со специфическими особенностями, свойственными только нашей республике. Нет здесь попыток отгородиться от кого-то, обособиться от животрепещущих проблем союзного масштаба. Да и сама жизнь не позволит нам «уйти в себя» — слишком прочно мы связаны друг с другом.

О том, что на этот счет существуют противоречивые мнения мне известно. Не хочу еще раз повторять те мотивации, которыми мы руководствовались, когда вводили в республике институт президентского управления. Думаю, что год, прошедший после этого, уже подтвердил оправданность такого шага. Во-первых, без этого было бы невозможно проводить в жизнь принципы, содержащиеся в Декларации о суверенитете республики. Речь идет о том, что в лице Президента суверенное государство получило защиту от диктата и вмешательства в его внутренние дела сохраняющих силу звеньев командно-административной системы. Во-вторых, прямо скажем, что пока не подписан Союзный договор, трудно даже говорить, на какой стадии сейчас находится государственное устройство Союза. Нового единого обновленного государства еще нет, а старые его принципы уже никого не устраивают. В этот переходный период республике нужны четкость и определенность. Такое настроение свойственно, пожалуй подавляющему большинству населения Казахстана, и думаю, в целом наши действия получают у него поддержку и признание. И в-третьих, сейчас, когда дорог каждый день, когда перед нами постоянно встают проблемы, требующие неотложного решения, нельзя каждый шаг обсуждать парламентским путем.

Мы видим, как в нескончаемых дебатах можно потопить на долгое время вопросы, требующие оперативных решений

Убежден, что опасения по поводу возможных противоречий между президентами республик и Президентом страны во многом надуманны. Эти противоречия устраняются четким разграничением полномочий между республиками и центром, о чем мы уже говорили. С другой стороны существует и будет сохраняться общее экономическое пространство. Наша экономика интегрирована, а в перспективе будет интегрироваться еще больше. Президентство в республиках может только способствовать благоприятному развитию этого процесса.

И последний, не менее важный вопрос. Он связан с ростом национального самосознания народов нашей страны, которое десятилетиями подавлялось. Институты президентского управления в республиках в наибольшей мере отвечают здоровому чувству национальной гордости людей и одновременно являются важнейшим стабилизирующим фактором в области межнациональных отношений.

Убежден, что, когда будет принят Сюзный договор урегулируются вопросы взаимодействия союзных и республиканских законов, когда наконец страна начнет жить по-нормальному, все встанет на свои места и все противоречия сами по себе отпадут. Помогите, пока нас вводит в заблуждение инерция старого мышления, которая на руку тем, кому так не хочется потерять хотя бы частичку бывшей власти, граничившей с обычным производом.

Думаю, что лидеры целого ряда иностранных государств, во-первых, интересуются не только мной, а во-вторых, не столько мной, сколько сложными процессами, происходящими в нашей стране. Если говорить о главном моем выводе, сделанном в результате многочисленных общений на международном уровне, то он сводится к следующему: все хотят видеть у нас единое государство, государство демократическое, идущее в экономике тем путем, по которому движется весь цивилизованный мир.

Замечу, что и во время своих поездок за границу, и на международных встречах в Союзе никаких амбициозных устремлений я не испытываю. Главное для меня — оправдать доверие населения Казахстана, найти пути взаимовыгодного сотрудничества, чтобы добиться улучшения жизни людей путем эффективного перевода нашей экономики на рыночные отношения. Пытаюсь при этом как можно глубже вникнуть в суть производственных отношений, сложившихся в зарубежном мире, установить и наладить деловые контакты с руководителями ведущих фирм и компаний. Одним из результатов моих визитов в Корею и США явилось, например, приглашение известных специалистов в состав нашей экспертной группы, о работе которой я уже рассказывал.

Кстати, большое впечатление на меня произвело знакомство с Президентом Республики Корея Ро Де У. Будучи человеком демократичных убеждений, он много сделал для того, чтобы установить дипломатические отношения с нашей страной. Надеюсь, что я тоже внес свой вклад в развитие всесторонних контактов между нашими государствами, подтвердив добрые и дружеские намерения корейской стороны в своей беседе с М. С. Горбачевым. Одним из результатов моего посещения Кореи стал приезд в Казахстан большого количества корейских бизнесменов, которые уже приступили к практическому сотрудничеству с нашими хозяйственными руководителями.

Недавно Казахстан посетил Президент Турецкой

Республики Т. Озал. Здесь важно отметить, что у народов Турции и Казахстана существуют общие исторические и культурные корни, традиции. В Турции, кстати, проживает большая колония казахов, которые тоже испытывают вполне естественное стремление к возрождению духовных и деловых связей с Казахстаном. Но, конечно, в первую очередь иностранных предпринимателей притягивают к нам такие факторы, как стабильная обстановка в республике, наличие богатейших ресурсов, наша твердая политика перехода на рыночные отношения. В этих условиях мы твердо стоим на принципе: сотрудничество должно быть взаимовыгодным.

Упомянул я об этих встречах и еще по одной причине. И президенты обеих этих стран, и бизнесмены в один голос твердили: без жесткой дисциплины в сфере производственных отношений переход к рынку невозможен. Считаю необходимым еще раз подчеркнуть эту мысль, потому что демократия в экономике имеет свои четкие рамки.

Перечень примеров деловых связей с западными партнерами можно было бы продолжить. Так, моя поездка в США была связана с работой над крупнейшим в истории нашей страны международным контрактом, предусматривающим участие компании «Шеврон» в комплексной переработке нефтяного сырья Западного Казахстана. Вопросы, связанные с завершением подготовки и подписанием этого контракта, мы обсудили на конфиденциальной встрече в Москве с Госсекретарем США Джеймсом Бейкером, состоявшейся по его инициативе.

Уверен, что все эти контакты и деловые инициативы помогут в конечном счете придать нашей экономике цивилизованный характер, включить ее в современный процесс международной интеграции.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Вопрос, которым терзался знаменитый шекспировский герой, в наши дни неожиданно обернулся для всех нас такой драматичной стороной, что порой и верить не хочется неужели от ответа на него зависит судьба всего нашего Отечества, связывающего судьбы миллионов людей?

История вроде бы уже убедила нас отнять и поделить — это далеко не гот путь, что ведет к благополучию и социальной справедливости. Казалось бы, все уже осознали эту истину. Но, видно, не зря говорят, что сердцу не прикажешь. И остается только удивляться, насколько живуче желание хоть кусочек, но отрезать себе от общего или чужого пирога. Не беда, что сытым от него все равно не будешь. Главное — поровну, «по справедливости».

Можно еще как-то объяснить, скажем, существующее среди некоторых людей заблуждение по поводу того, что чуть ли не львиная доля национальных богатств присвоена КПСС. Отсюда и примитивное суждение разгоним партию — вот тогда-то и заживем! Кому и для чего надо подогреть такой настрой, сейчас тоже не секрет. По крайней мере, уже ясно, кто и ради чего претендует на ее место.

Труднее же понять другое явление, возведенное определенными силами уже в ранг открытой политики во что бы то ни стало до конца поделить наше общее национальное достояние, созданное потом и кровью нескольких поколений. Более семи десятилетий значительная часть труда многих миллионов людей уходила в единый котел, и каждый человек надеялся, что если он вносит свой вклад в богатство страны, то и государство в конце концов поможет ему преодолеть нужду.

и лишения. Вправе ли мы обмануть эти надежды и естественное в своей основе стремление советских людей к лучшей жизни? И все ли при этом всерьез задумываются, что же произойдет, если республики разойдутся по своим национальным квартирам и замкнутся в них? Ведь нельзя же представлять себе нашу экономику в виде пирога, который можно спокойно порезать на части. Не надо даже обладать специальными теоретическими познаниями, чтобы предвидеть губительность разрыва экономических связей при той интеграции, с которой мы подошли к сегодняшнему дню. К тому же нет, наверное, нужды доказывать, что создание новых, почти полностью независимых друг от друга государств — слишком дорогостоящее дело. И если определенные политиканствующие круги считают возможным позволить себе такую роскошь, то кто и чем будет ее оплачивать?

Неразумно идти наперекор тенденциям исторического прогресса. Если мы до сих пор все же не научились извлекать уроков из своего прошлого, давайте еще раз обратимся к мировой истории. Для подавляющего большинства ведущих государств сепаратизм оказался давно и окончательно пройденным этапом развития. Через конфедерацию пришли к единому государству Соединенные Штаты Америки. Можно также вспомнить, что аналогичные процессы наблюдались в прошлом в Канаде, Испании и других странах. В наше же время все европейское содружество идет к единению, сулящему новые большие выгоды, освобождающему от огромных материальных издержек, связанных с содержанием государственных и таможенных кордонов, всевозможными пошлинами, лицензированием и тому подобным. Конечно, в тех же США сегодня каждый штат обладает значительно большей самостоятельностью и свободой действий, чем любая из наших союзных республик. Но это уже другой вопрос, связанный с путями обновления нашего союзного государства, с тем, каким мы хотим его видеть.

По ходу своих размышлений я уже не раз касался этой проблемы. Сейчас же хочу только заметить, что для меня понятие «обновленный Союз» имеет вполне конкретное содержание. Думаю, что пора бы положить конец многочисленным спекуляциям, которые продолжаются вокруг этого вопреки здравому смыслу. Большинство союзных республик выработало свою довольно ясную позицию, достигло взаимопонимания по принципиальным вопросам, касающимся роли центра в системе нового государственного устройства, разграничения полномочий, гражданства и других важнейших сторон неотложных преобразований. Эта согласованная платформа отражена и в проекте Союзного договора. Вроде бы все ясно, хотя и предстоит еще большая работа по уточнению многих деталей. Но вот эта ясность почему-то далеко не всех устраивает. Вновь возникают попытки замутить воду — путем передергивания фактов, развертывания новых витков дискуссий, искусственного усиления конфронтаций. В этих политических хитросплетениях и искусственному человеку трудно бывает разобраться. Но, как мне кажется, за ними все явственнее обнажается главное: кое-кто уже просто не желает вести разговор о том, каким быть обновленному Союзу, и пытается поставить на повестку дня вопрос, быть или не быть ему вообще.

У меня, как и у подавляющего большинства казахстанцев, такой поворот дискуссий ничего, кроме решительного протеста, вызвать не может. И только сожаление можно испытывать, когда видишь в этот критический и ответственный момент попытки придать двусмысленность позиции Назарбаева. Даже и нечто вроде укоров приходится иногда слышать в свой адрес: нет ли, мол, противоречий в том, что я, выступая за сохранение Союза, одновременно продолжаю резко критиковать центр? Думаю, что никаких противоречий и двусмысленности в моей позиции нет. Она у меня сформировалась давно. А чтобы не быть голословным, хочу вернуться к двум своим выступлениям принципи-

ального характера. Думаю, целесообразно для начала воспроизвести выступление на XXVIII съезде КПСС:

«Оценивая пройденный перестроечный путь, каждый из нас наверняка задавал себе вопросы: почему партия — бесспорный инициатор общественного обновления — стала утрачивать лидерские позиции? Почему, добившись важных результатов в развитии демократизации и гласности, в борьбе с порожденной сталинщиной командно-административной системой КПСС оказалась под огнем критики?

На мой взгляд, основная причина в том, что мы начали перестройку, не позаботившись о четком плане предстоящих действий, не имея перед собой ясных политических и идейных ориентиров. Сейчас демократическими лозунгами, как щитом, прикрываются все — и «правые», и «левые», вплоть до лидеров откровенно антисоциалистических сил. При такой разноголосице люди зачастую не знают, за кем идти, кому верить, какому богу молиться!

А сколько раз мы сами шарахались из стороны в сторону! Еще два-три года назад буквально отрецивались от идеи рынка и слушать не хотели об этой «крамоле», которая сегодня уже никому таковой не кажется. Точно так же «в штыки» принимался вопрос суверенитета республик, настойчиво поднимаемый коммунистами Прибалтики и некоторых других регионов страны. Ныне сами ратуем за создание союза суверенных государств.

Факт эволюции сознания, конечно, радует, однако далеко ли мы уйдем, полагаясь на метод «проб и ошибок»? Поспешно принимаемые, а затем отменяемые решения больно бьют по авторитету партии. Возьми мы сразу четкий курс на максимальную самостоятель-

ность республик, многих нынешних проблем удалось бы избежать. По крайней мере центр не сшибался бы сегодня под грузом тяжелейших экономических неурядиц, которые давно уже ему не по силам. А чем может помочь, например, Казахстан, если 90 процентов его индустрии находится под контролем московских ведомств! От такой сверхцентрализации и монополизации ни нам, ни Союзу нет никакого проку.

Надо честно признать, что спустя пять лет мы не можем назвать сферу, в которой бы перестройка шла без существенных огрехов. Пожалуй, единственное счастливое исключение — работа средств массовой информации, внесших действительно реальный вклад в обновление общества, не позволивших сорнякам бюрократизма заглушить его первые живые ростки. Но и этот несомненный плюс обернулся для нас негативной стороной. Мы слишком долго предавались эйфории гласности и плюрализма, словно позабыв, что эти достижения мало чего стоят без прочного экономического базиса. Когда народ почувствовал, что планка его жизненного уровня заметно снизилась, все козыри оказались в руках наших противников.

Теперь люди предъявляют вполне обоснованные претензии партии, задают жесткие вопросы нам, партийным руководителям. А что вразумительного мы можем ответить?

Думаю, партии давно пора возвратиться к своим социальным истокам, твердо заявить, что КПСС — это партия рабочего класса, не только выражающая, но и защищающая его глобальные интересы. К сожалению, в отчетном докладе опять отсутствует четкая позиция по этому принципиальному вопросу.

Наверное, выражу мнение многих делега-

тов, если скажу, что заслушанные нами отчеты некоторых членов Политбюро отнюдь не добавили оптимизма. Да и откуда ему взяться, если стиль работы этих коммунистов, входящих в высший партийный штаб, остался прежним, не отвечающим духу перестройки. Как и раньше, истина изрекалась только «сверху», не было у членов Политбюро времени, а скорее всего желания посоветоваться хотя бы с первыми секретарями ЦК компартий. За примерами далеко ходить не надо. Даже такой важнейший документ, как концепция перехода страны на рельсы рыночной экономики, разрабатывался без привлечения полномочных представителей союзных и автономных республик. О его существовании не только широкие массы коммунистов, но и члены ЦК КПСС узнали только из доклада Н. И. Рыжкова на сессии Верховного Совета СССР.

Мне лично такая лихорадочно-поспешная подготовка к переходу от планового хозяйства к стихии рынка напоминает отчаянное отступление армии, не имеющей за спиной заранее подготовленных позиций. А где же были, спрашивается, многие наши ученые, целые институты, десятилетиями занимавшиеся проблемами рыночных отношений в мировой экономике?

Мы — за рынок. И прежде всего за раскрываемые им возможности развития деловой инициативы, предприимчивости, разнообразных форм собственности. Но в то же время — за разумный, взвешенный, тщательно просчитанный риск, не имеющий ничего общего с авантюризмом. Глубоко убежден, что сама идея рынка в нынешней обстановке далеко выходит за чисто экономические рамки и приобретает значение своеобразного консолидирующего стержня. Ведь непереносимое условие

полнокровных рыночных отношений — единство Союза ССР, так как в нашей стране они могут базироваться только на объективно существующем едином народнохозяйственном комплексе, сложившихся экономических связях между республиками

В этой связи не может не тревожить сегодняшнее состояние страны, тот внушающий опасения факт, что широкая политизация масс происходит на фоне экономического упадка и развала управления. Расцветающая меновая торговля буквально добивает и без того шаткую систему договорных обязательств, мы находимся перед лицом реальной опасности полного срыва заданий даже текущего года. К сожалению, в отчете члена Политбюро ЦК КПСС т. Рыжкова Н. И. о мерах, предотвращающих эту угрозу, не сказано ни слова.

Нельзя не заметить, что наше правительство в течение последних лет с упорством, достойным лучшего применения, защищало старые ведомственные структуры, опекало руководителей, приверженных командному стилю. Трудно надеяться, что эти кадры способны радикально изменить методы управления экономикой в условиях рыночных отношений.

Много непонятого творится и в сфере идеологической работы. Ушаты грязи льются на Ленина и ленинизм, самым бессовестным образом фальсифицируются идейные основы партии, а отпора дать некому. По общему мнению делегатов XVII съезда Компартии Казахстана пассивные, даже трусливые действия работников идеологического фронта во главе с членом Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведевым деморализовали партийные силы, нанесли урон идейной убежденности советских людей.

Особенно больно отсутствие четкой перестроечной концепции сказалось на межнацио-

нальных отношениях. Можно только удивляться, что именно этот, наиболее важный в условиях многонационального государства аспект вообще выпал из поля зрения инициаторов перестройки. Сейчас мы не устаем повторять, что наша позиция, которую разделяют все коммунисты Казахстана,— это прочный Союз ССР, единая КПСС. Нас крайне беспокоят усиливающиеся сепаратистские и центробежные тенденции. Но гражданского согласия, интеграции национальных интересов, о которых так часто говорит М. С. Горбачев, люди пока не ощущают. Наоборот, в различных регионах страны вспыхивают междоусобицы, льется невинная кровь. Народы Союза ССР ждут от своего Президента реальной защиты, установления законности, действенных мер по укреплению правопорядка и дисциплины.

Ради того, чтобы не допустить развала Союза и партии, мы предлагаем незамедлительно решить вопрос о суверенитете республик. Если новый Союзный договор не будет принят в рамках нынешнего года, судьба страны станет непредсказуемой.

Думается, уже сейчас на республиканском уровне можно и нужно заключать межправительственные соглашения об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Недавно такое соглашение было подписано в Алма-Ате руководителями республик Средней Азии и Казахстана, и мы надеемся, что число его участников будет расширяться. Нас искренне радует добрая воля нового руководства Российской Федерации, которое также стремится к укреплению горизонтальных межреспубликанских связей. Мы считаем, что подобные соглашения создадут основу нашего Союзного договора.

И еще один вопрос, который очень волнует

коммунистов республики. Я имею в виду настойчивое стремление некоторых партийных деятелей усматривать в перестройке только негативные стороны. Мешая праведное с грешным, рьяно цепляясь за явные и мнимые ошибки, они полностью перечеркивают как перспективу, так и несомненные достижения пройденного пути, пытаются внушить людям, будто в перестройке заключается корень всех зол. Что это — заблуждение, ностальгия по застойным временам или боязнь оказаться под контролем партийных масс? Наверное, все вместе.

Безусловно, путь обновления оказался намного сложнее и извилистее, чем мы предполагали вначале. Но за пять минувших лет приобретены навыки демократического переустройства общества. И мы не можем не отдать должное людям, буквально выстрадавшим нелегкий опыт руководства страной в новых, необычных для нас условиях. Кроме того, пора нам наконец научиться уважать собственную страну, руководителей, которых мы сами же выбираем! В этой связи считаю своим долгом сообщить вам мнение делегатов XVI съезда Компартии Казахстана. Они единодушно высказались за то, чтобы на пост Генерального секретаря ЦК КПСС рекомендовать Михаила Сергеевича Горбачева.

Заканчивая выступление, хочу выразить поддержку высказанной в отчетном докладе мысли о том, что мы не можем допустить, чтобы политическая конфронтация взяла верх, а ведущая сила перестройки — КПСС подверглась расколу. Анализ различных программ и платформ показывает, что точек соприкосновения у нас значительно больше, чем диаметрально противоположных полюсов. Все мы за улучшение народной жизни, за сильную, авторитет-

ную на мировой арене державу. Политический компромисс сегодня — насущная необходимость, единственно возможный путь к достижению всех этих целей. Иного выбора у нас нет».

По-моему, трудно найти противоречия между проблемами, поднятыми мной на партийном съезде, и теми принципиальными положениями, которые я считал необходимым высказать на IV Съезде народных депутатов СССР. Откровенно скажу, реакция центрального руководства на это последнее выступление была очень болезненной. Кое-кто заподозрил меня даже в стремлении к конфронтации. Что ж, если кто-то считает возможным консолидироваться на основе примирения с теми явлениями, которые давно уже стали нетерпимыми и тормозят развитие нашей страны, то мне действительно с ними не по пути. Слишком хорошо известна цена «единства» под командно-административным диктатом. Я же думаю, что сплотиться можно только в том случае, если мы сможем сначала освободиться от того, что нас разъединяет. Впрочем, моя позиция в этом выступлении выражена довольно полно, поэтому воспроизведу и его текст:

«Позволю себе еще раз использовать метафору, столь полюбившуюся многим парламентским корреспондентам. Да, мы вновь, уже в четвертый раз, собрались на нашем довольно вместительном и оттого, наверное, слишком тихомодном, неповоротливом корабле. Если раньше политическое море лишь волновалось, то сейчас штормит. И очень крепко. Стоит ли удивляться, что, глядя на неуверенность рулевого, часть команды пытается перехватить управление, изменить курс, другая — спешит к спасательным шлюпкам, надеясь продолжить плавание автономно, третья — полна надежд вернуться к старым берегам, от которых мы не так уж далеко и ушли. Свидетельство

тому оживление среди бывших соратников Брежнева.

Действительно, это только иллюзия, что командно-административная система, с которой мы упорно боремся вот уже шесть лет, сломана. Ничего подобного!

Разве ослабла жесткая диктаторская хватка центрального аппарата? Разве поколебал декларированный суверенитет республик монолитные позиции ведомств? Скажу прямо — чихать они хотели на наш суверенитет! По-прежнему внешнеэкономическая деятельность в их руках, по-прежнему наши попытки заработать валюту блокируются волевыми, торпедирующими объективными экономические законы указами Президента, подготовленными правительством. Где, скажите на милость, вы найдете такого наивного альтруиста, который бы согласился с узаконенным грабежом и 95 процентов заработанной им валюты отдавал государству? А разве не потерпели мы поражение, не приняв вообще никакой программы перехода к рынку, подменив четкий план ни к чему не обязывающими Основными направлениями?

Последние действия Совета Министров СССР вообще можно сравнить лишь со скрытой диверсией, направленной на развал единого экономического пространства страны. Я говорю о введении фиксированных оптовых цен на сырьевые ресурсы, повышении закупочных цен на сельхозпродукцию и новом порядке налогообложения. Ведь дело даже не в том, что все эти акты наносят серьезный экономический ущерб республикам. Гораздо страшнее другое — то, что розничные цены отданы правительством на усмотрение регионов. Понятно, почему это делается: слишком непо-

пулярны среди населения любые «игры» с ценами. Вот и пытается правительство переложить груз ответственности на республику. Но если в Узбекистане будет одна цена, в Казахстане — другая, а в России — третья, можно представить, какая начнется в стране спекуляция, какой дополнительный тяжелейший груз ляжет на плечи народа!

Пора сказать совершенно откровенно: ошибки в проведении экономической реформы подвели страну к порогу небывалого в ее истории кризиса, который вот-вот начнется.

Мы ценим дипломатический дар нашего Президента. Но, похоже, интенсивная эксплуатация этого дара в ущерб решительным действиям начинает приносить горькие плоды. Искусственная реанимация мертворожденной правительственной программы перехода к рынку, затеянная ради сохранения престижа правительства, — отнюдь не тот компромисс, которому следует аплодировать. Ведь известно: «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»! Мы же сосватали антиподов и теперь ждем, какой уродливый монстр появится на свет в результате противоестественного брака.

Политическая эквилибристика превращает наше движение к рыночной экономике в чистейший блеф. Страна берет миллиардные кредиты без какой-либо гарантии, что они будут с толком использованы. Мы вступаем в рынок, не имея подготовленных людей, досконально знающих рыночные отношения. Такой безответственности в экономике не могла себе позволить даже тоталитарная система. Как известно, накануне индустриализации сотни советских инженеров были направлены в западные страны учиться уму-разуму, и не меньшее количество иностранных «спецов» работало на

наших промышленных предприятиях. Стоит ли удивляться крайней вульгаризации отечественного предпринимательства, ориентированного на сиюминутное экономическое рвачество, но отнюдь не на долговременную деловую перспективу!

Для ясности хочу подчеркнуть: в стратегическом плане я разделяю курс М. С. Горбачева и твердо стою на этой позиции. Однако политика перестройки требует, на мой взгляд, изменения тактики внутри страны и решительных действий в важнейших направлениях.

Не могу согласиться с такой политикой, когда страна захлебнулась сладкой патокой красивых слов о демократизации и уже пошла побираваться по богатым столам Европы в поисках хлеба насущного. Униженный и оскорбленный народ вправе спросить с вас, Михаил Сергеевич, с вас, Николай Иванович, где же плоды обещанной модернизации нашего машиностроения и столь широко разрекламированной конверсии? Где конкретные результаты намеченной в свое время программы научно-технического прогресса? Где 77 миллиардов рублей, выделенных на развитие переработки сельскохозяйственной продукции? Эти практические шаги, с которых мы начинали перестройку, были абсолютно верными, однако благие пожелания, как в песок, ушли в политический треп. Сегодня лучшие инженерные умы, самые квалифицированные рабочие оборонных предприятий озабочены выпуском обычных кастрюль. Наверное, я не раскрою большую государственную тайну, если скажу, что КГБ СССР подготовил выставку простейших товаров народного потребления, выпускаемых на Западе. Спасибо товарищам, выставка действительно смотрится с большим интересом. Но если уж госбезопасность стала заниматься

такими делами, то зачем нам нужен аппарат Совета Министров! Стыдно и больно говорить об этом...

В этой связи хочу задать вам прямой вопрос: долго ли мы еще будем предаваться бесплодной критике совершенных ошибок и заниматься самобичеванием? Надо получить ответ на вопросы: если будет повышение цен, будет ли компенсация? Каков бюджет Союза и республик на 1991 год? Будем ли мы переходить на рыночную экономику? Ответа пока нет. Доверять переход к рынку существующему правительству — значит заведомо угробить дело. Строительство рыночных отношений — совершенно противоестественная для него задача. Поэтому я призываю вас сделать решительный шаг — вернуться к логике и концепции программы Шаталина — Явлинского и принять ее, конечно, с доработкой, как реально отвечающую кризисной ситуации. Кстати сказать, отставку Явлинского надо расценить как отчаянную попытку обратить наконец внимание общественности на абсолютную непробиваемость нашего правительства.

За последнее время немало иронических стрел выпущено по поводу так называемого «парада суверенитетов». Да, «парад» состоялся, но глубоко ошибаются те, кто видит в нем лишь выражение местничества, сугубо амбициозных интересов и не замечает глубинных причин, вызвавших этот процесс. А причины — в параличе центральной власти, в эгоизме ведомств, не желающих и никогда не соглашающихся поступиться своими диктаторскими правами. Отсюда и развал экономики, и рост преступности, и кровь межнациональных конфликтов. Можно ли бросать камень в республики, которые пытаются хоть каким-то образом оградить себя от дестабилизирующей

политики центра? Можно ли обвинять их в сепаратизме только за то, что они проявляют нормальное чувство самосохранения при надвигающемся хаосе?

Скажу больше. Привыкнув за минувшие десятилетия к организующей роли центра, мы упустили момент, когда декларации о суверенитете могли бы принести максимальный эффект, остановить лавинообразный процесс распада горизонтальных связей. Сегодня республики не могут более ждать, они действуют самостоятельно, берут ответственность за Союз на себя. И в этой их политической и экономической самостоятельности заключен единственно возможный путь нормального развития каждой республики в отдельности и одновременно всех республик вместе.

Я, например, не склонен паниковать, когда слышу о том, что наш Союз, дескать, разваливается. Не склонен также очень уж винить за это и центр. И знаете почему? Потому что рано или поздно нечто подобное должно было произойти. Здание с неправильно заложенным фундаментом долго не устоит. Первый ветерок здравого смысла, подувший в апреле 1985-го, это нам доказал. Верный по сути ленинский проект нашего общего дома осуществлялся никудышными прорабами. Ведь не республики объединились вокруг центра, а центр «привязал» республики к себе. Вот и происходит теперь объективный процесс распада. В то же время возникает новый Союз — самое, пожалуй, светлое событие в наших далеко не веселых буднях. Я имею в виду подписание договоров между республиками, в которых признается суверенитет друг друга, подтверждаются сложившиеся границы, устанавливаются самые эффективные — прямые экономические связи и координируются интересы

сторон. Уверен, что эти документы — и есть основа нового Союзного договора, фундамент и несущие конструкции нашей обновленной федерации, за которые выступает Казахстан.

Поговаривают, что, мол, двусторонними и многосторонними договорами республики противопоставляют себя центру. Мы и не спорим: действительно, противопоставляют! Но именно тоталитарному, подавляющему все и вся центру, который олицетворял собой командно-административную систему, завел страну в глухой тупик. Из тупика же один выход — назад. Поэтому незыблемую до последнего времени истину, которой мы слепо следовали многие десятилетия, надо прочесть в обратном порядке, и тогда все встанет на свои места: не центр определяет, как жить республикам, а республики определяют, каким быть центру, какими полномочиями ему обладать.

Конкретику Союзного договора нам предстоит определять вместе. Но давайте в любой момент прений, в любой момент выработки окончательного решения не будем забывать о главной его цели. А она, по-моему, должна быть сформулирована так: решительное обновление нашей многонациональной страны — Союза суверенных государств — на путях интеграции, духовного единства, политической и социально-экономической консолидации наших народов».

Что ж, может быть, моя критика, высказанная в адрес руководства страны на партийном съезде, последнем Съезде народных депутатов Союза, а также и в ряде выступлений в средствах массовой информации, покажется кому-то действительно резкой. Но я считал и продолжаю считать свои критические замечания, во-первых, вполне обоснованными, а во-вторых, логич-

ными и последовательными. Нельзя союзному руководству в общем-то верный стратегический курс осуществлять методами, которые тормозят перестройку в целом, мешают республикам освободиться от продолжающейся унижительной мелочной опеки центра, от стремления сверху регламентировать каждый их шаг, связать их творческую инициативу. Ведь до сих пор, и после образования союзного Кабинета, продолжается административное вмешательство центральных органов даже в дела отдельных предприятий. Уверен, что в этих условиях любая здоровая критика только на пользу делу и без нее вперед не продвинешься. Думаю, что она уже в значительной мере способствовала продвижению в решении целого ряда жизненно важных для страны проблем. Хоть и не так быстро, но все же удастся преодолеть сопротивление основополагающим принципам обновления СССР как Союза суверенных государств, выдвинутым большинством республик и согласованным между ними.

В то же время я твердо поддерживаю все искренние усилия союзного руководства по консолидации нашего общества. И не могу понять необоснованных критиканских нападков на его разумные действия. Ведь порой с порога отметаются любые шаги к лучшему только потому, что они предпринимаются именно центром. Нельзя строить серьезную политику по принципу: «Лишь бы против, лишь бы наперекор». Это уже привело к тому, что до сих пор мы не имеем в стране общей, согласованной программы действий, вынуждены важнейшие общегосударственные проблемы решать экспромтом. И я бы сейчас не брался утверждать, кто за это несет большую часть вины.

Если уж действительно кто-то считает, что ему не по пути с другими в составе обновленного Союза, то, как говорится, насильно мил не будешь. Но не думаю, что можно будет до бесконечности обманывать себя и внушать людям иллюзии, будто в одиночку можно скорее осуществить переход в лучшую жизнь. Костяк будущего нового государства, включающий участву-

ющие в подготовке Союзного договора республики, уже сложился. Основы его прочности — мощный экономический потенциал, составляющий не менее 80 процентов от того, чем располагают на сегодняшний день вместе взятые пятнадцать республик. Поэтому нет никакой необходимости тащить кого-то за собой арканом. Пусть подумают — время поможет сделать выбор.

Но это только одна сторона проблемы, основывающаяся лишь на холодном экономическом расчете. Те, кто сейчас отворачивается от Союза, все же должны и другое учитывать, в первую очередь задаться вопросом: как быть с миллионами людей, которые не захотят жить за границей своей страны? Во всяком случае, я лично плохо себе представляю, как можно будет разрубить кровные узы, связывающие со страной 70 миллионов человек, проживающих сейчас за пределами своих родных республик, миллионы семей, созданных на основе смешанных браков. Нельзя же ставить людям в упрек их святое чувство принадлежности к одной великой Родине. И что станет из того, если это чувство окажется сильнее политических амбиций сепаратистов?

Лучше все же, если все мы не будем ждать результатов очередных экспериментов, а еще раз серьезно задумаемся над их возможными последствиями. Не так давно Верховный Совет Казахстана высказал свою твердую позицию и решимость сохранить наше Отечество на основе обновленного содружества суверенных государств. Думаю, что в Обращении ко всем Верховным Советам республик Союза ССР, единодушно принятом нашими народными депутатами, отразились чаяния не только подавляющего большинства казахов, но и каждого советского человека, которому не безразлична наша общая судьба. Надеюсь также, что строки этого документа найдут отклик и в сердцах тех, кто еще не сделал для себя окончательного выбора.

ОБРАЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КАЗАХСТАНА К ВЕРХОВНЫМ СОВЕТАМ РЕСПУБЛИК СОЮЗА ССР

Мы, народные депутаты Казахской ССР, выражая тревогу и чаяния народов многонациональной республики, руководствуясь жизненными интересами миллионов своих избирателей, голосом собственного разума и совести, в эти критические для судеб страны дни обращаемся к Верховным Советам всех братских республик Союза ССР с призывом проявить политическую мудрость, выдержку и дальновидность, сделать все возможное, чтобы предотвратить грядущую катастрофу — развал нашего великого союзного государства.

Нельзя закрывать глаза на реальность подобного трагического исхода событий в условиях, когда деструктивные силы в угоду личным и групповым амбициям, узкокорыстным интересам эксплуатируют идею свободного национального развития народов, подвергают скрепленную потом и кровью многих поколений межнациональную дружбу тяжелейшим испытаниям.

Безусловно, в нашей совместной истории есть серьезные причины для взаимных обид, разочарований и сомнений. Они порождены десятилетиями господства командно-административной системы, узурпировавшей власть в нашем общем доме, присвоившей себе право говорить и действовать от имени народов. Покончить с тоталитарным прошлым можно только вместе, только объединив усилия.

Казахский народ, все народы республики не мыслят себя вне нашего единого Отечества, сохранение которого отвечает и политическим, и экономическим интересам многонационального Казахстана. Развал Союза неизбежно повлечет за собой полный крах экономики республик, резкое ухудшение жизни миллионов людей, отбросит всех нас вспять на целые десятилетия, нанесет непоправимый ущерб сотрудничеству со странами мирового сообщества. У нас нет иного пути, кроме

как к обновлению Союза на основе заключения Союзного договора между суверенными, равноправными республиками.

Твердо придерживаясь этой позиции, мы в то же время отчетливо сознаем, что нельзя строить новую федерацию, отвергая здоровые общегосударственные устои, игнорируя конституционную власть, действующую в соответствии с волеизъявлением всего советского народа. Опасно превращать естественные в процессе перестройки противоречия между республиками и центром в чреватую непредсказуемым гражданским противостоянием «войну законов», а тем более пытаться создать «параллельный центр», что неминуемо приведет к дестабилизации политической обстановки в стране.

Надо поставить прочный заслон разрушительным центробежным силам. Считаем, что особая миссия в этом деле принадлежит народным депутатам РСФСР, поскольку именно народы России, в полной мере испытывавшие гнет командно-административной системы, могут и должны играть важную конструктивную роль в формировании обновленного Союза.

Обострившаяся политическая ситуация не позволяет ждать, пока все республики определят свое отношение к Союзному договору. Необходимо безотлагательно начать диалог с теми, кто выступает за сохранение единства страны, оставив за остальными республиками право присоединиться к нему в любое время, когда они сделают окончательный выбор. Опираясь на принятые декларации о государственном суверенитете, мы обязаны дать четкие ответы на основополагающие вопросы — каким быть нашему Союзу, каким быть новому центру. Это особенно важно сейчас, когда явно наметилось стремление центральных ведомств к игнорированию суверенных прав республик.

Народу Казахстана, который грудью защищал Москву в суровом сорок первом, давал Родине большой хлеб, предоставил стартовую площадку для прорыва в космос, небезразлична судьба Отечества. Мы за проч-

ное единство суверенных республик, дальнейшее укрепление демократизации и гуманизации общества, обеспечивающее политические, социальные, экономические свободы и гарантии каждому человеку независимо от его национальности. Мы хотим быть вместе со всеми другими республиками нашей многонациональной страны в составе обновленного Союза.

Стремление к обновлению и сохранению прочного Союза — это не просто политика руководства республики. Такова твердая воля всех народов многонационального Казахстана, выраженная и в итогах только что прошедшего референдума. Свыше 94 процентов принявших участие в голосовании сказали «да» нашему Союзу. Кстати, активность населения на референдуме была наивысшей за последние годы. Столько избирателей не участвовало даже в выборах народных депутатов СССР, Верховного и местных Советов республики.

Теперь о перспективе. По моему, в спорах о том, чем отличается суверенная республика от суверенного государства, кроется подвох. В статье 76-й ныне действующей Конституции СССР уже давно и ясно за-

писано «Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик» Из этого мы и исходили принимая Декларацию о суверенитете Никто ничего нового не изобретал Другое дело, что понятие «суверенное государство» у нас утратило практический смысл Возрождение подлинного государственного суверенитета республик — основа, на которой должно произойти обновление Союза Но это не значит, что наши республики не могут быть в федеративных отношениях Разве возможна абсолютная государственная самостоятельность, если мы говорим о неделимом экономическом пространстве, о необходимости сохранения единой армии как залога нашей общей безопасности? Более того, дальнейшая интеграция экономики, на мой взгляд, неизбежно приведет к более тесному сплочению республик, поможет преодолеть те элементы отчуждения, которые возникли в последние годы Ну а о проблеме разделения полномочий между общесоюзными и республиканскими государственными органами мы уже говорили достаточно подробно

в систему, слаженную программу действий. Страна устала от экспромтов и импровизации на ходу, порой лишь усиливающих раздирающие ее противоречия. Есть ли на сегодняшний день у Вас видение целостной перспективы действий?

Мне кажется, что стратегическое направление, по которому следует продвигаться вперед, — это создание рыночных отношений в экономике. Сейчас узловым вопросом состоит в том, чтобы обеспечить последовательность, скоординированность действий и по линии вертикальных связей Союза, и по линии горизонтальных межреспубликанских отношений. Надо быть реалистами еще далеко не весь накопленный потенциал кризиса вышел наружу. И если продолжать и впредь действовать вразнобой, усиливать политическую конфронтацию, то его масштабы могут иметь трагические последствия. На мой взгляд, чтобы овладеть ситуацией, сейчас необходимы следующие условия

Во-первых, надо всем нам понять, что главное сейчас — выйти из кризиса в экономике и дать людям веру в завтрашний день. Для этого нужно правительство народного доверия с четкой программой действий по стабилизации экономики и переходу на рыночные отношения. Это правительство должно получить мандат доверия и полномочия на определенный срок с полной ответственностью за результаты.

Во-вторых, надо во что бы то ни стало на какой-то период (думаю, на два-три года) отделить экономику от национальных и межнациональных проблем. Поможет в этом только скорейшее заключение Союзного договора. Убежден, что между республиками, как и между народами, за редким исключением, нет причин для непримиримых разногласий и конфронтаций. Но поскольку они все же возникают и сохраняются, то в ближайшее время трудно будет говорить о полном национальном согласии в стране. Поэтому надо совместными усилиями выработать ме-

ры, исключаящие дезинтегрирующее и деструктивное воздействие этих проблем на экономику. Возможность и эффективность таких шагов подтверждают заключенные между республиками горизонтальные экономические соглашения. Подобные принципы теперь необходимо заложить в основу взаимоотношений республик с центром

В-третьих, следует ясно представлять, что распалась единая идеология, долгие годы служившая мощным объединяющим началом. В связи с этим всякие попытки любых политических сил довести непременно до победного конца свои притязания на лидерство, по моему, граничат с безрассудством. Бессмысленно, конечно, призывать всех их к консолидации. Но необходим политический компромисс, позволяющий предотвратить дальнейший, для всех губительный, распад экономических связей.

Еще немного безрассудства — и ситуация в стране примет необратимый характер во всех отношениях. Поэтому, на мой взгляд, надо в законодательном порядке принять согласованные специальные решения об ограничении на определенный срок любых действий, разрушающих координацию экономики. Это сейчас даже не вопрос выбора. Выбора уже нет

При этом нельзя допускать шагов, препятствующих развитию процесса демократизации государственной и общественной жизни. Но при этом в стране должны утверждаться подлинно демократические начала, не имеющие ничего общего с анархией, вседозволенностью, антиконституционными действиями. Чтобы здесь реально продвинуться вперед, я думаю, настала пора переходить от гласности к свободе слова, от митингования к парламентским методам борьбы, от тошательной критики и мелочной ругани к выдвижению конкретных политических и экономических программ

Я являюсь последовательным сторонником создания равных материальных условий для развития всех конституционных партий и движений, открытой кон-

—

курентной борьбы за влияние и власть. Но в экономике сейчас нужна атмосфера ясности и четкости, здесь должна господствовать законность, если хотите, самая жесткая дисциплина и ответственность. Без этого переходный период к рынку нам просто не одолеть. Пусть ведут политическую борьбу любые партии и движения, но в условиях стабилизации экономики и перехода к новым, рыночным отношениям необходим категорический запрет на какое-либо партийное, политическое, идеологическое вмешательство в этот процесс.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что слишком велика цена политики, ставящей во главу угла личные амбиции, попытки монополизировать право на истину. По-моему, сейчас уже только одно чувство самосохранения должно всем подсказать, что любые действия, вызывающие усиление экономического и социального хаоса, приведут завтра к такой буре, которая сметет всех. Рухнет в одночасье вся политическая надстройка — вместе со всеми ее «центрами», «правыми» и «левыми». Только вот под обломками окажутся не только «творцы» несостоявшихся проектов, но и последние надежды людей на нормальную, человеческую жизнь. Нельзя не сознавать реальность такого исхода. И предотвратить его может только одна политика — политика здравого смысла.

Скорее на реалистичной. Ведь многих трудностей объективного характера все равно не удастся избежать. Например, дальнейшего спада производства со всеми вытекающими из этого последствиями. Но я думаю, сможем мы выдержать эти испытания и не дадим в обиду людей, которые верят в нас.

Содержание

От издательства
5

Черный хлеб детства
7

Первые наставники
44

Горячий стаж
65

В замкнутом круге
92

Как решались вопросы
119

Сыны времени
142

Сила инерции
175

Когда за ошибки платят другие
204

Быть или не быть?
230

Нурсултан Назарбаев: без правых и ле-
Н 19 вых.— М.: Мол. гвардия, 1991.—
254 [2] с.

ISBN 5-235-01923-7 (2-й з-д)

Издательство «Молодая гвардия» знакомит читателя с популярным политическим деятелем — первым Президентом Советского Казахстана Н. А. Назарбаевым. На пестром политическом небосклоне его звезда для многих излучает сейчас свет надежды, утраченной при виде непрекращающейся амбициозной борьбы различных политических течений и их лидеров, усиливающей непредсказуемость развития событий. В чем причина популярности героя книги, сумевшего в трудных условиях современной жизни консолидировать общественные силы республики, направить их в русло созидательной работы? На этот и многие другие волнующие вопросы читатель сможет найти ответы на страницах издания, включающего автобиографические очерки Н. А. Назарбаева, его размышления над прошлым и проблемами наших дней в остром диалоге с издательством.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Н 0803010200—116 КБ—018—010—91 ББК 65.9(2К)
078(02)—91

ИБ № 7533

Все права на переиздание книги принадлежат издательству
«Молодая гвардия»

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ: БЕЗ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ.

Редактор **А. Житнухин**

М.л. редактор **А. Саушкина**

Художник **Н. Иванов**

Художественный редактор **А. Мусин**

Технические редакторы **Г. Прохорова, Н. Тихонова**

Сдано в набор 04.04.91. Подписано в печать 30.04.91. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Услови. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 21,05. Учетно-изд. л. 10,4. Тираж 100 000 экз. (50 001—100 000 экз.).
Заказ 1095. Цена 2 р. 40 к.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сушевская, 21.

ISBN 5-235-01923-7 (2-й з-д)